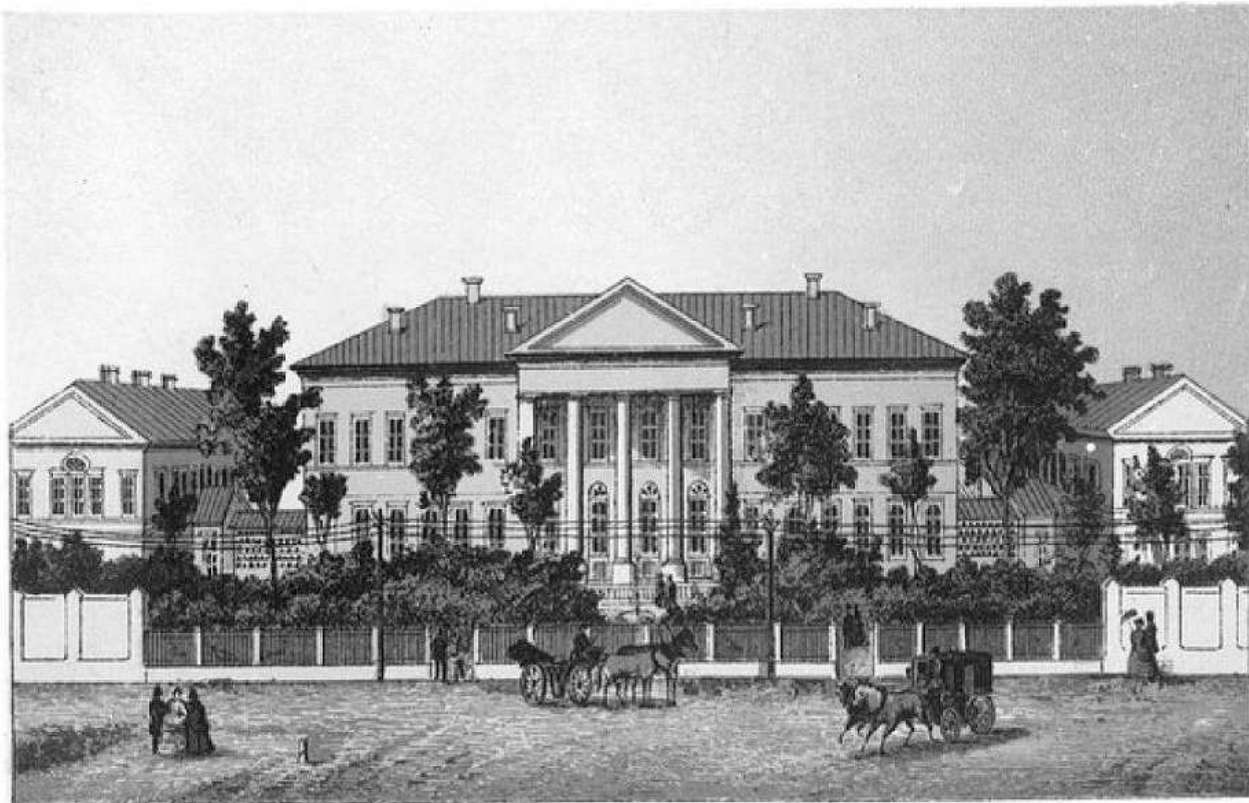

№1-2012

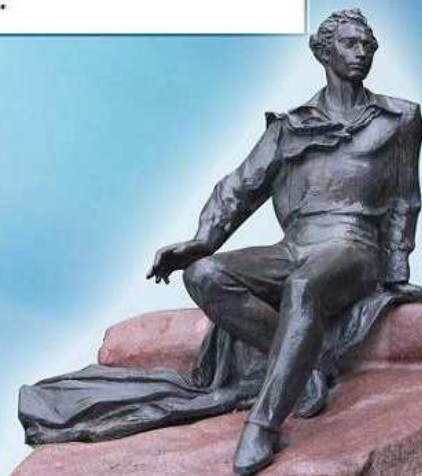
НИКОЛАЕВ

Литературный

МОРСКОЕ СОБРАНИЕ ВЪ НИКОЛАЕВЪ.

Сентябрь-2012

Содержание

Колонка Главного редактора.....	3
Поэзия.....	5
Вячеслав Качурин	5
Дмитро Кремінь.....	19
Эдуард Багрицкий.....	36
Проза.....	50
Валерий Ганичев.....	50
Иван Григурко.....	72
Драматургия.....	77
Анатолий Маляров.....	77
Журналистика.....	108
Анатолий Самойленко.....	108
Юмор и Сатира.....	116
Борис Брайнин.....	116
Журнал «Паяць» (г. Николаев 1907 г.).....	127
Николаевская старина.....	137
Татьяна Губская «Город мраморных ангелов».....	137
Эрнест Дримпельман «Николаев в 1788 году».....	150
Николаевский хронограф. Октябрь.....	155
Книгоиздательство.....	160
Ирина Гудым.....	160
Лев Траспов.....	162
Библиотечное дело.....	163
Советуем почитать.....	163

Дорогие наши читатели!

Перед вами вот уже второй номер нашего нового гуманитарного проекта "Николаев литературный". Что можно сказать о первых результатах нашей совместной деятельности? При всех досадных недочётах и непредвиденных трудностях этого, нового для нас дела, уже сегодня можно с уверенностью говорить о том, что наши усилия не пропали даром, а первоначальные идеи и замыслы постепенно претворяются в жизнь! Об этом, в частности,

свидетельствуют ваши многочисленные отзывы в нашей Гостевой книге, дискуссии на литературном форуме сайта и активный интерес читателей самых различных стран и континентов к произведениям николаевских поэтов, писателей и драматургов. И не случайно, только за два неполных месяца существования нашего проекта его посетили около двух тысяч наших читателей более чем из 20 государств мира! Многие наши зарубежные читатели сами присылают нам ранее нигде не издававшиеся уникальные фото и видеоматериалы, тексты произведений николаевцев разных эпох и уже сегодня в нашем портфеле ряд интересных произведений присланных из США, Италии, Израиля, Португалии и пр.

А что касается нашего второго номера нашего интернет-журнала, то в нём редколлегия продолжила реализовывать свой первоначальный замысел - представить нашим читателям всё лучшее, что было создано литераторами нашего корабельного края за всю его более чем двухвековую историю. В разделе ПОЭЗИЯ мы представляем замечательного украинского поэта, Лауреата литературной премии имени Т.Г. Шевченко, профессора Дмитра Креминя, признанного одним из лучших современных поэтов Украины. В этой рубрике вы также познакомитесь с творчеством известного классика советской литературы Эдуарда Багрицкого, жившего и работавшего в нашем городе, а также со стихами и песнями николаевского поэта и барда Вячеслава Качурина.

В нашей постоянной рубрике ПРОЗА сегодня представлен прекрасный украинский прозаик второй половины прошлого столетия Иван Григурко, автор широко известных на Украине романов "Канал", "Красная рыба", "Далёкие сёла", "Ватерлиния" и др. В этом же разделе мы знакомим наших читателей с творчеством Валерия Ганичева - председателя Союза писателей России, нашего земляка, неутомимого историка и исследователя захватывающих событий, происходивших на землях нашего края в конце 18 столетия, автора замечательных романов об адмирале Ф.Ф.Ушакове и Светлейшем князе Г. А. Потёмкине.

В рубрике ДРАМАТУРГИЯ популярный николаевский прозаик и драматург Анатолий Маляров представит вам свою захватывающую остросюжетную пьесу «Стукач», с успехом поставленную на многих театральных подмостках.

Любители НИКОЛАЕВСКОЙ СТАРИНЫ найдут в этой рубрике массу интереснейших фактов из жизни старого Николаева и его жителей, многие из которых покоятся сегодня в николаевском «Некрополе» – уникальном месте вечного успокоения многих выдающихся личностей нашего города- писателей, адмиралов, священнослужителей. О современном состоянии николаевского Некрополя вы узнаете из опубликованных нами глав фундаментальной книги николаевского историка и патриота родного края Татьяны Губской «Город мраморных ангелов». Большой популярностью среди наших земляков из разных стран пользуется подраздел НИКОЛАЕВСКИЙ ХРОНОГРАФ, в котором для вас собраны наиболее известные события каждого дня в октябре, связанные с жизнью города Николаева. Здесь же вы можете прочитать одно из наиболее ранних воспоминаний о первых годах жизни только что появившегося города Николаева-путевых заметках известного путешественника конца 18 века- немецкого врача Э.В. Дримпельмана.

Читателей нашей постоянной рубрики САТИРА И ЮМОР ждёт увлекательное знакомство с сатирическими стихотворениями и пародиями нашего известного земляка- писателя и полиглота Бориса Брайнина, знавшего и переводившего более чем с 15 языков мира. А кроме того, вы сможете оценить уровень замечательного юмористического журнала «Паяц», издававшегося в Николаеве более 100 лет тому назад- в 1907 году.

Как всегда о новых книгах, готовящихся к выходу в крупнейшем николаевском издательстве Ирины Гудым, расскажет её неизменный директор и основатель-Ирина Александровна Гудым, открывшая и давшая вторую жизнь произведениям многих николаевских прозаиков и поэтов. Ну, а кроме того, в наших постоянно пополняемых рубриках ФОТОАРХИВ и ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ ищите и смотрите новые фотографии и видеозаписи, которые без сомнения, позволят вам существенно расширить горизонты знаний о творчестве многих известных писателей, поэтов, журналистов и драматургов. Приятного прочтения!

**Главный редактор интернет- журнала
«Литературный Николаев»
поэт Вячеслав Качурин**

П о э з и я

Вячеслав Качурин

Вячеслав Тимофеевич Качурин родился 20 января 1942 года в селе Бык Саратовской области. После школы учился в Комсомольском-на-Амуре пединституте, а после в Николаевском пединституте (физико-математический факультет). После окончания института работал учителем в селах Крымской и Николаевской областей. В это время появились первые публикации В. Качурина в местной прессе. Затем служил в армии, был связистом на радиостанции средней мощности. После службы он поступает на работу в вечернюю школу на антарктической китобойной флотилии «Советская Украина». Участвовал в нескольких рейсах в Антарктиду.

В 1974 году вышла первая книга В. Качурина «Берег волны». Она посвящена дальним широтам, королевским пингвинам, настоящим мужчинам – морякам. В. Качурин – автор сборников «Берег волны» (1974), «Открытый океан» (1979), «Дорога за город» (1990), «Волшебные рельсы» (1987). Вячеслав Качурин – известный поэт, член Национального союза писателей Украины, Союза писателей России, автор более 20 сборников стихотворений. Его стихи и песни знают и любят николаевцы всех поколений – от детей до убеленных сединами ветеранов.

Вячеслав Качурин

Николаевский вальс

Волны Буга нахохлили гривы,
Дикий сад притаился в тени,
От моста до моста, от Косы до Намыва
Берега зажигают огни.
На ветру кружат листья живые,
И оркестры плывут над рекой.
В этот вечер с тобой мы танцуем впервые
Незатейливый вальс городской.

У яхт-клуба качаются лодки.
Над причалами чайки снуют,
А девчонки стоят у ворот мореходки
И ребят на свидание ждут.
Наша юность, увы, быстротечна,
Но года провожая с тоской,
Я сегодня в любви признаюсь вам навечно,
Адмиральская с Малой Морской!

Николаев, мой сон корабельный,
Белый призрак над легкой волной,
Ты мелодия песни моей колыбельной,
Хоть негромкой, но все же родной.
Запылённых акаций навесы,
Громыханье трамваев ночных...
Но ни скверы Москвы, ни бульвары Одессы
Не заменят мне улиц твоих!

Мой главный причал

С рожденья ты стал мне и братом, и другом,
Мечтой и любовью, началом начал.
Ты звонкая песня над медленным Бугом,
Родной Николаев – мой главный причал!

Здесь каждый мальчишка рождён корабелом,
Здесь каждый проулок мне с детства родной.
Ты белая чайка над парусом белым,
Ты синее небо над синей волной!

Твои переулки, кварталы и скверы
Немало расскажут о днях фронтовых:
Над Вечным огнём, где стоят пионеры,
Священные списки героев твоих.

Играют оркестры в аллеях зелёных,
Над новой Слободкой дома высоки.
Несут твою славу на светлых знамёнах
Рабочие люди – мои земляки.

В защитной спецовке рассветных туманов
На мирную вахту встаёшь ты с утра,
И нет на планете таких океанов,
Которых твои не коснулись ветра.

Встречают тебя черноморские воды,
Ты смотришь на небо глазами веков.
И мощным порывом в грядущие годы
Уносят тебя паруса облаков!

Охота на кашалотов

Тот выстрел был рассчитан тонко:
У гарпунёра верный глаз.
Но не заметил он китёнка,
Что рядом с самкой плыл как раз.

Как он в крови ее метался!
И, носом тычась ей в бока,
Всё повернуть её пытался,
Чтоб дотянуться до соска.

Так и не сжалилась ни разу
Над ним беспомощная мать.
Он плыл за ней до самой базы
И ничего не мог понять.

Мы как-то сразу сжали плечи
И всё поднять не смели глаз,
Когда почти по-человечьи
Он из воды взглянул на нас.

Потом, как с матерью простился,
Он так кружился по волнам,
Как будто на руки просился,
Как будто жаловался нам...

Осенняя мелодия

Вдоль тропы листва густая,
Опадает к стуже лес.
Улетает стая, тая
В сером сумраке небес.
Ни листочка, ни цветочка
Под холодной лунной мглой...
Обрывается цепочка
Между небом и землёй.

Голосистые вороны,
Всех сородичей собрав,
Оккупировали кроны
Мирно дремлющих дубрав.
Лишь туманов оболочка
Да промозглый ветер злой...
Обрывается цепочка
Между летом и зимой.

Тучи, тучи без просвета
Обложили небо сплошь,
Журавли уносят лето
В край, где ты меня не ждёшь.
Журавли за точкой точка
Тонут в дымке голубой...
Обрывается цепочка
Между мною и тобой.

Переходить на «Вы»

Осенние ветра деревья рвут на части,
А под ногами вновь шуршание листвы.
Что было, то прошло, в душе угасли страсти,
И нам с тобой пора переходить на “Вы”.

Минувшее светло, грядущее туманно:
Ни призрачных надежд, ни злой людской молвы.
И глупо и смешно, и горестно и странно
Переходить на “Вы”, переходить на “Вы”.

Сегодня мы скорбим над собственной судьбою,
А завтра не сносить нам буйной головы.
Ах, что ни говори, а нам пора с тобою
Переходить на “Вы”, переходить на “Вы”!

Ни тайного огня, ни робкого порыва, –
Всё стало на места, и оба мы правы.
Но почему душе так больно, так тоскливо
Переходить на “Вы”, переходить на “Вы”?

Тётя Соня

В понедельник, четверг и субботу
Много лет, как обычно, с утра
Приезжает в наш дом на работу
Тётя Соня – хозяйка двора.
Инструмент её – тряпка и веник,
А работа груба и проста:
Был бы мусор сметён со ступенек,
Да у дома была б чистота.
Тётя Соня строга и упряма,
На словечко бывает резка.
На неё наши модные дамы
Смотрят искоса и свысока.
С ней у них отношенья негладки,
Но она с незапамятных пор
В образцовом содержит порядке
Оба наших подъезда и двор.
А на стенде в семнадцатом ЖЭКе
Тётя Соня снята молодой
В сапогах у походной аптеки
И в пилотке с жестяной звездой.
Всё на ней аккуратно и ровно.
Жаль, не знает никто из жильцов,
Что уборщица Софья Петровна
Из огня выносила бойцов.
Что она с сорок первого года
И по самый победный парад –
Санинструктор стрелкового взвода:
Два раненья и девять наград...
Только утро забрезжит в окошке,
Тётя Соня является в дом:
То метлою шуршит по дорожке,
То пустым громыкает ведром.
Всё как есть на Земле принимая,
Чистит, моет, скребёт и метёт.
И с надеждой Девятого мая
От жильцов поздравления ждёт.

Беседа

Я спросил её о муже.
«Мы расстались, –
Говорит, –
Тихо, мирно и к тому же
Без претензий, без обид.»
«Жили скверно?»
«Нет, не скверно.»
«Был несдержанным, грубил?»
«Если б это...»
«Пил, наверно?»
«Нет, не пил и не курил!»
«Увели, видать, мужчину?»
Усмехнулась тихо:
«Нет.»
«Ну тогда открой причину!»
Слёзы брызнули в ответ.
«Знаешь, это несерьёзно,
Ты совсем сошла с ума!
Может быть, ещё не поздно?»
«Я совсем ушла. Сама.»
«Да, – твержу, –
Причин немало:
Неполадки, то да сё...»
И тогда она сказала:
«Не любила!
Вот и всё».

Вечер воспоминаний

Л. Матвеевой

В костре небосвода
Дымок теплохода...
Скупая беседа,
Слова вразнойбой.
Неужто полжизни
Прошло, как полгода?
“Скажи, почему
Мы расстались с тобой?”

Звезда над заливом
Мерцает уныло,
Прибрежные скалы
Ласкает прибой.
Что было, то было,
Всё волнами смыло.
“Скажи, почему
Мы расстались с тобой?”

Нас жизнь разбросала
По разным дорогам,
Но память связала
Одною судьбой.
Нам надо б друг другу
Поведать о многом.
“Скажи, почему
Мы расстались с тобой?”

Немая прохлада
Забытого взгляда,
То чувства волною,
То мысли гурьбой.
Вопросов не надо...
Ответов не надо...
“Скажи, почему
Мы расстались с тобой?”

А ты повторяла...

А было сначала:
Гитара звучала
И сердце стучало –
Рвалось на простор.
Но ты повторяла:
“Мне этого мало;
Стихи да гитара –
Пустой разговор!”

Я песню прервал,
Чтоб душа воспылала,
С золою смешала
Сомненья и страх.
Но ты повторяла:
“Мне этого мало;
Душа отпылает,
Останется прах.”

“Так что тебе надо? –
Спросил я устало, –
Цветов, пьедестала,
Возвышенных слов? ”
Но ты повторяла:
“Мне этого мало;
Я жажду сокровищ,
А ты – про любовь.”

Я дал тебе всё,
Что тебе не хватало:
“Бери, коль мечтала,
Живи за двоих! ”
Но ты зарыдала:
“Мне этого мало;
Я нищею стала
Без песен твоих!”

А было сначала:
Гитара звучала
И сердце стучало –
Рвалось на простор...
Но ты повторяла:
“Мне этого мало;
Стихи да гитара –
Пустой разговор!”

Попутчики

В полумрак сползает мостовая,
Тополя уснули до зари,
И ночная улица пустая
Отражает в рельсах фонари.
В глубине дежурного трамвая,
Где мелькают блики, как в кино,
Отчего ты, слёз не вытирая,
Смотришь в запотевшее окно?

В голубые призрачные дали
С непокрытой пылкой головой
От какой сбегаешь ты печали?
От какой обиды роковой?
Мне не спится и тебе не спится,
И за что нас доля обрекла
Всматриваться в собственные лица
Взглядом, отражённым от стекла?

Но куда б ни мчались мы ночами,
От кого б ни прятались сейчас,
Неотступно следуют за нами
Двойники, похожие на нас.
Словно беспризорные в вагоне,
Мы молчим, о прожитом скорбя.
Можно скрыться даже от погони,
Но нигде не скрыться от себя!

1977 г .

Своя планета

Перед Господом Богом в ответе
И причастный ко всем чудесам
Я живу на отдельной планете,
Я себе ее выдумал сам.
Благосклонной судьбе благодарен,
Я витаю в небесном дыму, –
Сам себе и хозяин, и барин,
И начальник себе самому.

И вознёсшись на десять ступенек
И сломав за собою мосты,
Я сбежал от сомнительных денег
И от жалкой земной суеты.
Среди звёзд недоступных и ярких
Я грядущие песни пою,
Жаль, что вам на своих иномарках
Не попасть на планету мою!

Вы галопом прошли по европам,
Но моих не достигли небес.
Видно так суждено гороскопом:
Мне гитара, а вам «мерседес»...
Над скупыми останками духа,
Золотыми цепями звеня,

Вы, лишённые зренья и слуха,
Пронеслись, не заметив меня.

Что мне ваши «зелёные» тыщи
И шашлык на хмельном берегу –
Я же вижу, насколько вы нищи,
Но подать вам, увы, не могу.
Просто мчась по соседней орбите,
Я на вас уже трачусь давно,
Но сокровищ моих, извините,
Вам пока оценить не дано...

Пророки и угодники

В.Высоцкому

Кто праведник святой, кто греховодник,
Где проще жить – в аду или в раю...
Илья Пророк и Николай Угодник
Нас учат житию и бытию.
Но в жизни их заветам щепетильным
Не внемлют люди, судя по всему –
Угодники прислуживают сильным,
Пророки не подвластны никому.

Чтоб не возникло смут среди придворных,
Чтоб личной не испытывать судьбы,
Вели на казнь пророков непокорных

Послушные угодники-рабы.
Был строг порядок в мире том цивилирном,
Он к нам дошел сквозь вековую тьму –
Угодники прислуживают сильным,
Пророки не подвластны никому.

История, как речка за горою –
Тут у подножья быют её ключи,
Из непокорных выросли герои,
А из послушных вышли палачи.
Протянем руку изгнанным и ссыльным,
У остальных же спросим, почему
Угодники прислуживают сильным,
Пророки не подвластны никому?

Пойдут ли впрок жестокие уроки?
Трубач трубит, не кончена борьба.
Да вот не всякий, метящий в пророки,
Способен подавить в себе раба.
Не каждому быть щедрым и двужильным,
Всё сводится, как прежде, к одному –
Угодники прислуживают сильным,
Пророки не подвластны никому!

* * *

Произведения В. Т. Качурина

- Март: Стихи // Горизонт. – Одеса, 1968. – С.51.
Берег волны: Стихи. – Одесса: Маяк, 1974. – 74 с.
Весенние стихи // Родники: Альманах. Вып.4. – М.: Мол. Гвардия. 1976. –С.126-128.
Там, где полюс недалек. – К.: Веселка, 1978. – 32 с.
Реквием: Стихи // Солдаты мира. – К., 1978. – С.73, 166.
Работа: Стихи // Дніпрові райдуги: Антологія молодієї поезії України. – К., 1978. – С.201-204.
Признание: Стихи. – К.: Молодь, 1978. – 72 с.
Открытый океан: Стихи. – Одесса: Маяк, 1979. – 71 с.
Стихи // Родники: Проза, стихи. – Одесса, 1980. – С.166-168.
Стихи // Від заводського причалу: Поезії. – Одеса, 1981. – С.85-88.
Перо альбатроса. – К.: Веселка, 1981. – 32 с.
Берег вселенной: Стихи. – К.: Молодь, 1982. – 72 с.
Адрес надежды: Стихи. – Одесса: Маяк, 1983. – 79 с.
Учебная тревога: Стихи. – К.: Веселка, 1984. – 16 с.
Знакомая береза // Квітни, земле моя!. – Одеса, 1985. – С.95.
Вірші / Пер. з рос. // Крила нашої весни: Поезії. – Одеса, 1985. – С.203-206.
Ощущение времени: Стихи. – Одесса: Маяк, 1986. – 22 с.
Волшебные рельсы: Стихи. – К.: Веселка, 1987. – 36 с.
Главный праздник: Стихи для млад. Шк. Возраста. – Одесса: Маяк, 1988. – 35 с.
Пора, капитан: Стихи // Голоси гір та степів: Поезії. – Одеса, 1987. – С. 162—168.
Микрорайон: Стихи // Вітер з лиману: Поезії. – Одеса, 1988. – С.202-204.
Дорога за город: Стихотворения. – Одесса: Маяк, 1990. – 94 с.
Отчий край: Стихи // В волнах века: Альманах. – Николаев, 1997. – С.67-69.
Корабельная юность моя: Стихи // На стапелях поэзии. – Николаев, 1999. – С. 10-34.
Ходовые испытания: Стихи и авт. Песни. – Николаев: Суперполиграфия, 2000. – 160 с.: ил.
Грани души: Альманах (из цикла книг литобъединения «Стапель» при ГАХК «Черноморский судостроительный завод») / Сост. В. Т. Качурин. – Николаев: Типография ЧСЗ, 2001. – 139 с.
Линия судьбы: (Стихотворения и авторские песни разных лет). – Николаев: Атолл, 2002. – 259 с.: ил.
Стихи // Література рідного краю: Письменники Миколаївщини: Посібник –хрестоматія / Ред. Н. М. Огренич. – Миколаїв, 2003. – С.173-177.
Душа обязана трудиться // Миколаївський оберіг. – Миколаїв, 2004. – С.112-115.
Я буду космонавтом: Стихи для младшего и среднего школьного возраста. – Николаев, 2005. – 48 с.: ил.

Дмитро Кремінь

Дмитро Кремінь

Люблю тебе завжди. Як ти мене любила.
Які старі слова, та молода – любов.
Хай наша далина давно вже посивіла,
Але до нас летить одвіку стрімголов.
Люблю тебе завжди. У сяєві і блиску
Твій образ дорогий в душі не розтає.
Люблю тебе завжди. І синову колиску,
І лоно золоте праматірне твоє.
Я – паростком лози, барвінком із могили,
Я – сивим камінцем з останньої води.
Зросту, пройду, впаду отам, де ми любили
І відлюбили все ж...

Навіки. Назавжди.

Камені Мигії

Ця земля! Невже у ній – іржаві
Гонтою освячені ножі?
В Коліївській живемо державі,
Та в Мигії – рідні, не чужі.
Гайдамацька бачиться рука мені
Над старезні верби і млини...
Але ти Мигію не клени:
Рідні ці степи і рідні камені,
Рідні українські полини.
Ця земля Залізняка і Гонти,
І свободи недозрілий плід...
Але знову мариш про вогонь ти,
Що ізнов цю землю спопелить.
І тому такі похмурі ранки,
І життя між геніїв-нездар...
Привидом махновської тачанки
Возики прямують на базар.
Президент красується на знімку,
А його держава ледь жива...
Обіймав би Райку Першу, німку, –
Тобто Катерину номер Два, –
Ті були б полегли, ті – підлеглії,
Гумові носили постолои.
До Малоросійської колегії
Знову б малороси доросли.
Кобзарі кобзарили б і нині.
Та колись, на цій таки землі,
Народився б хлопчик в Україні –
Не з тавром, зорею на чолі.
Грушівський його б хрестив ігумен,
Або із Мигії п'яний дяк, –
Він повстав би! І пішли б на Умань
Із Мигії Гонта й Залізняка.
Але, видно, вже така судьба мені.
Видно, це такий у нас прогрес...
Німо плачуть у Мигії камені,
Янголи ці, скинуті з небес.

Бенефіс на Голготі

Яке це щастя, – є на світі Бог.
Яке нещастя – розп'яли обох...
Поетові, гувльвісі, ночоброду,
Мені знайдеться місце і в раю...
Історію біблійного народу
Мій син вивчає...
А коли – свою?
Рівнятися із Господом – негоже:
Я тіль Твоя, і я в твоїм сліду...
Як Ти молився, як Ти плакав, Боже,
У темнім Гетсиманському саду!
В верховній раді, в тім синедріоні,
Коміція по гласності одна
Сиділа ще...
Легіонерські коні
Іржали десь. Дзвеніли стремена
І зовсім поряд озивалась варта
Твоя – се Твій останній бенефіс
У ролі Бога...
– Що він, раб ідеї? –
В парламенті ридали іудеї,
В синедріоні...

– Високо заліз!
Склепали постанову і безсонні,
До персональних осликів пішли.
... Підвівся Ти. Легіонерські коні
Вже зовсім поряд люто захропли.
І поцілунок учня упізнав Ти...
Не бійсь. Голгота – то не Еверест.
У когось, кажеш, персональні авта?
У Тебе буде персональний хрест.
Тебе розпнуть, у Тебе будуть вірять...
На тому світі (Ти і це зятям)
Один лиш у долоні плеще Ірод:
Месію вбити мислив ще дитям.
Петро, ще треті півні не співали,
Вже зрікся (принциповий чоловік).
Горілку з перцем, галушки давали
Пилатові на вишитий рушник.
А там – фінал. Іуда лічить гроші.
Комонівці когось там привели...
Він так просив у римської сторожі,
Аби його за Бога розп'яли.
І...розп'яли.

* * *

Розп'яття над землею,
І на хрестах воскреслі імена.
Лиш я, проїздом через Галілею,
Писав ці богорівні письмена.

Полювання на дикого вепра

Полювання на дикого вепра –
Коли десять районних мужчин
Залишають, а сніг у півметра,
Рівно десять блискучих машин.
І в дублянках, у валянках, гетрах
Із рушницями пруть до вершин.
Над горою займається ранок...

Що ти, веприку, їв на сніданок?
Як сирітками лишиш дітей?
Ти зайняв кругову оборону,
Але люди які! Із району!
Їм до смерті потрібен трофей!
І тоді, коли влада народна,
Або антинародна вона,
Влада бути не може голодна,
Бо яка тоді влада вона?
Їм подай на обід кабана!

Дикий вепр, ти виходь із нічлігу!
Ти мисливцям скрутив уже фігу,
Себто пулю, дикунським хвостом...
Але це задля мітингу – дуля.
А летить із вінчестера куля
І по лобу тебе – батогом!

Ви мисливця вполюєте, вепрі?
Рівно десять троянд на снігу...
У Карпатах або на Ай-Петрі
Ти тікаєш до кулі у нетрі.
А куди ти втечеш? Ні гу-гу...
Обривається слід на снігу.

Полювання на дикого тура!
Це така українська натура –
Десять куль у дурній голові...
Це Говерла чи Рацинська дача,
Зафонтанила кривця гаряча, –
І смерека – мов Спас-на-Крові.
Ще рушниця із цівкою диму...

Я трофей до машини нестиму,
У стрільбі по мішенях – мастак.
Лижуть сніг – і гончак, і вівчарка.
Буде шкварка під вечір, і чарка:
Хто тепер мені скаже не так?
Переможці – стрілець і собака...

Що ж ти, з профілем дикого хряка,
Тихо схопиш з трибуни під свист?
Був мисливцем – долав перевали
І – Маріїнським теж наливали,

А тепер і тебе зацькували
І без кулі убили на піст.
Ах, якої боявся ти зради?
Люди хочуть трофейної влади,
На фіг їм – Одисей і Орфей...

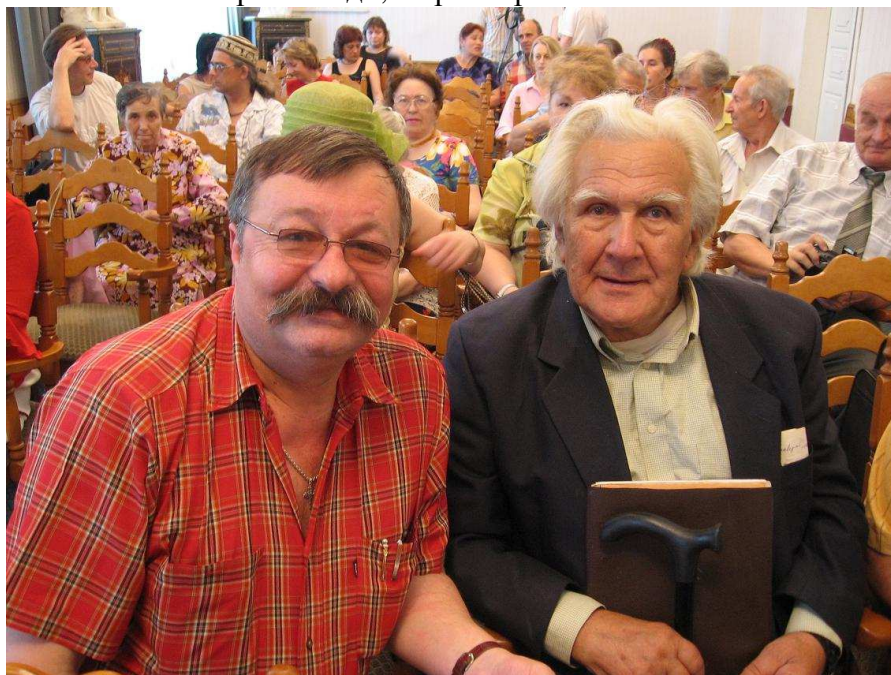
Здуло вітром тебе із вершини,
І війнуло бензином машин,
І в багажнику схлипнув трофей.
Полювання на дикого вепра.
Полювання Ахілла на Гектора.
Треба вбити вдову із дітьми,
Щоб до нас повернулася Троя...
І підсмажать тебе як героя,
Українці, троянці, це – ми!

Повертайся і ти до народу:
Спробуй, сунься в приватну природу!
Чи на Банкову, до верховіть...
Кожен з нас – і мисливець, і жертва,
Та природа, жива або мертва,
Три століття іще простоїть.
Полювання на дикого тигра...
На сафарі ти будеш один.
Там природа забути не встигла
Губернаторський твій лімузин...

Над лиманом

Сонячний дім твій за синім туманом,
Там, над лиманом, де ранок – мов скло...
Що то вже біле чайне крило,
Але біліш паруси над лиманом.
Давній мій друже, ти тільки пожди.
Так величально приходять до тебе
Птиці і риби, зорі і стебла,
В краплі роси, в краплі води.
Світ – не вистава. В дні щастя й біди
Я не купивсь на фальшиві міраклі.
Я собі світ одкриваю до краплі:
В краплі роси, в краплі води.
Може, це все невеликий прогрес? –
Ранковий горніст розлучився із горном.
І з солов'їним, не людським горлом
Я в світовий увіходжу оркестр?
Ген чумаки в небесах, угорі,
Розсипали сіль, і ідуть без ляку...
Досі та сіль із Чумацького Шляху
В краплі моєї малої зорі.
Мамо-природо, ти нам прости,
Доки візьмеш у праматірне лоно.
Бо й перед нами – море солоне,
В краплі води, в краплі роси.
Час нам рахунок веде до межі.
Час не спокусить солодким обманом...
Дім над лиманом встає за туманом
Над одчайдушне світання душі.
Там, над лиманом, гучать голоси...
Ти принеси мені, чаєчко, птаху,
Дрібку зорі із Чумацького Шляху,
В краплі води, в краплі роси...

Дон-Кіхот із лиману

Надивитись на все в Україні,
І рукою махнути на все...
На старій деренчливій машині
На Обухівське вийти шосе.
Був би кінь, як бувало іздавна, –
Проскакав би пропащі літа.
Там історія, кажуть, неславна.
Географія, кажуть, не та.
Їх багато у душу налізло!
Принесли нам свою нелюбов.
І в чорноземі – кров і залізо.
Вже й заліза негусто...
А кров
Забіліє від дусту і хлорки.
І ніхто не назве на ім'я.
...У країні Сервантеса й Лорки
Заробляє країна моя.
На Хрещатику – пані і панії
Не поділять Вітчизну ніяк.
Але був чоловік ув Еспанії,
Все кидавсь зі списом на вітряк...

А де ж те скіфське золото? В землі
Справдешня золота ріка розлита,
Чи відвезли у безвість кораблі,
Грузькі трієри ольвіополіта,
Просіяні пластини золоті
Та пекторалі сонячну осяяність?
Чи їх забрали шторми на путі,
Що мореплавцям дарував Гіпаніс?
А де ж ті скіфи-вої? Де вони?
Чи їхне сім'я звіяно до крихти?
Переловили їхні табуни
Жахних століть залізгодзьобі грифи...
А де золотоносні ковалі?
В ярмі століть мої душа і вия.
Непам'ять і розор моїй землі
Від Дарія до туменів Батия.
Розорений, розораний курган...
По пектораль прийшов сюди ізнов я,
чи захопив столітній ураган
безпам'ятства, безіменства, безмов'я?
Подарували нам залізну кліть,
Не золоту – під вічним зодіаком.
І вся моя історія стоїть
Одним суцільним запитальним знаком.
Де Скіфія? – А кажуть, що була?
Де золото? – В космічній потерусі
Дзвенить під серцем золота стріла,
Дзвенить сережка золота у вусі...

Український апокриф

Апостол на пенсії. Садить огород.
А він розробляв же... закон про апостроф.

...Приходив із Дикого Поля народ,
Але не виходив до нього апостол.
Учора – трибун і великий поет,
А нині парламентський ждав комітет.
Бюджет і духовність.
Зерно і транзит.
Одеські й донецькі. Трюмо із Росії...
Апостол на пенсію вийшов,
На спит
Отих, що й сьогодні – малі гречкосії.
Закон про вино – і не стало вина.
Закон про кіно – і немає кіна!
А ще б до століття досидіти трішки,
І що б залишилось?
Які письмена?
Ні мови, ані української книжки.
Свою він дістане, де зорі Кремля.
Замислиться тяжко.
Поставить автограф.
Історія знову дійшла до нуля.
А панство – гуля.
Український апокриф...
А там, на городі, веселі вітри.
І річка, що вдруге у ню не ввійти.
Пенсійне дозвілля не тягне на оду.
Століття волають гіркі із ріки.
Фракційно гудуть колорадські жуки.
І є ще народ. І живе із городу...

Постскрипtum до літопису

Жебраки, українські поети,
Що ви пишете в бідні газети?
З ким ідете на прю, на ножі?
Вас на Банковій знов піднімає
Той, у кого Вітчизни немає?
А пророки усюди чужі...
У якому тепер тиражі
Вам болять ненаписані книги?
Досі профіль Олени Теліги
Десь у Бабинім тліє Яру...
І далеко до вищої ліги.
Хуторянські і торі, і віги
Крають імпортну мудрість стару.
До чола пристає, мов короста,

Ця Звізда Полинова пророцтва,
Ця зоря українських ночей...
Не солодша од редьки і хрину!
А в Чорнобилі стрінете Ліну, –
Не відводьте сльотавих очей!
Це такі в нас тепер краєвиди:
В "зоні" лосі та лук Артеміди,
Плач посмертний убитих косуль...
І над обрієм небо палає,
І, як обрив, тепер убиває
Нас невидимий ворог без куль.
У церковці Мадонна облисла...
Тут було українське Полісся,
Володимир Велике Гніздо...
Але нас охрестили в неволі,
Та й у світ ми приходимо голі.
О, звіздо! Полинова Звіздо!

Царедворці були, блюдолизи –
Не народні обранці тепер,
Де творці перманентної кризи
Все зривають – і маски, і ризи,
Не барони, графи та маркізи,
Сиволапа еліта, топ шер...
Охлократія чи хохлократія,
Самозвана така демократія,
Титул є – то уже й демократ...
Але сумно у нашому домі,
Де обличчя давно вже знайомі,
А кармін – це не кров по соломі,
Щоб із ним починати парад.
О, часи української драми!
Де те море людське з прапорами,
Дев'яності, недавній Майдан?
І тепер – не герою, не жертві –
У якій помолитися церкві,
Як довкола туман і обман?
І подосі, як символи віри,
Поміж нас польові командири...
Чи насправді такої офіри
Ми чекали, й чекали – од нас?
Просиділи в собі, як у схроні,
А колись – у глухій обороні,
А тепер – у глухій обороні,
А комусь – посидіти б на троні...
Всіх розвіє окрадений час!
І не всіх возведе у герої,
І не кожному золото Трої,
І не кожному – мармур, граніт...
Але шкода землі – дорогої,
Золотої – на ярмарку літ.
А на ній ми приходимо в світ.
Умирає останній поет,
І горять в небесі понад нами
Силуети ольвійських монет
І когорти ідуть під орлами.
Колісниця летить у зеніт
І прохромлено пазури орлі
В серце наших окрадених літ,
І свобода – як лезо на горлі.
Але з нами царі й королі,
Та корони, та пурпурна одіж,
І йдемо то в похід, як на продаж,
То зникаємо в сивій імлі...
...Де ж ти, дівчино, сина народиш –
На якій українській землі?

Постскрипtum до літопису

С. Непомнящому

Зима у Миколаєві. Зима.
На південь прихилився північний полюс.
Трамваї стали, у снігу по пояс...
Де посполите рушення? Нема.
Це знову ні-холера, ні-чума,
Це тільки по ночах свічками кліпать,
А ті, по кому журиться тюрма,
Ті створюють інвестиційний клімат.
Візьми снігів солодких тільки десь...
Мисливці й гончаки пішли на лови.
А ми – про честь. Яка в голодних честь?
Падуть сніги, таємні, мов підтекст,
На сторінки езопівської мови.
Соборне злото сяє крізь югу.
Та не знищенна в наших пустах віра.
Йдуть босоніж пророки у снігу,
Йдуть голідуш у пошуках кумира, –

Щоб не продати віру дорогу,
Їх вигнали з приймальної банкіра.
Зимова в Миколаєві офіра!
У світі – весни, а у нас зима
Стискається, немов петля на карку,
І ці платани голі обійма
Обіймами ведмедя з зоопарку.
Спасіння рукотворного – нема!
Не гине сніг. Не журиться природа.
Усе дорожчий хліб, а не свобода,
Комусь його і скибочки нема.
Зима була. Але пройде зима.
А нам нема ні хліба, ані меду,
А в зоопарку білому ведмедю
Набридло м'ясо, ніжє й бастурма.
Прощай, прощай...
Гримить прощальна мідь.
Гримить сьогодні, бо гриміла вчора.
Від того й білий зчорніє ведмідь,
Що нас бере, бере голодна змора,
І в узголів'ї привидам стоїть
Нещастями рокована потвора.
Я розгортаю сніговий сувій
Хроністом двадцять першого століття.
Що нас чекає завтра? Суховій,
А чи небесна манна і поліття?
Немає нам життя без ворогів!
Всі вороги – масоли і масони.
І посполите рушення снігів
Уже грядє з чорнобильської зони.
І там, де ждав любовного дання,
Де заметіль прийшла, немов невіста,
Там чорний грай, і грає вороння,
Ані життя, ні шаблі, ні коня, –
Пропала українська реконкіста!
Зима у Миколаєві...
До міста
Летять сніги й кульбаба умлівіч.
Атраментом останнього хроніста
Холодні зорі заливає ніч.
А тут – джаз-бенд, "Макдональдс" і так далі.
Самодіяльні Чіо-чіо-сан.
І на Соборній квіти не зів'ялі.
І той же вік. І той жагучий стан.
І є ще мить поглянути угору,
Де не запишуть наші імена.
Під золотими банями собору
Ще ти не раз наплачешся одна.
Сурми, сурмо! Горни, небесний горне!
Горнистим горем стало гореня.
Білій, бідо, бо тільки небо чорне,
Де біле пролітало вороння...

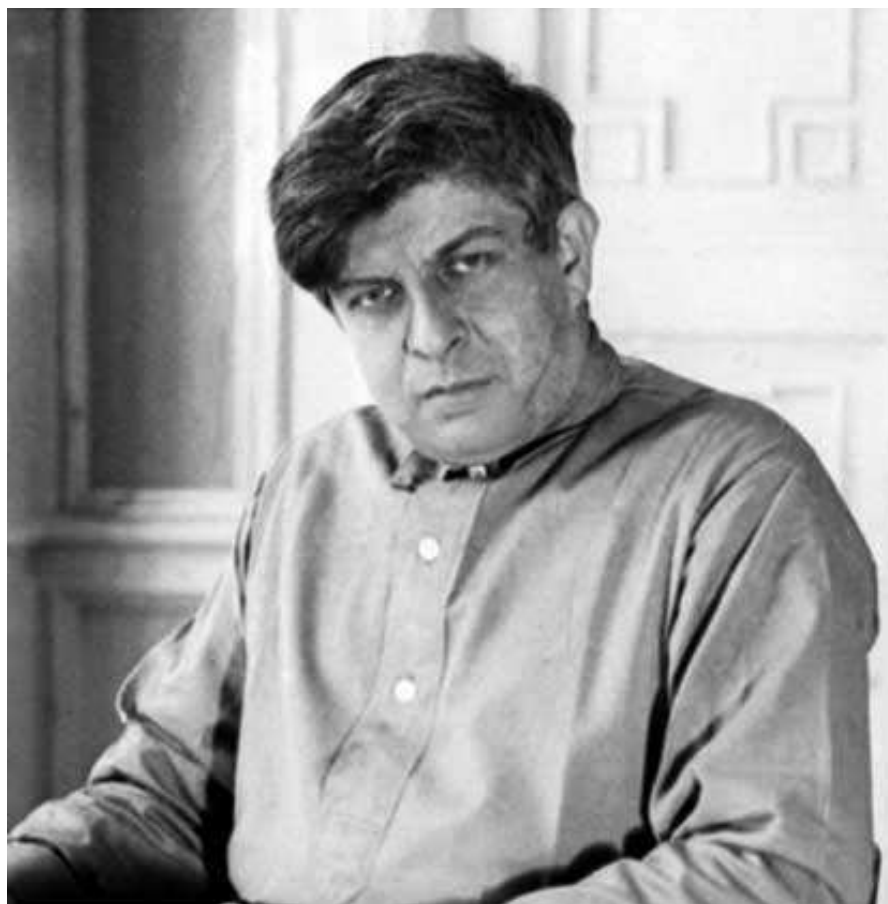
Шукаю історичну батьківщину,
Бо нині географії нема:
Ярило виглядає із-за тину
І спис чужинця вже уп'явся в спину.
Весна квітує, а в душі – зима.
І так, руїно, ти в мені зориш,
Мов тріщина в Маріїнськiм палаці.
Мов Анні Ярославівні Париж
Ввижається на знімках папарацці.
О, це вінчання в Рейнському соборі,
Поцезли королівські весілля...
Вік двадцять перший все-таки надворі,
А дух – дохристиянський звеселя
Глаголичним письмом на саркофазі...
Комоні наші линуть по росі.
Збираємо образу на образі
Від образів у Київській Русі.
І так руїнно, а не українно
Крізь нас течуть і ріки, і віки.
Та я сюди повернусь неодмінно,
поглянути на Київ з-під руки.
Шукають історичну батьківщину,
а знають: географія не та...
Димить із-за червленого щита
кривавий дух великого почину.
Софії Київської древні стіни
Вже кришаться, а в Києві – Тарас...
І вже у нас немає Батьківщини!
І рейдери-рейтари б'ють у спину,
І вітер з України дме до нас.
...Якої ми шукаємо землі?
Якої ми шукаємо відваги?
Блищать і сяють в історичній млі
Поцерблені щити, пониклі стяги.
Із тисячлітніх зібрані невзгод,
І ми в полоні вічного закону.
А може, це оспівують народ
Філармонічні труби Єрихону?
І є народ: вернувся в Єрихон
І захистив себе у вічній брані.
А ми? Що ми? Гетьман і фараон
У камені скорботи на кургані.
Мов труби єрихонські – журавлі,
Готові й ми летіти, тільки свисни.
... Якої ми шукаємо землі?
Якої ми зрікаємось вітчизни?

* * *

Твори Д.Д. Кременія

- Кременінь Д. Травнева арка: поезії / Д. Кременінь. – К.: Молодь, 1978. – 82 с.
- Кременінь Д. Поезії / Д. Кременінь // Вруна: поезії, проза. – Одеса, 1978. – С. 28-32.
- Кременінь Д. Південне сяйво: поезії / Д. Кременінь. – Одеса: Маяк, 1983. – 103 с.
- Кременінь Д. Танок вогню: поезії / Д. Кременінь. – Одеса: Маяк, 1983. – 72 с.
- Кременінь Д. Вірші / Д. Кременінь // Крила нашої весни: поезії. – Одеса, 1985. – С. 210-214.
- Кременінь Д. Земний монолог: вірші / Д. Кременінь // Горизонт. – Одеса, 1986. – С. 11.
- Кременінь Д. Бурштиновий журавель: поезії / Д. Кременінь. – К.: Радянський письменник, 1987. – 110 с.
- Кременінь Д. Спогади про пектораль: вірші / Д. Кременінь // Голоси гір та степів: поезії. – Одеса, 1987. – С. 175-182.
- Кременінь Д. Метроном: вірші / Д. Кременінь // Поезія: збірник – 88. – К., 1988. – Вип.1. – С. 74-77.
- Кременінь Д. Шлях по зорях: вірші / Д. Кременінь. – К.: Молодь, 1990. – 96 с.
- Кременінь Д. Скіфське золото: поезії / Д. Кременінь // Бузький Гард. – Миколаїв, 1996. – С. 27-35.
- Кременінь Д. Пектораль: нова книга / Д. Кременінь. – Миколаїв: МП „Можливості Кіммерії”, 1997. – 119 с.
- Кременінь Д. Океан в інтер`єрі краплини / Д. Кременінь // На изломе времени. – Николаев, 1999. – С. 202-226.
- Кременінь Д. Елегія троянського вина / Д. Кременінь. – Миколаїв: МП „Можливості Кіммерії”, 2001. – 105 с.
- Кременінь Д. Атлантида під вербою: вибрані поезії / Д.Д. Кременінь. – К.: Неопалима купина, 2003. – 63 с.
- Кременінь Д. Літопис: вибране / Д. Кременінь. – Миколаїв: Можливості Кіммерії, 2003. – 451 с.
- Кременінь Д. Вірші / Д. Кременінь // Література рідного краю: Письменники Миколаївщини: посібник-хрестоматія / ред. Н.М. Огренич. – Миколаїв: Вид-во МОПЛО, 2003. – С. 192-198.
- Кременінь Д. Скіфське золото: вірші / Д. Кременінь // Миколаївський оберіг. – Миколаїв, 2004. – С. 199-220.
- Кременінь Д. Вірші / Д. Кременінь // Миколаївський оберіг. – Миколаїв, 2004. – С. 198.
- Кременінь Д. Полювання на дикого вепра: поезії / Д. Кременінь. – К.: Факт, 2006. – 96 с.
- Кременінь Д. Вибрані твори / Д. Кременінь ; авт. вступ. ст. Ю. С. Ковалів. – Одеса: Маяк, 2007. – 632 с.: портр. – (Бібліотека Шевченківського комітету).
- Кременінь Д. Літній час: лірика / Д. Кременінь. – Миколаїв: Миколаїв. обл. друкарня, 2007. – 64 с.: іл.
- Кременінь Д. Скіфське золото: вірші / Д. Кременінь // Миколаївський оберіг. – Миколаїв, 2007. – С. 199-220.
- Кременінь Д. Собор посередині Всесвіту: вірші // А.Д. Антонюк, Лампада над Синюхою: альбом-антологія / А. Д. Антонюк, Д. Д. Кременінь. – Миколаїв: Атол, 2007. – С. 93-214.
- Кременінь Д. Скіфське золото: вибрані вірші та симфонії / Д. Кременінь. – К.: Фірма "Гліон", 2008. – 396 с.
- Кременінь Д. Скіфське бароко = Скифское барокко = Scythian baroque: вірші / Д. Кременінь; пер. з укр. // Два береги = Два берега. – Миколаїв, 2008. – С. 4-61.
- Кременінь Д. Наш Миколаїв: пісня / Д. Кременінь, Т. Ярова // Місто моє сонячне: пісенник / ред.В. Д. Чайка, Р. П. Вдовиченко. – Миколаїв, 2009. – С. 19-20.
- Кременінь Д. Замурована музика: лірика, симфонії, поеми / Д. Кременінь. – К.: Ярославів Вал, 2011.

Эдуард Багрицкий

Кинбурнская коса

Сквозь сумерки – судороги перепелов.
От сумерек степь неприкаянней,
А к берегу движется переполох,
Волны раскачнувшийся маятник.
Он вместе с восходом уходит в туман,
Он вместе с закатом по берегу бьет...
Вокруг маяка сходит с ума,
Стучит по бортам и качает бот...
Я ветер вдыхаю... и с каждым глотком
По жилам проносится соль,
Крылатые волны над желтым песком
Прокатывают колесо...
Из круглого танца морских фанабери,
Ударя впрысдку, выходит берег...
Выходит впрысдку и машет кустом,
Прибрежною машет лозиной.
К воде надвигается солончаком
И отодвигается глиной...
Кустарником свищет, норд-вестом звенит,
Сухую сосну устремляет в зенит...

Я знаю пропитанный песнями дух
Трагической этой земли,
Я знаю, о чем запеваёт пастух,
Чем кормится стадо вдали.
И вот, проплывая под берегом рослым,
Баркас, будто цыган, кочует,
И пальцы, прижатые науго к веслам,
Подводную фауну чуют...
(Присоски и щупальцы, радуга рыб,
Бродячей медузы пылающий гриб,
Да белый мартын над простором воды
Кидается за отраженьем звезды...)
И слышится голос рыбацкой тоски,
Что мечется в берег, стена,
И вот надвигаются солончаки,
И вот захлестнули меня...
О, с этого берега в тысячу раз
Ясней и приметнее море,
Как будто какой-нибудь дом иль баркас
Его заслоняли от пристальных глаз,
И нынче – оно разлетается враз,
Качается в пылком уборе...
И тина цветет, и горят маяки,
И ветры по сумеркам шарят...
Ладонь над глазами – глядят моряки
В сияющих вод полушарье.

1924, 1927

Эдуард Багрицкий – ученик реального училища

От черного хлеба и верной жены

От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...
Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны поды, –
И горечь полыни на наших губах...
Нам нож – не по кисти, перо – не по нраву,
Кирка – не по чести и слава – не в славу:
Мы – ржавые листья на ржавых дубах...
Чуть ветер, чуть север – и мы облетаем.
Чей путь мы собою теперь устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
Потопчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы – ржавых дубов облетевший уют...
Бездомною стужей уют раздуваем...
Мы в ночь улетаем! Мы в ночь улетаем!
Как спелые звезды, летим наугад...
Над нами гремят трубачи молодые,
Над нами восходят созвездья чужие,
Над нами чужие знамена шумят...
Чуть ветер, чуть север – срывайтесь за ними,
Неситесь за ними, гонитесь за ними,
Катитесь в полях, запевайте в степях!
За блеском штыка, пролетающим в тучах,
За стуком копыта в берлогах дремучих,
За песней трубы, потонувшей в лесах...

1926

Контрабандисты

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
"Доброе дело! Хорошее дело!"
Чтоб звезды обрызгали

Грудю наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы...

*Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!*

Двенадцатый час –
Осторожное время.
Три пограничника,
Ветер и темень.
Три пограничника,
Шестеро глаз –
Шестеро глаз
Да моторный баркас...
Три пограничника!
Вор на дозоре!
Бросьте баркас
В басурманское море,
Чтобы вода
Под кормой загудела:
"Доброе дело!
Хорошее дело!"
Чтобы по трубам,
В ребра и винт,
Виттовой пляской
Двинул бензин.

*Ай, звездная полночь!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!*

Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать,
Развалясь на корме,
Да видеть звезду
Над бугшпритом склоненным,
Да голос ломать
Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
Холодный и горький,
Мотора дозорного
Скороговорки!
Иль правильной, может,
Сжимая наган,
За вором следить,
Уходящим в туман...
Да ветер почуять,

Скользкий по жилам,
Вослед парусам,
Что летят по светилам...
И вдруг неожиданно
Встретить во тьме
Усамого грека
На черной корме...

Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал
Оголтелый народ,
Чтоб злобная песня
Коверкала рот, –
И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:

"Ай, Черное море,
Хорошее море..!"

Баллада о нежной даме

Зачем читаешь ты страницы
Унылых, плачущих газет?
Там утки и иные птицы
В тебя вселяют ужас. Нет,
Внемли мой дружеский совет:
Возьми ты объявлений пачку,
Читай, – в них жизнь, в них яркий свет;
«Куплю японскую собачку!»
О дама нежная! Столицы
Тебя взлелеяли! Корнет
Именовал тебя царицей,
Бела ты как вишневый цвет.
Что для тебя кровавый бред
И в горле пушек мяса жвачка, –
Твоя мечта светлей планет:
«Куплю японскую собачку».
Смеживши черные ресницы,
Ты сладко кушаешь шербет.
Твоя улыбка как зарница,
И содержатель твой одет
В тончайший шелковый жилет,
И нанимает третью прачку, –
А ты мечтаешь, как поэт:
«Куплю японскую собачку».
Когда от голода в скелет
Ты превратишься и в болячку,
Пусть приготовят на обед
Твою японскую собачку.

Весна

В аллеях столбов, по дорогам перронов –
Лягушечья прозелень дачных вагонов;
Уже окунувшийся в масло по локоть
Рычаг начинает акать и окать...
И дым оседает на вохре откоса,
И рельсы бросаются под колеса...
Приклеены к стеклам влюбленные пары, –
Звенит палисандр дачной гитары:
"Ах! Вам не хочется ль под ручку пройтись?.." –
"Мой милый! Конечно, хочется! Хотится!.." –
А там, над травой, над речными узлами
Весна развернула зеленое знамя, –
И вот из коряг, из камней, из расселин
Пошла в наступленье свирепая зелень...
На голом прутье, над водой невеселой
Гортань продувают ветвей новоселы...
Первым дроздом закликают леса,

Первою щукой стреляют плеса;
И звезды над первобытною тишью
Распороты первой летучей мышью...
Мне любы традиции жадной игры:
Гнездовья, берлоги, метанье икры...
Но я – человек, я – не зверь и не птица,
Мне тоже хочется под ручку пройтиться;
С площадки нырнуть, раздирая пальто,
В набитое звездами решето...
Чтоб, волком трубя у бараньего трупа,
Далекую течку ноздрями ощупать;
Иль в черной бочаге, где корни вокруг,
Обрызгать молоками щучью икру;
Гоняться за рыбой, кружиться над птицей,
Сигать кожаном и бродить за волчицей;
Нырять, подползать и бросаться в угон, –
Чтоб на сто процентов исполнить закон;
Чтоб видеть воочью: во славу природы
Раскиданы звери, распахнуты воды,
И поезд, крутящийся в мокрой траве, –
Чудовищный вьюн с фонарем в голове!..
И поезд от похоти воеет и злится:
– Хотится! Хотится! Хотится! Хотится!

Происхождение

Я не запомнил – на каком ночлеге
Пробрал меня грядущей жизни зуд.
Качнулся мир. Звезда споткнулась в беге
И заплескалась в голубом тазу.
Я к ней тянулся... Но, сквозь пальцы рея,
Она рванулась – краснобокий язь.
Над колыбелью ржавые евреи
Косых бород скрестили лезвия.
И все навыворот. Все как не надо.
Стучал сазан в оконное стекло;
Конь щебетал; в ладони ястреб падал;
Плясало дерево. И детство шло.
Его опресноками иссушали.
Его свечой пытались обмануть.
К нему в упор придвинули скрижали –
Врата, которые не распахнуть.
Еврейские павлины на обивке,
Еврейские скисающие сливки,
Костыль отца и матери чепец –
Все бормотало мне:
– Подлец! Подлец! –
И только ночью, только на подушке
Мой мир не рассекала борода;
И медленно, как медные полушки,
Из крана в кухне падала вода.
Сворачивалась. Набегала тучей.
Струистое точила лезвие...
– Ну как, скажи, поверит в мир текучий
Еврейское неверие мое?
Меня учили: крыша – это крыша.
Груб табурет. Убит подошвой пол,
Ты должен видеть, понимать и слышать,
На мир облокотиться, как на стол.
А древоточца часовая точность
Уже долбит подпорок бытие.
...Ну как, скажи, поверит в эту прочность
Еврейское неверие мое? Любовь?
Но съеденные вшами косы;
Ключица, выпирающая косо;
Прыщи; обмазанный селедкой рот
Да шеи лошадиный поворот.
Родители?
Но, в сумраке старея,
Горбаты, узловаты и дики,
В меня кидают ржавые евреи
Обросшие щетиной кулаки.
Дверь! Настежь дверь!
Качается снаружи
Обглоданная звездами листва,
Дымится месяц посредине лужи,

Грач вопиет, не помнящий родства.
И вся любовь, бегущая навстречу,
И все кликушество моих отцов,
И все светила, строящие вечер,
И все деревья, рвущие лицо, –
Все это встало поперек дороги,
Больными бронхами свистя в груди:
– Отверженный!
Возьми свой скарб убогий,
Проклятье и презренье!
Уходи! –
Я покидаю старую кровать:
– Уйти?
Уйду!
Тем лучше! Наплевать!

О Полдень, ты идешь

О Полдень, ты идешь в мучительной тоске
Благословить огнем те берега пустые,
Где лодки белые и сети золотые
Лениво светятся на солнечном песке.
Но в синих сумерках ты душен и тяжел –
За голубую соль уходишь дымной глыбой,
Чтоб ветер, пахнувший смолой и свежей рыбой,
Ладонью влажною по берегу провел.

Птицелов

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка – и каждой птице
Посвящает свой манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный, –
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый, –
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует, –
Звонким голосом береза
Под дыханьем запоет.

И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

Над проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий – сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?

Возвращение

Кто услышал раковины пенье,
Бросит берег и уйдет в туман;
Даст ему покой и вдохновенье
Окруженный ветром океан...

Кто увидел дым голубоватый,
Подымающийся над водой,
Тот пойдет дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...

Так и я...
Мое перо писало,
Ум выдумывал, а голос пел;
Но осенняя пора настала,
И в деревьях ветер прошумел...

И вдали, на берегу широком
О песок ударилась волна,
Ветер соль развеял ненароком,
Чайки раскричались дотемна...

Буду скучным я или не буду –
Все равно! Отныне я – другой...

Мне матросская запела удаль,
Мне трещал костер береговой...

Памятник Эдуарду Багрицкому в Москве

Ранним утром

Ранним утром я уйду с Дальницей.
Дынь возьму и хлеба в узелке, –
Я сегодня не поэт Багрицкий,
Я – матрос на греческом дубке...

Свежий ветер закипает брагой,
Сердце ударяет о ребро...
Обернется парусом бумага,
Укрепитя мачтою перо...

Этой осенью я понял снова
Скуку поэтической нужды;
Не уйти от берега родного,
От павлиньей радужной воды...

Только в море бесшабашней пенье,
Только в море мой разгул широк.
Подгоняй же, ветер вдохновенья,
На борт накренившийся дубок...

* * *

Наиболее известные произведения Э.Г. Багрицкого

1918, 1926 – «Птицелов»
1918, 1922, 1926 – «Тиль Уленшпигель»
1926 – «Дума про Опанаса»
1927 – «Контрабандисты»
1927 – «От черного хлеба и верной жены»
1929 – «ТВС»
1932 – «Смерть пионерки»
1932 – «Последняя ночь»

Книги Э.Г. Багрицкого

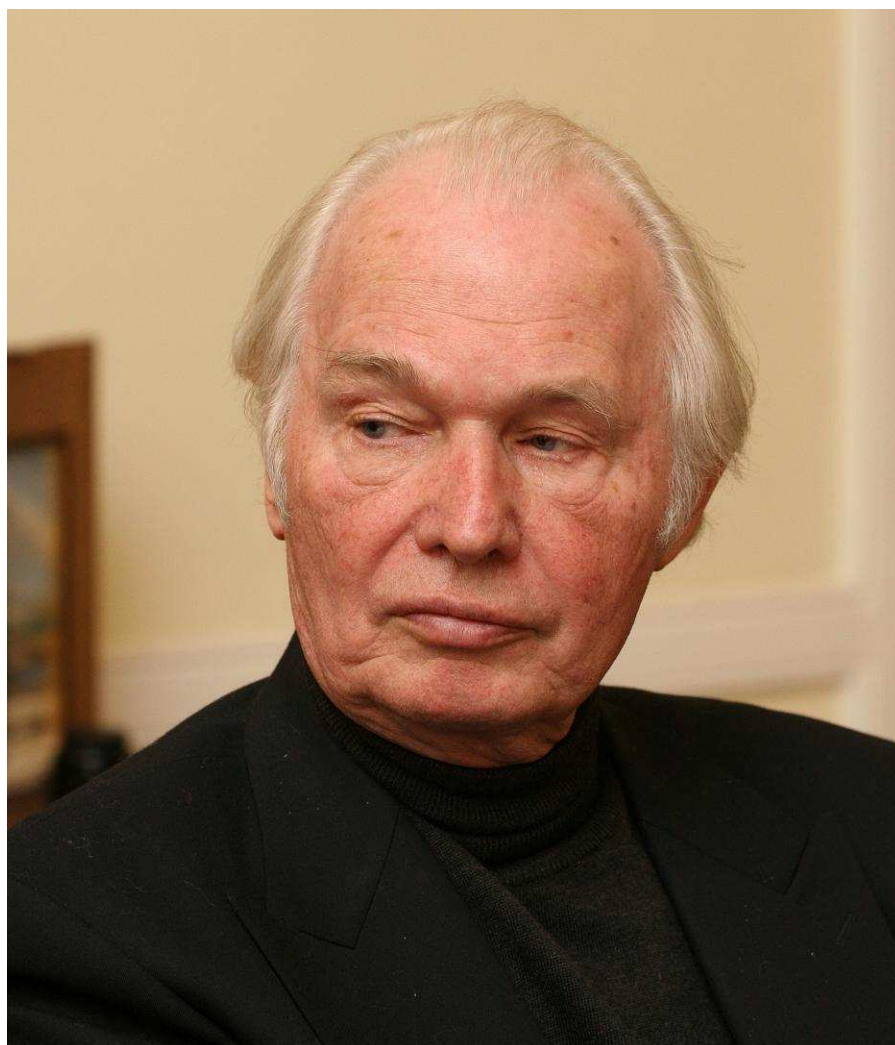
Юго-запад. – М.-Л., «ЗиФ», МСМХХVIII, – тир. 3000 экз.
Собр. соч. в 2 томах, т. 1, под ред. И. Уткина. [Вступ. ст. Ю. Севрука]. – М., 1938.
Стихотворения. [Вступ. ст. и подгот. текста Вс. Азарова], – М.-Л., 1956.
Стихотворения и поэмы. [Вступ. ст. И. Гринберга]. – М., 1958.
Стихотворения и поэмы. [Вступ. ст. Е. П. Любаревой], – М.-Л., 1964 (Библиотека советской поэзии).
Багрицкий Э. Избранное. – М., 1987.
Багрицкий. Стихотворения и поэмы. Сост. Глеб Морев. [Вступ. ст. М. Д. Шраера]. Новая библиотека поэта: Малая серия. – СПб., 2000.

Проза

Валерий Ганичев

Валерий Николаевич Ганичев родился 3 августа 1933 года. До Великой Отечественной войны жил в Омской области, затем – на Украине, где после окончания исторического факультета Киевского университета (1956) работал в г. Николаеве – учителем в школе и на комсомольской работе. С 1960 года в Москве, занимался комсомольской и журналистской работой (заместитель главного редактора журнала "Молодая гвардия"). С 1968 по 1978 гг. – директор издательства "Молодая гвардия". С 1978 по 1980 гг. – главный редактор газеты "Комсомольская правда". С 1981 г. – главный редактор журнала "Роман-газета". С 1998 года является главным редактором журнала "Роман-журнал. XXI век". С 1994 года В.Н. Ганичев Председатель Правления Союза писателей России.

Первые научные и публицистические книги В. Ганичева ("С открытым сердцем", "Наследники", "Во имя потомков", "У огня", "Устремленные вперед", "Чистые ключи" и др.) касались проблем молодежи, исторического наследия, молодого литературного поколения, печати. Последние десятилетия В. Ганичев обращается к исторической теме – выходят его книги "Росс непобедимый", "Тульский энциклопедист", "Флотовождь", "Русские версты", "Державница", "Адмирал Ушаков".

Валерий Ганичев. Главы из романа "Флотоводец"

После Калиакрии

Ушаков получил в награду за сражение орден Александра Невского. Более победоносного адмирала в русском флоте в то время не было. Однако слава по лестнице власти его высоко не вознесла. 5 октября 1791 года скончался начальник Черноморского флота князь Потемкин-Таврический, а 29 декабря в Яссах был заключен мир с Турцией. Нет сомнения, что деятельность Потемкина по отношению к Черноморскому флоту была во многом плодотворной и полезной. Населяя Новороссийский край, продвигая дело построения городов, создавая южный рынок, Потемкин укреплял флот, заботился о строительстве верфей, занимался постановкой всего южного флота в независимое положение от его отдаленной центральной администрации, сношения с которой чудовищно замедляли ход дела, нарушали потребности военного времени. Отдаление и определенная независимость от Адмиралтейств-коллегии дали свои положительные плоды.

Многое, начиная от организации флотской администрации, создания кораблей, кончая наименованием судов, имело свою особенность по сравнению с Балтикой. Балтийский флот со времен Петра был сориентирован на оборону и борьбу со шведами и отчасти с англичанами, поэтому корабли там были крупных линейных рангов и гребная флотилия подготавливалась для маневренной борьбы в шхерах. Черноморский же флот соперничал с турецким, и поэтому его линейные суда были среднего ранга, а речная флотилия не столько перевозила пехоту, сколько была озабочена повышением боевой мощи поставленной на нее артиллерии, ибо действовала она против таких крепостей, как Очаков, Измаил, и приданного им флота противника. Казалось странным решение Потемкина вдруг переименовать все корабли, дать им названия святых. За этим просматривалось его желание идеологически обосновать движение России к югу, в старорусские земли, в земли, где утверждалось отечественное христианство. Потемкин не нуждался здесь, на юге, в громоздком аппарате Адмиралтейств-коллегии, он сам направлял деятельность флота, но ему нужны были блестящие вершители. Поэтому, выбирая их, столь часто менял он командующих, руководителей. Войнович, Мордвинов, Нассау ушли, во главе флота стоял гениальный Ушаков.

Образовалась система – суда строили и создавали в местных южных портах (Таганрог, Херсон, Николаев) под руководством замечательных мастеров, знающих местные условия, повадки Черного моря (Катасонов, Афанасьев), организацией снабжения, возведением зданий, заготовлением леса занимались предприимчивые люди, имевшие личные полномочия Потемкина (среди них выделялся известный строитель, статский советник бригадир Фалеев). Система эта была гибкой, подвижной, приспособленной к местным условиям.

Флот к его кончине состоял более чем из 90 линейных кораблей, фрегатов, бомбардирских, крейсерских, брандерных, транспортных судов. Вместе с 70 речными судами гребной флотилии это уже была серьезная сила.

Последние предложения Потемкина, которые он, конечно, вырабатывал при участии Ушакова, безусловно, способствовали бы его дальнейшему расцвету. Вот они:

- 1) Флот содержать всегда в комплекте и всякий год практиковать его на море; учить команды лазить и управлять парусами и артиллерией.
- 2) Артиллерию иметь преимущественно медную, отливать ее на литейном заводе, устроенном в Херсоне, а до времени употреблять частью английскую.
- 3) Леса для кораблестроения доставлять из австрийских земель, Молдавии и других мест или же приобретать в России от владельцев.
- 4) Так как доставка лесов в Севастополь сопряжена с большими неудобствами и дороговизною, то все суда для тимберовки приводить в Николаев и близ его в Спасском устроить док, другой же док иметь в Севастополе для осмотра подводной части судов и небольших исправлений.
- 5) По удобству Николаевского порта и его здоровому местоположению перевести туда все кораблестроение из Херсона, оставя в последнем одни только магазины и постройки малых судов, могущих проходить без камелей. Мелководные места по фарватеру, в Ингул и против Очакова значительно углубить сильными землечерпальными машинами.
- 6) На Днепре, ниже порогов, завести строение судов для гребного флота и канатный завод. На бугских порогах устроить водяные машины для кузнечных адмиралтейских работ, починки якорей, приготовления рулей и проч.; на Ингульце иметь лесопильную мельницу. В слободе Балацкой и Христофоровке, в 35 верстах от Николаева, построить пороховой завод для потребностей Черноморского флота.
- 7) Для приготовления офицеров в Черноморском флоте в Николаеве учредить на счет казны Кадетский корпус на 360 благородных воспитанников и на такое же число разночинцев, поступающих в штурмана, шкипера и другие звания. Кроме этого, иметь особое училище на 50 человек для преподавания корабельной архитектуры, снабдив его новейшими английскими и французскими сочинениями о кораблестроении и планом разного рода судов и доставив сведущих преподавателей. Лучших воспитанников, по изучению курса теории, посылать в чужие края для усовершенствования практических понятий.
- 8) Чтобы навсегда устранить затруднения, встретившиеся в получении мастеровых из отдельных губерний, поселить близ Николаева не менее 2000 человек, обязанных поочередно заниматься работой в адмиралтействах и содержать себя хлебопашеством*.
- 9) В селе Богоявленском, близ Николаева, построить инвалидный дом, лучший госпиталь, развести аптекарский сад и основать земледельческую ферму по образу английской, из которой можно было бы снабжать флот горохом, фасолью, салом и проч., и производить в ней соленье мяса, потому что заготовленное с подряда оказывалось всегда негодным. При всех адмиралтейских слободах садить и сеять леса, особенно дуб.

Ушакову предстояло многое выполнить из того, что обозначено было в этих планах. Однако смерть выдающегося политика и государственного деятеля, преобразователя и строителя южных краев России многое изменила в судьбах Черноморского флота и самого Федора Федоровича. Заслуги перед флотом и Отечеством отодвигались на второй план. Вперед стали выдвигаться соперники и даже враги сиятельного фаворита. 28 февраля 1792 года Черноморскому адмиралтейскому управлению был дан высочайший указ: "С умножением сил наших на Черном море за благо признали мы оставить на прежнем основании Черноморское адмиралтейское правление, определяя на оное

председательствующим нашего вице-адмирала Мордвинова..." Указ был пространный, об Ушакове там ни слова, но смысл его для него был обидным и уязвляющим. Не без сожаления пишется об этом в "Истории Севастополя": "Таким образом, действительный начальник и глава Черноморского нашего флота, гроза турецких сил на Черном море при Потемкине, Федор Федорович Ушаков – состоя в звании только старшего члена Черноморского адмиралтейского правления – поступил к Мордвинову под команду, и, оставаясь, как бы случайно только, старшим начальником севастопольского наличного флота, он по строгому смыслу указа 28-го февраля – где Мордвинову предоставлялось даже производство в чины флотских офицеров – должен был находиться в его безапелляционном повиновении".

Оставалось только стиснуть зубы и неустанно заниматься флотом, боевой выучкой служителей, снабжением экипажей продовольствием, строительством и украшением Севастополя. Именно в этот межвоенный период развернулся Ушаков как замечательный администратор, хозяйственник, строитель. Севастополь при нем становился подлинным городом. Это было удивительно, ибо казна денег не выделяла, все приходилось строить "содействием" флотских экипажей. "Последние в свободное время, за очень скромную добавочную плату, строили то казенные здания, то офицерские дома, то даже свои мазанки – если который-нибудь из матросов имел редкий случай завестись собственным своим семейством, и скоро не только гора, лежавшая на западной стороне южной бухты или гавани, но и другие ближайшие местности и хуторские участки, розданные флотским офицерам... довольно порядочно обстроились: хорошие садики и огороды точно так же появлялись в его окрестностях. Все портовые постройки и самое Адмиралтейство по-прежнему были расположены по берегам Южной и Корабельной бухт. Городские частные здания занимали уже всю севастопольскую гору и сверху того существовали: артиллерийская и корабельная слободки на местностях, ближайших к бухтам того же названия, а в закрытой лощине, находящейся верстах в двух от города и получившей название Ушаковой балки, устроен был сад для общественного гулянья".

Каждое утро раздавал наряды Ушаков командирам строителей на построение домов, посадку садов, возведение складов, где аккуратно выкладывали канаты, парусину, обшивочные доски, припасая, чтобы можно быстро было погрузить на корабли. Тут же наготове была артиллерия. Ушаков продумал план построения казарм на высоких берегах в гаванях так, чтобы моряки могли мгновенно спуститься по объявлению тревоги к своим кораблям, которые ставились напротив. Адмирал Карцов, что инспектировал Черноморский флот в 1797 году, отметил, что казармы "каменные, покрыты черепицею, а иные землею, некоторые достраиваются и все вообще весьма сухи и чисты... Пороховых погребов не имеется, но порох удобно хранится в прибрежных пещерах, нарочно вырытых большею частью в Инкермане".

Ушаков держал порох сухим, он следил за состоянием дел в Оттоманской Порте, вел постоянную разведку, подготовку и обучение экипажей. Мордвинов в силу своего положения отдавал приказы, среди них были толковые и бестолковые. У Ушакова же они все вызывали неприязненную реакцию. Мордвинов язвил, требовал с Ушакова – у Ушакова создавалось впечатление, что тот придирался, мелочил. Ушаков сердился, недоумевал, почему его, победителя турецкого флота, отодвинули и предпочли кабинетному адмиралу. Таковым он считал Мордвинова. Отдушиной была встреча с Суворовым, что тоже волею судьбы, после смерти не прощавшего строптивости Потемкина, получил назначение сюда для укрепления южных границ России.

Да и Екатерина, судя по всему, понимала двусмысленность положения Ушакова и, предполагая, что он еще понадобится русскому флоту, произвела его 2 сентября 1793 года

в вице-адмиралы.

В.Н. Ганичев в издательстве "Молодая гвардия" со знаменосцами Победы Егоровым и Кантария

У развалин древнего Херсонеса

Уже десять лет, как утвердился на южном языке Крыма Севастополь. Десять лет, а казалось, что был он тут со времен древнего Херсонеса. Вот и новый храм, вставший в центре города, будто бы пророс из тех древних времен, когда крестили здесь первую княгиню-христианку, а край был древней греко-славянской землей.

Суворов, что был снова после заключения Ясского мира назначен на юг командующим войсками, вертелся в карете, разворачиваясь то в одну, то в другую сторону, вскидывал вверх руки, щелкал языком, а то и энергично подсвистывал.

– Этого не было! Здесь кустарник один рос. Ну натворили! Наделали. Молодцы!

У здания Черноморского штаба он, не ожидая, когда карета остановится, встал на подножку и легко соскочил, пробежав вперед к крыльцу, с которого поспешил навстречу Ушаков. Тот загромычал:

– Александр Васильевич! Александр Васильевич! Ты, как всегда, молнией! Мы же тебя к вечеру только ждем. – Обхватил маленького сухонького генерала, приподнял, обнимая.

– Не богатырствуй, не богатырствуй, а то задушишь, – похохатывал, отдуваясь, Суворов. – Веди, рассказывай, что, где гроыхает, как турки себя ведут? Каков флот ваш Черноморский? Где течь? Где гниль пробилась?

– Ты, Александр Васильевич, шей похлебай вначале. Все расскажу да еще и расспрошу, кого побеждать приехал.

– Побеждать, побеждать, – притворно заворчал генерал, – а победу фундаментировать, закладывать надо заранее. Кто о сем думает?

Рюмка анисовой за обедом только подхлестнула поток вопросов Суворова.

Ушаков отвечал и сам справлялся:

– Что, будет война с турками, Александр Васильевич? Как пасьянс политический доказывает?

– Политика, конечно, карты игральные. Но тут ведь важно, у кого в руках. У умного, смекалистого игрока: он и козырь побережет, и слабые карты поначалу сбросит. Императрица, – склонился поближе, – многое из рук выпускает. Ее нынешние сопроводители ни блеском, ни умом не дополняют. Скажи, какой из Зубовых Государственный Совет? Балаган. Горе луковое одно, а не правители. Век-то больно не тогда, когда правители заблуждаются, а тогда, когда они равнодушны к истине, презирают ее. Светлейший князь Григорий, как ему ни горько было, но правду слушал. Орел поднебесный, а они так, пичужки под юбкой.

Ушаков подивился этому суворовскому умению восхищаться бывшим обидчиком, а что Потемкин обидел его, не представив к достойным наградам после взятия Измаила, то было многим известно. Суворов, как бы отвечая на мысли вице-адмирала, задумчиво продолжал:

– Князь был стратег знатный, глаз на людей меткий имел. В страстях и помыслах великий был человек... – Подумал и твердо добавил: – И в грехах да несправедливостях тоже велик был.

Федор Федорович о покровителе своем и благожелателе отзываться недобро не стал.

– Григорию Александровичу не токмо вся Новороссия обязана своим утверждением, но и флот Черноморский, что без него на ноги бы не встал. Ни леса доброго, ни строителей, ни капитала на постройку, ни моряков из Петербурга не получили бы, в коем все финансы бы на балы пустили, на забавы. Венок славы, что им сплетен для Отечества, нынешние приближенные расплетают, каждый себе ветку лавра тянет, забывая, что только от их сложения венок получается.

– Да, умеют у нас славу и силу протанцовывать. Рожей все пытаются взять императрицу да статью, а не умом да размахом, – согласился Суворов.

– Ну а как будущий император наш? Что слышно о нем? К морскому делу имеет ли, как и прежде, тяготение? – поинтересовался Ушаков. – Я его благосклонность к флоту еще ранее заметил. Может, он петровские времена вернет на оный? – с надеждой вглядывался в Суворова.

– Хотел бы я знать, к чему у него истинное движение души имеется, – как бы про себя заметил тот.

– Думаю, Александр Васильевич, написать свои соображения великому князю о новом

Уставе флотском, о новых приемах боя, о тактике, о строительстве кораблей новой конструкции. Ведь ему скоро всем флотом командовать придется. И сие неожиданно может произойти.

– Великий князь все ждет и не дождетя своего часа. Русских его поклонников матушка почти всех разогнала. В Павла сейчас немцы закладывают мысли свои да идеи. Потом думают через то деньги из России выкачивать. А еще вокруг княжеского двора всякие масоны вьются, свою мистическую дребедень тоже в него вгоняют. А его натура сие воспринимает быстро. Им же не от мистики, а от его будущей власти поживиться хочется. Проныры чертовы! А сам принц неустойчив. Он не знает, чего он хочет. Он хочет того, чего не хочет. Он не хочет того, чего хочет. Он хочет хотеть, – засмеялся, довольный своим полукаламбуром. – Но ежели так дело пойдет, то много бед случится: армию по восшествию онемечит, дух прусский внедрит, русские интересы под иноземные масонские поставит, немогузнаек на напыщенных всезнаек заменит, матушкиных выдвигенцев, – подмигнул Ушакову бывалый генерал, – коленкой под зад!

Суворов встал, быстро прошел из угла в угол, развернул стул, облокотился на спинку и, как бы взглядываясь в будущие годы, медленно расшифровал:

– Много бед будет от нетерпения его, от недоверия к прошлому, от желания на оное все недостатки свалить. На оном же все здание надо продолжать строить. А причины отсталости в делах иные. Тут и замшелость, и неумение, и легкость мыслительная, и тугодумие, и немогузнайство, лень российская, галломания с прусским педантизмом.

Мысль прервалась внезапно, за окном выстрелила, обозначив полдень, пушка.

Суворов кивнул в ответ, как бы дождавшись подтверждения, и продолжил:

– Но если дух русский не вытравят в нем, то через год-два очнется. Поймет, что без России нельзя, без тех, кто служит Отечеству, нельзя! Даже в старом шалопае и взяточнике может оказаться больше умелости в деле, результата нужного и даже чести державной, чем в новом, с горящими от преданности глазами, размахивающем руками аллилуйшике и требующем реформы и преобразований вертопрахе-пустомеле. Такому и реформы-то нужны, чтобы спихнуть другого с кресла, а самому на нем расположиться. Впрочем, – резко встал Суворов, – попробуй напиши, может быть, великий князь и о деле думает, а не только ждет кончины родительницы дражайшей. Хотя сейчас ему писать – делу вредить. Заподозрит, что злое задумал, от нынешней власти откараскиваешься, в морские начальники при нем себя определяешь в будущем.

По городу ездили затем медленно. Суворов просил останавливаться, выскакивал из кареты, оглядывал, даже ощупывал построенное.

– Отменные, отменные, батенька, склады ты отгрохал. А сие что за палаццо? – указал он на вытянувшиеся длинные каменные здания.

– Тут я, Александр Васильевич, наибольшие усилия приложил, ибо и трудности были самые большие. Мордвинов – он Севастополь ненавидит смертельно – денег не выделил, морских служителей, как дворян обустройстваешь, ехидничал. Мастеров не было: адмиралтейство достроил бы – ругался. Сейчас здесь морские команды живут, обыкновенные матросы.

– Молодец, Федор Федорович! Истинно так о рядовом служителе надо заботиться. Ты о нем, а он в бою не подведет, во всем за тобой следовать будет, маневр понимать. – И, повернувшись, с восхищением обвел рукой бухту: – Какова! Какова красавица! Я ведь тогда сразу понял, что удобнее и спокойнее ее нету во всем Крыму.

А бухта, казалось, и впрямь обняла своими мысами морскую гладь, успокоила море, оберегая от штормов корабли и шхуны. Над ней высились гарнизонные каменные здания, адмиральский дом, кузницы, магазейны, жилые дома. Блокфорты невидимыми застезками наглухо перекрывали ее, навряд ли кто сунулся бы под огонь мощных батарей. Ушаков вел неторопливый рассказ о том, что удалось построить, что сдерживается Мордвиновым, как надо бы поперечный мол в бухте строить, как укреплять город с суши, как украсить, дабы сделать местом, приятным и для души морской.

Суворов почти выбежал на набережную, устремив взор на юг, остановился, подождал Ушакова и протянул руку к невидимому Константинополю:

– Что зреет там, за морем, Федор Федорович? Следует нам быть неуязвимыми. Я в Финляндии много строительством крепостей занимался. Нам и здесь следует укрепляться от внезапностей нападения. Думаю, все побережье надо бы покрыть крепостями. На западе у Гаджибея неприступный бастион соорудим, здесь, в Крыму, и на Кавказе. Кстати, у Гаджибея может великолепный порт сообразоваться, оттуда напрямую до Константинополя – сорок восемь часов. А нам, может, не все воевать-то – и торговать придется. Вот и порт там можно торговый учинить, а здесь пусть будет военный, флота Черноморского опора.

У береговой батареи выстроилась артиллерийская команда. Высокий канонир с банником в руках востро улыбался Суворову как старому знакомому.

– Вижу, что знаешь. Где встречались? – отрывисто спросил генерал.

– Под Измаилом, ваше сиятельство, долбил басурманов, – громко выкрикнул артиллерист.

– Слышно, слышно, братец, что ты пушкарь, громыхаешь, как твоя мортира. Там вы славно отделали крепость. Пушку в порядке держишь? – заглянул он в дуло.

– А как же, ваше сиятельство, от ее чистоты дальноточность зависит.

– Молодец! Знаешь свое дело! Служи и дальше безоплошно! – похлопал Суворов артиллериста, повернувшись к Ушакову, сказал: – Крепости такие, как Измаил, без артиллерии не берутся. Но и без флота твоего, без гребцов не сдюжили бы, наверное... Свежи-ка меня, батенька, к руинам греческим! – попросил он Ушакова. И долго ходил по развалинам древнего храма, брал куски мрамора, смотрел, пытаясь прочесть стертые знаки веков.

– Умели греки соединить свой народ. Где торговлей, где силой, где искусством, а особенно языком, каковой до высокого совершенства довели. Я древнегреческий язык с большим рвением учил, ибо в нем много сигналов из прошлого слышу. А там ведь древние столь же много думали о достижении целей, как и мы. С их помощью многое постичь можно.

– Сей язык я, к сожалению, не знаю досконально, все, что касалось языка морского, стараюсь у англичан, немцев, французов, голландцев постичь. Везде много здравого и разумного, хотя немало и схоластического, застарелого написано. Да и у бывших наших

супротивников в Константинополе есть чему поучиться. Они и сами воевать умеют, и французов с англичанами приглашают в инструктора.

– Да-а, что там, в Константинополе, творится, – взвешивал камень на руке Суворов. – Раньше-то послы наши все знали. Обресков, Булгаков – истинные звезды в дипломатическом искусстве и изыскании сведений об опасностях вызревающих были. Пожар не разжигали, но и честь державы блюли. Говорят, скоро туда Илларионыча пошлют послом. Он лис хитрый и храбрец отменный. Я спокоен, он ни одного неверного шага не предпримет, а знать все будет, наш Кутузов. А ты, Федор, – хитренько взглянул Суворов на адмирала, – пошто море Медитеранское изучаешь? – И, увидев изумленные глаза Ушакова, захохотал довольный. – Да карта-то у тебя в штабе вся в синих стрелках. Иль думаешь, придется нам повоевать там? С кем? С османами? С цесарцами? За единовверных греков и славян? С Питтовыми флотами или с неаполитанскими павлинами? Или вновь Франция подымается?

– Господи, – приблизился Ушаков, – ведь у них сейчас там не поймешь, что происходит. Королей свергают, порядка не видно, кровь льется, а флот и армия-то остаются. Хотя и говорят, что всех генералов и капитанов порешили, но ведь свято место не бывает пусто. В Средиземном же море многое завязывается, и решаться должна судьба будущая не только на Балтике. Я ведь, Александр Васильевич, в тех широтах не раз был. Порты средиземноморские, крепости приморские знаю, острова – расположение их, много постиг. Особо греческий Архипелаг интересен был, но турки туда неохотно пускали. Нам, морякам, сие море надо знать досконально. Россия ныне не только Черноморская, но и Средиземноморская держава. Порту сие море подпирает снизу, все европейские страны соединяет или разъединяет. Отечество защитить надо на дальних подступах, верно, Александр Васильевич?

Суворов с сомнением покачал головой.

– Ты-то повоюешь, Федор Федорович, а мне уже на покой пора. Шесть десятков. Хочу внуков понянчить от Суворочки своей. Ты-то все никак не женишься? Али ждешь суженой, Федор? – участливо посмотрел в глаза адмирала.

Ушаков глаз не отвел, вздохнул.

– Жду, жду, Александр Васильевич. В Балаклаве еще приглянулась. В Петербурге снова встретились. Жди, говорит! А сама замуж вышла.

Суворов горестно покачал головой, всплеснул руками:

– Лживки они все, бабы! Недостойки! Блудницы!

– Не все, не все, Александр Васильевич. Вот я и жду... Никого другого не хочу видеть.

Суворов с уважением посмотрел на него, хотел что-то сказать и, махнув рукой, промолчал. Невдалеке с песней и посвистом прошел флотский строй. Моряки пели малороссийскую песню про луг и про коня, которого хотели взнуздать.

– Вот ведь в море всю жизнь, а песни самые земные, – покачал головой генерал.

В гостях у Михаила Шолохова. 1983 год.

Прощение

Умудренная опытом императрица под конец своей бурной жизни не имела ни энергии, ни желания менять явно устаревшие порядки. Она смотрела на жизнь угасающим взором и снисходительно относилась к недостаткам подчиненных. Не простых людей, нет, а тех, кто окружал трон и берег свои привилегии. Вспоминали, как в ответ на указания о хищениях в портах и морском ведомстве она говорила: "Меня обворовывают так же, как и других, но это хороший знак и показывает, что есть что воровать". Утверждала она и то, что признает главную цель – окончательный военный и политический успех; все остальное, второстепенное, отдавала на попечение и исполнение своим подчиненным.

Но вот все переменялось. В ноябре 1796 года после тридцатичетырехлетнего правления Екатерина скончалась.

Павел, восшедший на престол, горел желанием все, что делалось при его матери, или отменить, или заменить, или изменить. Бывшие при Екатерине приближенные отстранялись от своих кресел, изгонялись из дворца и теплых мест. Те, кто получил в екатерининское время за свои победы или "деяния" почести и награды, попадали в опалу, уходили в отставку. Павел формировал свой кабинет, свои принципы, свою политику.

Он был убежден, что его благодетелей ждали давно и все приветствуют их. Но по всему государству разносились зловещие слухи, все низшие слои были уверены, что "жизнь похужела". Подумав слегка, почесав в затылке, эти доморощенные философы признавали, что "босоты да наготы изнавешены шесты", а сие, правда, было и при императрице. Так

что основной массы населения изменения Павла не коснулись. Однако вельможе, чиновнику, офицеру, да и вообще дворянину, стало жить хуже. Не всем, конечно, но большинству. От офицеров стали требовать жесткого соблюдения регламента, их стали учить, как обыкновенных рекрутов. От чиновников стали требовать вовремя приходить на работу. От дворян – решительно отказаться от французских идей, книг и даже мод. Вельможи были задеты невниманием и "в обнаруженном вдруг полным своим ничтожеством перед лицом абсолютной власти". Ропот, что переходил из кабинета в кабинет, из дворца во дворец, из столицы в провинции, из города в имение, – создал свое мнение об императоре. Причем мнение отрицательное. Правда, некоторые понимали излишнюю предвзятость. П. А. Вяземский заметил: все царствование Павла, вероятно, излишне очернено. Довольно и того, что было, но партии не довольствуются истиною.

Для Павла I на первом этапе главным стал отказ. Отказ от политических принципов, союзов, людей, от дворцового наследия Екатерины. Известный адмирал Шишков писал в своих записках, что все так переменялось, "что, казалось, настал иной век, иная жизнь, иное бытие. Перемена была велика, что не иначе казалось мне как бы неприятельским нашествием... Весь прежний блеск, вся величавость двора исчезла... Знаменитейшие особы, первостепенные чиновники, управляющие государственными делами, стояли как бы лишенные своих должностей и званий, с поникнутой головой, не приметны в толпе народной. Люди многих чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал их, – бегали, повелевали, учреждали. Удивленный, смущенный от всего того... возвратился я домой с печальными мыслями и сокрушенным сердцем".

Было отчего сокрушаться дворянской России. Царь с ранней зари, с шести часов утра, за работой. Значит, и им рано вставать надо. "В канцеляриях, в департаментах, в коллегиях, везде в столице свечи горели с пяти часов утра; с той же поры в виц-канцлерском доме, что был против Зимнего дворца, все люстры, все каминные пылали. Сенаторы с восьми часов утра сидели за красным столом. Возрождения по военной части были еще явственнее – с головы началось. Седые с георгиевскими звездами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать экспантоном", – писал один из современников.

Да, у Павла была полная уверенность, что совершается, как говорил он, "исцеление" страны. Однако же модель для улучшения он избрал химерическую, неприменимую к России. Идеалом его управления оказалась гатчинская система, где господствовала бездушная прусская схема.

"Немедленно все пружины государственного строя были вывернуты, столкнуты со всех мест, и Россия вскоре приведена в хаотическое состояние", – писалось в издании Шильдера. Современник той эпохи И. М. Муравьев-Апостол, обращаясь к своим сыновьям, говорил, что со вступлением Павла I на престол в России произошел столь резкий поворот, что его не поймут потомки. Наступившую эпоху называли где как требовалось: торжественно и громогласно – возрождением; в приятельской беседе, осторожно, вполголоса – царством власти силы и страха; втайне между четырех глаз – затмением свыше. Стало несносно служить, особенно военным и чиновникам. Однако нельзя было не отметить и положительные изменения. Из ссылки были возвращены Радищев и Новиков, освобожден Костюшко. Восстановлен был статут в присоединенных от Польши губерниях; введен в этих губерниях в употребление польский язык, в Прибалтийском крае и Выборге были установлены старинные уставы. Переименовывались или, вернее, возвращались старые названия городов. В 1797 году повелено было именовать Севастополь Ахтияром. Однако дворянская Россия не принимала эти реформы нового императора. Один из ее историков писал позднее: "Россия вовсе не нуждалась в исцелении ее государственной организации мероприятиями в духе

павловских нововведений".

Павел же все хотел сделать и проверить сам. Поэтому-то был завален второстепенными мелочами, несущественными прошениями, глуповатыми мелочами, случайными представлениями. На столе его находилось множество прожектов, приказов, которые готовились по его указанию. Петровского масштаба, силы и хватки он не имел, поэтому-то и не довел он большое количество дел до завершения, запутался в "подробницах" и мелочах. Его же многие годы накапливающаяся подозрительность не давала возможности иметь опытных и многознающих советников. Он взялся изменить многое, но помощников, равных "птенцам гнезда Петрова", не имел, и не мудрено, что его отрицание екатерининских дел, неприятие лиц, достигших вершин при матери, захлебнулось. Но то было потом, когда он обратился к военному авторитету Суворова и Ушакова. А сейчас шел январь 1797 года.

* * *

Семья В.Н. Ганичева. Братья Валерий, Николай, Станислав, Александр. Мама Анфиса Сергеевна и отец Николай Васильевич.

На приеме у Павла был Безбородко. Граф был одним из немногих екатерининских вельмож, оставшихся при дворе. Да не оставшихся, а возвысившихся. Сразу после смерти Екатерины он был пожалован в действительные тайные советники первого класса – а то был высший чин в табели о рангах. Сказывают, повышен сразу после того, когда в предсмертный час императрицы в ответ на немой вопрос цесаревича, взглянувшего на пакет, перевязанный голубой лентой, кивнул головой. После этого кивка началось его возвышение, а таинственный пакет полетел в камин. По слухам, то было завещание

императрицы, подписанное Румянцевым, Салтыковым, Суворовым, Алексеем Орловым, Платоном Зубовым и митрополитом Гавриилом об устранении от престола Павла и передаче короны Александру. Так или нет, но Павел прислушивался из старой гвардии едва ли не к одному Безбородко и ценил его советы...

– Александр Андреевич, думаю я прекратить вечные войны. Сколько себя помню – Россия все воюет.

Безбородко слегка раскрыл щелочки на лице, откуда, как две юркие мышки, сверкнули глаза.

– Истинно так, ваше величество. Казна пуста. Народ в великом разорении. Рекрутские поборы замутили. Первое спасенье России – в мире.

Павел удовлетворенно закивал, было приятно чувствовать, что с ним соглашается не какой-то постоянно согбенный царедворец, а мудрый и хитрый политик.

– Армию уменьшим. Организуем ее по-новому. Фаворитское расточительство и беспорядок ликвидируем. Новый устав уже действовать стал. Граф Суворов, говорят, меня упрекает, что он по-прусскому образцу подготовлен. Ну да у меня полководцы тоже будут свои, которые по новому уставу воевать способны. Штенвер Гатчинское войско вымуштровал. А каковы новые генерал-майоры Обольянинов, Кушелев, Аракчеев? Фельдмаршальские звания Салтыков и Репнин тоже не случайно получили. Пусть Суворов себя Фридрихом Великим не мнит. Вот опять прислал прошение, чувствую, на коронацию не собирается. – Павел взял лежащее сверху письмо и, отодвинув от себя, прочитал вслух: – "Мои многие раны и увечья убеждают Вашего императорского Величества всеподданно просить для исправления от дни в день ослабевающих моих сил о всемилостивейшем увольнении меня в мои Кобринские деревни на сей текущий год... Повергая себя к освященнейшим Вашего императорского Величества Стопам". Каков дипломат? Все пробует меня, а вокруг офицеры клубятся с мыслями дерзкими. Гатчину поносят, мерсинерами всех моих подчиненных называют...

Павел испытующе смотрел на Безбородко, а тот молчал. К Суворову благоволил, но знал, что в словах граф не сдержан. Вот недавно передавали, что он и его царапнул, упрекая, что не открывает новому государю всю опасность преобразования русской армии на прусский лад. Так и сказал: неужели Безбородко не видит этого? Видит, добавил, но болонки на Борей не лают. Его-то, столь немало сделавшего для Суворова, для русской армии, болонкой обозвал. Ну вот, пусть сам и выпутывается. Однако не выдержал и негромко сказал:

– Обязанности свои надо несть везде и...

Павел перебил:

– Так и написать надо – обязанность препятствует от службы отлучиться.

Опасаясь худшего, Безбородко искусно перевел разговор на другую тему. Зная, что император любит флот, спросил:

– Каковы ваши повеления насчет нынешнего состояния флота?

– Везде надобно экономию навести. Флот стал расточительным удовольствием. Мы в

России денег никогда не умели считать. А пришло время свои прихоти усмирить. Пусть особый комитет при цесаревиче все просчитает. Кушелев сам займется, сам. Думаю, что он и во главе Адмиралтейств-коллегии встать должен. На Черноморском флоте нам столько кораблей не надобно. И флотом ему считаться незачем. Расходы, расходы! Вознесенское наместничество следует ликвидировать. Одессу перестать строить – ни к чему нам эти потемкинские деревни. Флот довести до одной эскадры. Хватит деньги трагить. Все капиталы имеющиеся следует направить сюда, на флот Балтийский. Адмиралтейств-коллегия, как правильно граф Воронцов сказал, действительно похожа на старую и дряхлую бабу, которая оглохла, ослепла и потеряла движение рук своих. Экономить сие – задача флота.

Безбородко склонил голову и, позыркивая на императора, думал. Он и сам, где можно, стремился экономить, но понимал, что экономией власть не утвердить: нужна сила державная. И для этой силы денег жалеть не надо. Власть утвердишь, тогда и экономь. Сказал другое:

– Ваше императорское величество мудро задумали. Молю за вас Бога, чтобы власть нынешняя дальше продолжалась. Экономить во всем – то истина государственная. Однако при сем добавлю, что, может быть, Черноморский корабельный флот не весь следует сократить. Может, прислушаться к некоторым командирам морским тамошним. Де Рибас, конечно, жулик, на Одессе руки греет. Мордвинов, тот спит и во сне английские порядки видит. Я вам докладывал, что в покровительство ваше просится вице-адмирал Ушаков.

– Что он там хочет? – недовольно отрываясь от широких масштабных разговоров, спросил император. Да и не любил он потемкинских протезе, но Ушакова ценил за то, что служит не ропща и достойно.

Безбородко вытащил из папки бумагу, развернул и торжественно прочитал (знал, скороговорка – великому делу помеха):

– "Высочайше милости и благоволения Вашего императорского Величества, в бытность мою в Санкт-Петербурге оказанные, подали смелость всеподданнейше просить монаршего благоволения и покровительства.

Встречавшиеся обстоятельства состояния моего истощили душевную крепость, долговременное терпение и уныние ослабили мое здоровье; при всем том подкрепляем надеждою, светом истины, служение мое продолжаю непрерывно, усердием, ревностью и неусыпным рачением, чужд всякого интереса в непозволительностях!"

Павел поднял руку, пожал плечами.

– Почему они все на хворь ссылаются, на душу? И Суворов тоже...

Безбородко не хотел связывать имена. Знал, тогда никакого покровительства не будет. Не ждал окончания и неучтиво дочитал текст:

– "...Дозвольте мне на самое малейшее время быть в Санкт-Петербурге и объяснить чувствительную мою истинную преданность. Сего, однако, счастливого случая я ищущу и желаю, а притом, состоя под начальством председательствующего в Черноморском правлении, именуясь командующим корабельного флота Черноморского, ежегодно служу на море, и по долговременной в здешних местах моей бытности и все обстоятельства состояния во всех подробностях флота, мне вверенного, здешнего моря и подробности ж

сил противных почитаю мне известнее, по оным имею я также надобности лично донести Вашему императорскому Величеству..." Хорошо бы принять, – захлопнул папку Безбородко.

Павел строптиво повел плечами:

– Ни к чему. За Черноморский флот будет заступаться. Да и что есть там такого, мне не известного?

– Однако же вы его знаете, ваше величество.

– Знаю, знаю. Усердный, но непонятный. За кого он? А впрочем, может, вы и правы, Александр Андреевич, Черноморский флот проинспектировать надо. Вдруг понадобится. Пусть поедет контр-адмирал Карцов и доложит по приезде. – Павел подумал и добавил: – И с Ушаковым пусть встретится, узнает, что за надобность у него ко мне.

Безбородко понял, что не добился того, что задумал: вытащить Ушакова в Петербург, приблизить ко двору да и флотское дело на Черном море утвердить. Знал, правда, что императору разговор запомнится, в опасные минуты адмирала вспомнит.

Валерий Ганичев и художник Илья Глазунов

Померились силой

Ушаков прибыл в зимний и неприятный Николаев для осмотра стоящих кораблей, для замещения на время отсутствия председателя Черноморского адмиралтейского правления вице-адмирала Мордвинова. Был в хорошем расположении духа – флот должен был скоро

пополниться новыми кораблями. По верфи у Ингула ходил неспешно, хотя срывавшийся несколько раз ветер приносил мелкую мокрую пыль, сдувая ее то ли с низко летящих туч, то ли с гребешков волн расходящейся с утра реки. Сопровождавшие его офицеры из конторы Черноморского адмиралтейского правления ежились, недовольно поглядывая на неутомимого вице-адмирала, пытаясь поскорее провести его мимо сушилок, подсобных помещений, мастерских, где сушились доски, подгонялись паз в паз брусы для бимсов, готовились щиты, переборки. Но Ушаков, будто строгий инспектор, заглядывал всюду и везде замечал неполадки, недоделки, неточности. С корабельным мастером бригадиром Афанасьевым говорил сурово и резко, тот его главенства и тона начальственного признавать не хотел.

– А вы нам лес дайте ровный. Дайте просушить его не полгода, не год, – три, а то и пять лет пусть в сушилке побудет. Вам же давай сегодня строй, завтра в плаванье...

Но и Ушаков не отступался:

– А вы, господин обер-интендант, думаете, флот наш для игрушек надобен да для парадов? Или все-таки ему защищать Отечество необходимо? А для сего он должен быть быстроходен, мощно вооружен, удобен в управлении. Я на проекты господина Катасонова, что в "Захарии и Елисавете" воплощены, добро не дам. То не мореходные сооружения, а гроб для моряков. В море не выпущу.

Афанасьев взвился, закричал на вице-адмирала:

– Вы права не имеете! Господин Мордвинов выше вас, а он согласен с проектами нашего лучшего мастера. Ему тип сей корабля нравится.

– А! – махнул рукой Ушаков. – Что... что ваш адмирал знает. Он дальше Очакова в Черном море не бывает. Знает он, как шпангоут в походе рассыпается? Как кницы и бимсы лопаются? Знает? Ни черта он не знает. Ему лишь бы корабль в море скорее спихнуть.

– О господине Мордвинове негоже так говорить. Он немалое о судовом строительстве попечение имеет, – со сдержанным уже негодованием говорил Афанасьев. – А о вас, господин вице-адмирал, везде слава идет, что вы неуживчивый и вредный человек, – с запальчивостью закончил он. – Нрав ваш надо укрощать, ибо работа от этого страдать будет.

– Да, будет, милостивый государь. Плохая работа страдать будет, а хорошая только поощряться будет. Каков вы фрегат "Святой Николай" построили здесь? Отличный! Кто слово скажет. А нрав мой, дражайший обер-сарвайер, девицам, может, и не по нутру, а для дела корабельного подходит. Ибо когда корабль рассыпаться будет в море, то под ним пучина смертельная, а не подушки пуховые подстелены тещей ласковой.

На тещу Афанасьев совсем обиделся и замолчал, ибо в городе знали его горячие похвалы матери жены, что расточались повсюду. Ушаков же ходил еще долго: ворчал, вздыхал, примеривался. Подбежал запыхавшийся офицер, требовательным голосом отчеканил:

– Их превосходительство вице-адмирал Николай Семенович Мордвинов прибыл в город. Вас давно ждут в конторе правления. Беспокоятся. Обед сготовили.

Ушакова раздражение не отпускало, зло посмотрел на офицера и бросил ему обидные слова:

– Скажи адмиралу – обедать не собираюсь. У меня после таких кораблей нутро выворачивает.

Афанасьев махнул рукой, отошел в сторону – понял: Ушакова сегодня не переспорить. Посыльный офицер медленно развернулся и нерешительно зашагал прочь, потом, подумав, наверное, что ответ важный, припустил рысцой.

Группа офицеров вокруг Ушакова растаяла. Он же сосредоточенно смотрел на то, как три плотника набивали доски на киль, хотел один раз поправить их, потом согласно кивнул головой. Афанасьев незаметно встал рядом, тихо спросил:

– Да что, совсем не годится "Захарий"?

– Не годится. Заваливается при брамсельном свежем ветре. При стрельбе дыма собирается больше, чем обычно, на верхней палубе, – ответил, как будто ничего не случилось, Ушаков. – Слушай, – взял он за рукав Афанасьева. – Ну что мы выиграли? Нижняя батарея при наклоне действовать не может, а на верхней канонирам ничего от дыма не видно. А ежели абордаж? Собьет служителей противник первой атакой, сядет на люки – и крышка, всем резервам снизу не выйти. побыстрее отказывайтесь от прожекта. Я ведь и сам перед господином Катасоновым шляпу снимаю, но здесь у него промашка вышла.

Афанасьев несогласно покачал головой.

По верфи вихрем промчалась адмиралтейская кибитка, из нее легко выскочил сам Мордвинов, быстро подошел, не церемонясь, поздоровался за руку, спокойно сказал:

– Правильно шумите, Федор Федорович. Премного с вами согласен, лучше надо строить, прочнее делать корабли.

Афанасьев с удивлением посмотрел на него, пожал плечами. В Ушакове же злость оседала, он успокаивался, подумал: вот ведь и не противится, не злится внешне Мордвинов – англичанин истинный. Никогда не знаешь, что на самом деле у него на уме.

По верфи походили вместе, поговорили, но уже без напряжения, без натянутой струны.

– Сегодня у меня, Федор Федорович, все николаевское общество будет. Милости прошу. Вы у нас никогда не бывали, а мои родственники очень хотят познакомиться.

Ушаков хоть и отнекивался, но понял, что сегодня не побывать у Мордвинова нельзя, обида будет больше, чем в споре из-за кораблей. Да и поговорить, может быть, удастся с офицерами, корабельщиками, петербургскими гостями – время беспокойное, надо знать, надо чувствовать, надо быть готовым к действиям и козням всяким.

Действительно, вечером у дома председательствующего Черноморским адмиралтейским правлением было много карет, кибиток, закрытых возков. Из Богоявленска, Спасского и даже из Херсона и Очакова прибыли гости: офицеры и их жены, корабельные мастера, помещики – владельцы обширных нив и нераспаханных земель, местные купцы, французские эмигранты, преподаватели Морского Николаевского корпуса. Мордвинов сам пошел навстречу Ушакову и привел его к столику, где сидело несколько человек.

– Знакомьтесь, вице-адмирал Федор Федорович Ушаков. Генриетта Александровна, моя жена.

Давно уже Ушаков не видел такой заморской красоты. В чем простодушно и признался хозяйке. Та благосклонно согласилась с ним.

– Это мило, господин вице-адмирал, но я и есть англичанка, то есть заморская для вас.

Ушаков знал, конечно, что она англичанка, ведал и то, что от нее, а может, еще и раньше, в период службы на английском флоте, Мордвинов влюбился в британские порядки и был их страстным поклонником.

– Сестры – Елизавета, Анна, – представил хозяин гостей, – брат жены – Фома Александрович Кoble, мадам Гакс, баронесса Боде, граф Александр Иванович Остерман-Толстой, граф Гейден, господин Гамильтон, наш профессор Ливанов, архитектор Де-Волан. Садитесь, господа, – пригласил он вставших. – Сыграем партию в "фараон". – Остановил отстегивающего кошелек Остермана. – Нет-нет, граф, увольте, вы же знаете, что нынче это строго наказывается – играть на деньги. Я только что из Петербурга. Там новые порядки.

– Похоже, наш император, – удобно располагаясь, заметил Остерман-Толстой, – хочет искоренить сразу все недостатки. Революцию, опоздания на работу, русскую лень, мотовство и вот теперь карты. Как вы думаете, мадам, удастся ему это сделать?

– Не знаю, но следует ли верить тому, что он прекратил борьбу с королевскими душегубами во Франции? Вы только что из Петербурга, Николай Семенович, что там говорят об этом?

**Валерий Ганичев на строительстве парка Победы в Николаеве.
1957 г.**

Мордвинов раздавал карты и, казалось, полностью был сосредоточен на этой безделице, потом осмотрел сидящих и торжественно сказал:

– Митрополит Платон еще по случаю славной Чесменской битвы у гробницы Петра Великого цесаревичу Павлу предрек, что он не только славу Петрову сохранит, но и умножит. Цесаревич же с детских лет к флоту привязан. Помните, он был назначен в восьмилетнем возрасте генерал-адмиралом, а после прочтения книги господина Ломоносова еще мальчиком требовал отыскать проход через север к Америке, дом инвалидный для старых моряков на Каменном острове устроил и все свое генерал-адмиральское жалованье на его содержание отдал. Так что мы над Российским флотом ныне имеем не только монарха, руководителя, но и испытанного покровителя.

Мадам Гакс слушала невнимательно, кривила губы, нервно перебирала пальцами ожерелье.

– Но правда ли, господин адмирал, как пишут английские газеты... Фома, зачитайте, что написано нынче всем русским послам.

Брат хозяйки надел на нос пенсне и вытащил из кармана кусок газеты.

– Тут написано, что граф Остерман направил всем вашим послам циркуляр, в котором извещал их, что "Россия, будучи в непрерывной войне с 1756 года, есть поэтому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастном положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным его подданным в пренужном и желаемом ими отдохновении". – Фома Кoble поправил пенсне и добавил: – На Европу это произвело тяжелое впечатление. Насколько я знаю, из Англии отзывается эскадра контр-адмирала Макарова. Не так ли?

Мордвинов сосредоточенно думал над картами и не ответил Кoble. Потом обратился к Ушакову:

– Федор Федорович, вот почему вас моряки, низкие служители, так боготворят? Куда ни приедешь, все просят, нам бы под начало адмирала Ушакова. Спуску вы им вроде не даете, изнуряете экзерцициями разными, а они на вас молятся.

Ушаков посмотрел на него испытующе: в чем подвох?

– Никто не молится. Просто я простых служителей за людей чту. Без их действия ни одной победы не одержишь. А их научить надо, упражнения провожу для этого. Уменьше знания прибавляет, больше свободы понимания становится, стараются они больше, как видят, что я об них пекусь. Забота о подчиненном – сие командирская обязанность.

– Но неужели, господин адмирал, это входит в ваши обязанности? Неужели нельзя привести в состояние порядка ваших мужиков другим низшим командирам? Неужели власть короля во Франции зависела от ласкового обращения с этими хамами? – перебила Ушакова мадам Гакс и, не дождавшись ответа, обратилась к Мордвинову: – А вы что скажете, Николай Семенович? Что делать, на кого надеяться нам, аристократам?

Ушаков покраснел, напряженно думал, что ответить. Мордвинов же был, наоборот, спокоен и ласков, только левая скула у него то твердела, то размягчалась.

– Я вот что думаю, господа, дайте свободу мысли, рукам, всем телесным и душевным

качествам человека, предоставьте каждому быть, чем его Бог сотворил, и не отнимайте, что кому природа даровала, и тогда нас будут чтить, как Федор Федоровича.

– Полноте, – махнул рукой Ушаков. – Давайте лучше о наших флотских делах. К чему готовиться, как думаете? Турки шныряют к крымчакам, то ли купцы, то ли шпионы. Но флот их килеванием исправляется без поспешности. В Синопе, на Архипелаге, в других местах много судов строится. На оружейном Константинопольском заводе под дирекцией французов работают по образцу европейскому ружья. В общем, Порты Оттоманская всякий час готовится к военным действиям, но сама собой еще открыть их не осмелится. Ожидает удобного к тому случая, смотрит на обороты воюющих европейских держав, а особенно примечая выигрыш и неудачу французов.

Мордвинов отодвинул карты, в задумчивости кусал нижнюю губу. Слушал Ушакова, потом решительно поднялся:

– Пойдемте, Федор Федорович, я вам библиотеку покажу, других гостей представлю.

Библиотека у Мордвинова была отменная. Стояли тут и тома Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина. Однако же было больше авторов иноземных: Адам Смит, Жан-Жак Руссо, Голдсмит, Юнг, Эразм Роттердамский.

– А это, прошу обратить внимание, "Китайские записки", лично подаренные императрицей Екатериной "за донесения, написанные золотым пером", а вот сии записки Сюлли, еще в бытность цесаревичем, Павел подарил. Однако большая часть моей библиотеки – книги философского и экономического свойства.

– Что же? По морскому делу не собираете?

– Знаю, знаю, Федор Федорович, что у вас редчайшие книги собраны по мореходному делу и кораблестроению. Но разве за всем уследишь?

Ушаков библиотеку похвалил, сказал, что у него кроме морских книг любимые его книги Фонвизина и Державина имеются. Но про себя подивился: почему по главной адмиральской специальности книг достойных в здешней библиотеке не было?

– Федор Федорович, – интимно обратился Мордвинов, – скажите, как вы хозяйство своей персоны ведете? Записываете мысли? Счета кто ваши подписывает?

Увидев, что Ушаков недоуменно на него посмотрел, пояснил:

– Я для себя составил и постоянно добавляю порядок разумного ведения дел домашних.

– Да у меня особых домашних дел и нет. Счета финансовые я сам веду, на черный день денег не коплю.

– А зря, зря, голубчик, время придет, не заметите. А где в старости заработать? Учиться считать нам, дворянам русским, надо.

– Мысли всякие, – раздумчиво продолжал Ушаков, – в тетрадь заново, а потом в ордера морские, наставления.

– Да-да, вы все в морскую науку превращаете, а я вот мучаюсь философскими

проблемами, на ночь кладу под подушку бумагу и карандаш – мысли собираю; честно скажу, боюсь, что не скоро мы понадобится государю, морские служители. Ему бы сейчас хороших экономистов с десятков – всю Россию можно было бы переделать. И еще, Федор Федорович, – совсем разоткровенничался Мордвинов, – мысли по поводу нашего устройства у меня несвойственные моему чину приходят. Думаю, что уж и руки рабов не способны к порождению богатства. Свобода, собственность, просвещение и правосудие – суть естественные и единственные источники оного. А у нас в России, – заходил перед Ушаковым николаевский мыслитель, – просвещение и богатство находятся в руках малого числа людей, а нищета и невежество – у многочисленной части народа. Поэтому нам надо образовать среднее сословие. Как вы думаете, Федор Федорович?

Ушаков эти вопросы и сам себе задавал. Не на все находил ответы. Но считал, что он, как военный человек, как дворянин, должен служить Отечеству и государю честно и свое дело исполнять, а тех, кто с ним служит, он должен научить, душу их не уничтожить, а слиться воедино в исполнении долга.

– Я, Николай Семенович, обо всем устройстве не могу говорить, то дело Божеское и державное. Но почитаю хорошими тех людей, которые собственное достоинство имеют, других уважают. Вот посмотрите, коли молодой мичман приходит на корабль и начинает морякам зуботычины раздавать направо и налево, то где его командирское достоинство? Ведь он их не научил, а начинает требовать. Себе подобных за тварей почитает. Негоже. Не за страх должен работать служитель, а за совесть. И коль мы с детских лет воспитывать будем совесть, страх и зло отодвигать на задворки, то вот вам сословие людей достойных, необходимых Отечеству.

– Вы наше состояние бедственное выводите из причин нравственных, а я из причин экономических, – задумчиво потирал лоб двумя пальцами Мордвинов. – Впрочем, подумать об объединении сих мыслей следует. А сейчас позвольте я вам представлю двух наших знаменитостей – силача Лукина и сочинителя Захарьина.

В зале, куда они вышли, было шумно, громко звучала музыка, оркестр, составленный из морских служителей, играл входивший в моду полонез. Мордвинов подвел к невысокому офицеру: "Вот он, сей славный сочинитель "Афраксада". О коем во всех слоях общества говорят". Ушаков поздоровался, подивился невзрачности сочинителя, книга которого была широко известна, читалась даже грамотными матросами.

– Ну ты приготовил вице-адмиралу книгу? – обратился к Захарьину Мордвинов. – Я ведь его из Москвы забрал, – самодовольно объяснил он Ушакову, – Бахусу премного уделил внимания сей литератор. Я его, спасая, привез сюда, в Николаев, дал офицерский чин, и он тут у меня учительствует. Думаю, новое сочинение напишет про подвиги флота, про нас и Николаев-город.

"Вот как заботится о славе собственной", – подумал Ушаков и поклонился Захарьину, протянувшему ему свою книгу. Мордвинов выхватил ее и громко зачитал:

"Господину адмиралу Федору Федоровичу Ушакову. От Петра Михайловича Захарьина – "Афраксад". Сей труд древности и таинственности сочинен на 40 медных табличках халдейскими буквами, а написал их Абу-Амир. С халдейского перевел на арабский, с арабского на татарский, а Захарьин нашел среди бумаг и перевел на русский". О, каков ход придумал сочинитель! Молодец!

– А вот этот герой, полюбуйся-ка на него, Федор Федорович, – тоже достойная нашего

города фигура.

Ушаков и впрямь залюбовался беловолосым офицером, что подошел к ним. Высокий и ладно скроенный, он не казался великаном, но мощный вице-адмирал был ниже его почти на голову.

– Он, сказывали, – опять с внутренней гордостью и даже хвастовством объяснил Мордвинов, – хватал в юности за задок кареты: четверка лошадей ни с места. А когда в арсенале пропал пятипудовый фальконет, Лукин сказал: "Унесли, наверное, так". Взял пушку, сунул под плащ и без натуги пронес до ворот и обратно.

– Было, было, – пророкотал богатырь, – однажды даже восьмерку задержал, но лошади ось выломали и убежали.

Ушаков вдруг востропел, в глазах заиграли бесики, и он лукаво сказал офицеру:

– А ну давай померяемся!

– Bravo! Bravo! – захлопал в ладоши Мордвинов. – Музыка, тише.

Музыканты опустили трубы, танцующие пары подошли ближе, Фома Кобле надел пенсне и посадил за игральный столик спорщиков. "Вот так! А теперь, раз, два, три!" Никто ничего не понял, но рука Лукина уже лежала на столе. Офицер покраснел, смущенно развел руками – ведь он никому не проигрывал до сих пор.

– Вы... вы, господин адмирал, сноровистей...

Ушаков пожалел силача и предложил помериться еще раз. Несколько минут склонялись руки в разные стороны над столиком, потом Лукин додавил соперника.

– Молодец. Истинный русский силач, – отворачивал рукав Ушаков. – Приходи к нам на корабли. Пойдем в дальние походы.

– Ты, Федор Федорович, не сманивай. Он нам и здесь нужен, турок отпугивать, – посмеивался Мордвинов.

Музыка вновь заиграла, пламя свечей заколебалось в такт танцующим.

– Спасибо за вечер, Николай Семенович. Я от своей морской качки отошел немного. Хорошо тут у тебя. Поеду, пожалуй. Дорога дальняя.

Мордвинов проводил на крыльцо и, пожимая руку, как бы между прочим сказал:

– Ну а проект-то Катасонова запустим, наверное, вона сколько денег затрачено.

Рука Ушакова закаменела, лишилась доброжелательности и тепла. Он вынул ее из рукопожатия, как из ножен, и твердо ответил:

– Все сделаю, чтобы проект не утвердили, самому государю отпишу. – И, подумав, закончил: – А за угощение спасибо.

* * *

Іван Григурко

Іван Сергійович Григурко (1942–1982) – народився 15 лютого 1942 року в селі Волярка Червоноокитянського району на Одещині. Його батько загинув на фронтах Великої Вітчизняної війни, мати померла, коли хлопчику було всього три роки. Виховувався і навчався у дитячому будинку. В 1958 р. закінчив Одеський фінансово-кредитний технікум, а потім служив в армії. На цей час припадають перші друковані спроби рядового, а потім і сержанта Григурка. Після закінчення служби Іван Григурко вступив до Одеського університету на філологічний факультет, де в студентській лаві відбувається формування Івана Сергійовича як майбутнього письменника.

Пізніше, з-під його пера виходять повісті “Гавертій“, “Путіна“, романи “Канал“ (1974), “Далекі села” (1978), “Ватерлінія “ (1982). Лебединою піснею став для Григурка роман “Червона риба“ (1982). Перебуваючи смертельно хворим, в лікарні, письменник дописував останні рядки цього роману, але надрукованим свій твір він так і не побачив. Помер І.С. Григурко 21 серпня 1982 року.

Іван Григурко

І. Григурко «Повернення»

Після лікарні Македон Іванович ще тиждень сидів удома, відігрівав ноги в узварах із трав; у будкомі пропонували йому путівку на цілющі води в Трускавець, але курортів він не визнавав – власне, не знав, що це такс; як лиш відчув, що ревматизм, мов підточена кора, зсунувся з його кісток і сіллю розчинився в численних тазиках із водою, дбайливо спорядився, вийшов на трасу, спинив попутну машину і поїхав на канал. Там, де від автошляху відбруньковувалась розгасла болотиста дорога уа п'яту дільницю, зліз, виламав у посадці патик і поволеньки побрів пішки. Чоботи швидко залипли глинистим замісом, спробував струснути його, але тілом пішла недобра луна.

Доводилось спинятися, зчищати грязюку палицею. Швидко впрів. Це байдуже, думав, головне, що вирвався на волю. Тепер аби дістатись до машини, до роботи.

На знайомому мості спинився. Звідси було на що подивитись. Канал вбирався в бетон, ніби в білу сорочку з крупними клітинами. Між плитами, може б, і не видно було стиків, але їх заливали смолою, задраювали, як днище човна. Бетонярі працювали вже там, де Македон Іванович залишив бригаду. Клював носом кран, тулив плиту до плити; куріла смолокурня.

П'ята дільниця теж не засиділась на місці, пересунулась зі всім своїм набутком кілометрів на два далі. На подвір'ї Македон Іванович завважив себе на Дошці пошани, мимохідь подумав: "І не годишся вже ти для портрета. Хіба що для ікони..." Третяка знайшов у його фанерній халупці, сидів там із двома незнайомими чоловіками. Привітались, Третяк підвівся, і ті двоє підхопились.

– Ви дуже вчасно, дядьку Македоне, – сказав механік, а тоді гим двом: – Ось наш, можна сказати, професор, він вашу роботу бракував, він і прийматиме. – І знову до Македона Івановича: – Це товарищі зі Снігурівського ремзаводу, приїхали на мій лист по тих двох скреперах.

– Ваш механік назвав нас коновалами, – сказав один із снігурівців – старший, з білими бровами, із спокійними, вдумливими очима. – Бачите, нам у комплектувальники призначений цюрупинський цех фільтрів, а вийшла неув'язка, бо він ще лиш будується. От і біда з тими прокладками. Вирізаємо із чого попало, мало не з палітурок списаних книжок. Через таку дрібницю – велика ганьба...

– Ну, що ж, товариші, – сказав Третяк, – час не терпить. Прослухаємо, підпишемо акта, а штрафами нехай наші бухгалтерії обмінюються.

– Так, – погодився темноокий снігурівець. – Головне, щоб діло рухалось, а з якої в яку кишеню перекадає держава гроші, то не так важливо.

– Е, почули б це економісти, – дорікнув білобровий. – Вони б тобі розтлумачили, що в кишенях теж лад повинен бути.

Фарба на двох скреперах дещо пригасла, вигоріла, але все одно вони виглядали надто святково, як виставочні зразки. Механік їх заводив, а Македон Іванович прислухався до моторів. М'яке вуркотіння поршнів зачудувало його слух. Приклав ще й долоню до вуха, щоб гострішою була насолода. Снігурівці стривожилися, стояли коло своєї забрьоханої ремонтної "летучки", що пройшла двісті кілометрів від заводу до каналу, випереджаючи осінню сльоту, і думали, що "професор" знову знайшов гандж у їхній роботі.

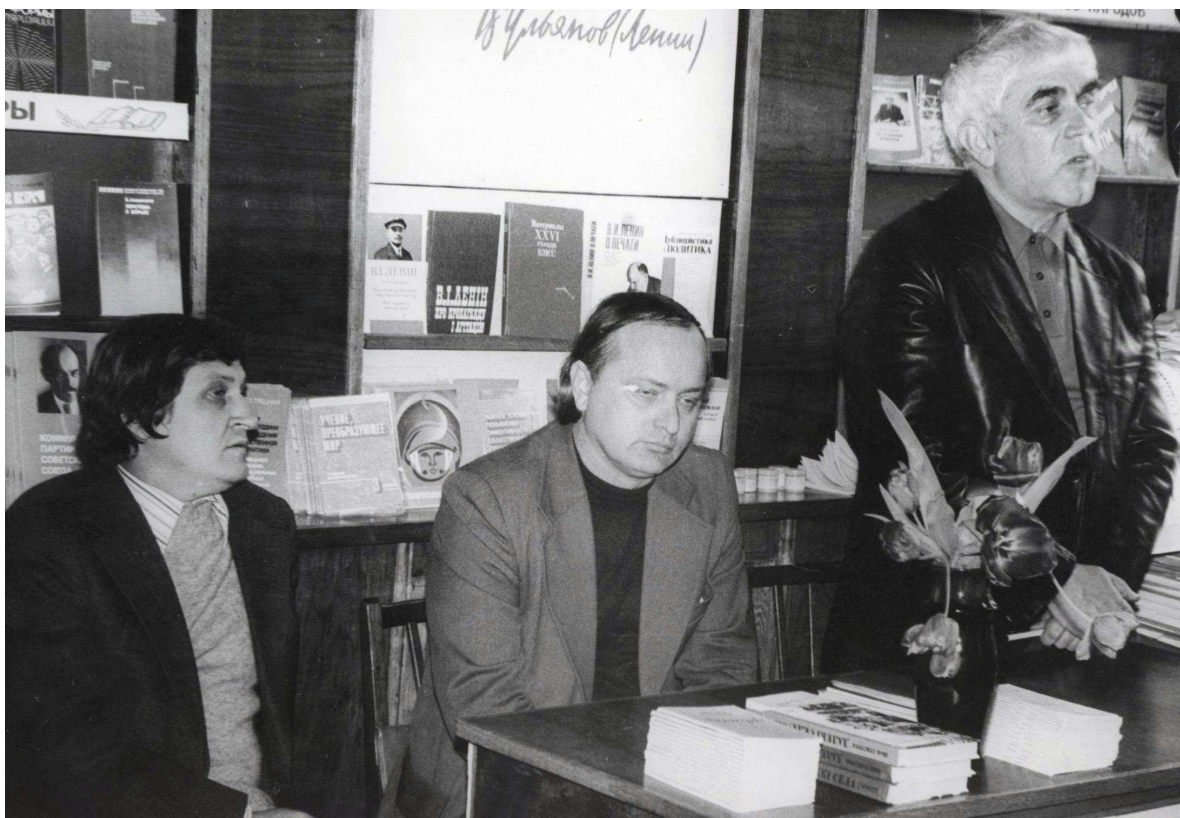
Через півгодини на одному з цих поновлених агрегатів здибай вирушив уперед, у бік Тавричанки – села, неподалік якого проходив передній край каналу; вирушив навздогін своїй бригаді. Не мав на це нічиєї вказівки, ніхто його туди не покликав, як штатна бригадирська одиниця, був приписаний до п'ятої дільниці; і Третяк глянув здивовано, але потягло – і він на повній ходовій швидкості таранив сиве полудення, мов зволожену, підпрілу копицю сіна, гнався, аж ошмаття зірваної землі вилітало наперед радіатора. "Ти зрозумій одне, – звертався до себе ще зовсім недавнього, але вже як до чужого, – клякнутимеш у своїх жалях і болях – застигнеш, мов холодець; гони старість – вона підступна; це великий промах, що її так легко, без пручань визнають, піддаються її заколисуючому ладові: а це ж вітер із цвинтаря, це засуха серця, і якщо ти рятусш від виснаження землю, а собі дозволяєш вичахати, то хіба ти можеш зватися хазяйським чоловіком? Знай для себе: нема старості, і втоми нема, і хвороб теж... Ось так, ні з того, ні з сього, взяли та й пощезали ці клятві речі, і ти перший відчув на собі полегшу..."

Скрепер ішов м'яко, ніби плив. Давно лишилися позаду вибуртувані боки каналу, почався незораний богар, а там і знайома гуркітнява дочулася, схована за вологим димом осені. Одні йдуть просто назустріч, інші пориваються далі.

Македонові Івановичу треба було до тих, що рухались далі, там його бригада. Він ураз знайшов її. Їхав краєм ще неглибокого рукава, придивлявся до машин, прочитував, коли вдавалося, номери на передніх рамах – і таки впізнав своїх. Та і як не впізнати – он на Франчуковій кабіні рівчак через увесь верх: обірваний трос залишив слід.

Око вловило робочий маневр. "От ворохобники, – стурбовано вилаявся. – Навчав же: ходіть по колу, орбітою, а вони парами: ану побачу, як ви розвертатиметесь". Лле на розвороті ніяких скупчень не було, ніхто ні з ким не розминався, бо передні обертались урізнібіч, залишаючи простір для задніх; йшли краями, а зустрічались і парувались в

іншому кінці пікету. Виходило замість одної великої орбіти дві вужчих. Маневр складніший, але яка од того користь?.. Огляд з кабіни кращій, бо ніхто перед носом не маячить – це напевне, ревниво зважував він, а далі не стримався, з'їхав униз, вклинився в одну з малих орбіт – і, перш ніж його помітили, зробив замкнений оберт уповні з ґрунтом....

До нього збіглися, майже витягли з кабіни, гуртом обіймали, як СИНІ свого батька.

– Товариші, – сказав по хвилині Ігор Кордубайло, – не будемо гаяти часу. Комсомольські збори оголошую відкритими. Питання ви знаєте яке: приймемо Максона Івановича в свої ряди, в комсомольці. Юрко, приготуйся писати протокол.

– Може, обійдемо на цей раз без протоколу? – спитав Юрко.

– Не обійдемо. Без нього в райкомі не випишуть квиток.

– Ви серйозно? – здивувався старий. Який з мене комсомолець...

– Тут таке діло, Македоне Івановичу, – сказав Франчук. – Дільниця стала молодіжною, а ви старий, вас сюди не візьмуть. А без вас і нам погано – нас розвіють по інших бригадах, а ми цього не хочемо. А якщо ми вас приймемо в комсомол, то у вас буде право лишатися з нами. Повернеться Зайченко, когось візьмемо замість Спура.

– Хлопці, – знову взяв слово Кордубайло, – не збиваймо з пантелику самих себе і Максона Івановича. Грунт ґрунтом, дільниця дільницею, однак це не причина, а лиш спонука до того, що ми приймаємо бригадира в комсомол. І Франчук безпідставно заявив, що наш бригадир старий. Погляньмо на Македона Івановича пильно: він зараз молодший, ніж був тоді, коли ми його вперше побачили. Він, мабуть, знає секрет молодості, і нам теж треба розпізнати цей секрет, щоб ніхто ніколи з нас не постарів.

Юрій фомада все ретельно занотував у маленький записник. Проголосували за прийом Максона Івановича в комсомол одностайно. Він стояв між хлопцями, хлопці між машинами, машини серед степу, а степ серед осені; осінь же пускала живі корені в душу, обдавала все ество тугою бадьорістю і певністю, підносила щемке бажання жити спрагло до радостей і доброти. Хлопці чекали, що скаже Македон Іванович. Він раптом удруге

(першого разу це було давно-давно) гостро відчув своє щастя, свою єдину, ні на чию іншу не схожу, долю.

– Спасибі, діти мої, за довір'я. Я буду з вами, заким...

– Заким канал не проведемо, – підказав Сергій Оринчин. – Будемо завжди разом, однією сім'єю – і тоді ми все зможемо.

* * *

Основні твори І. Григурка:

Ватерлінія: Роман. – К.: Рад. письменник, 1982. – 336 с.

Далекі села: Роман. – К.: Рад. письменник, 1978. – 287 с.

Канал: Роман. – К.: Дніпро, 1978. – 213 с., іл.

Роса; Гавертій; Путина: Повісті. – Одеса: Маяк, 1976. – 180 с., іл.

Червона риба: Роман. – К.: Рад. письменник, 1984. – 231 с.

Драматургия

Анатолий Маляров

Анатолий Андреевич Маляров родился 21 апреля 1933 года в поселке им. Т.Г.Шевченко Березовского района Одесской области. В 1953–1958 годах учился в Киевском театральном институте им. И. Карпенко-Карого. После окончания института работал режиссером на Киевской и Днепропетровской телестудиях. Первую пьесу написал в 1958 и поставил на столичном телевидении.

В последующие годы работал в Николаеве главным режиссером Николаевской телестудии, а также режиссером и заместителем художественного руководителя Николаевского русского художественного театра. На сцене этого театра по пьесам А.А.Малярова были поставлены спектакли „Росс непобедимый” и „Страсти по Иисусу”. В Николаевском украинском академическом театре драмы и музыкальной комедии был поставлен водевиль „Криминальный массаж” (1993).

С 1975 г. регулярно печатается в журналах „Київ”, „Секрет” (Таллин), „Новый горожанин”, „Новый век” и др. Автор многочисленных повестей, телесценариев, пьес, рассказов и очерков. Пишет на украинском и русском языках. Трижды лауреат закрытых конкурсов на лучшую пьесу (для театра и для радио). Член Национального союза писателей Украины с 1983 г.

А. Маляров. "Стукач" (диптих)

*Действуют: Аура – дама с большой пенсией,
Аурика – она же в молодости,
Кутепа – мужик без пенсии,
Коля – он же в молодости,
Лавр – генерал безопасности,
Алина – его секретарь.*

*Действуют: Аура – дама с большой пенсией,
Аурика – она же в молодости,
Кутепа – мужик без пенсии,
Коля – он же в молодости,
Лавр – генерал безопасности,
Алина – его секретарь.*

Быль первая. Игра в прошлое.

1.

(Роскошная гостиная. Интерьер смещен, у входа – пылесос. Некогда присмотренная дама, АУРА, ныне запущенная, мужеподобная с виду и потерянная по сути, включает и выключает телевизор, прикуривает и гасит сигарету, наливает и отставляет рюмку. Несколько раз набирает номер телефона).

АУРА *(в трубку)*. Але? Я прошу прощения. Мне, кажется, дали не тот номер... Извините. *(Опускает трубку. Листает телефонную книгу. Снова набирает номер.)* Я прошу прощения. Мне. Кажется. Дали. Не тот номер. *(Пауза.)* Николай? Кутепа?.. За двадцать девять лет голос не изменился – хорошо живется смерду! Двадцать девять лет три месяца и девять дней... Память профессиональная. Я вернулась... восемнадцать лет назад. Не забыла, вот звоню. Много всего было. Очень хорошего, что на поверку оказалось очень плохим... Помехи? Я коротко. Я – вдова. Год назад мой генерал... Год безвылазно просидела взаперти, с моим-то темпераментом! Заметь телефончик. Двести двадцать-семь-ноль-три-ноль-шесть. Звони, приходи. Тебе удобно завтра? К двадцати? Нет, нет, к двадцати. Жду.
(Со всей возможной уверенностью кладет трубку. Опрокидывает рюмку, ходит по комнате, цепляется за пылесос.)

2.

(Тот же смещенный интерьер. Пылесос у двери. Припугнутая АУРА в богатом, неуклюже наброшенном наряде дежурит у дверного глазка. Шаги. Она распахивает

дверь и тут же запирает на два замка. Отступает, цепляясь за пылесос. Входит КУТЕПА и тоже цепляется за пылесос.

КУТЕПА – под шестьдесят лет, заурядного вида, на плечах – тщательно пригнанные недоноски, стрижка домашняя, взгляд настороженный. Башмаки оставляет у порога).

АУРА. Кока! Что ты копошишься? Покажись.

КУТЕПА. Знаете, вышколен. И в таких палатах – впервые! Здравствуйте!

АУРА. А я как-то и не поздоровалась. Не к месту. Я вроде и не расставалась с тобой все эти тридцать три года... то есть, еще три месяца и двадцать девять...

КУТЕПА. Было, было и у меня такое ощущение. Уехали, все казалось, что понарошку. Все боялся звонка, хе-хе...

АУРА. Шутником стал?

КУТЕПА. Под старость можно и пошутить.

АУРА. Какая старость? Ты еще, поди, не на пенсии.

КУТЕПА *(сокрушенно).* Пенсия мне не угрожает.

АУРА *(не вникая в тон гостя).* Хорошее правило было у моего благоверного – нужных людей еще на пороге привечать рюмашкой. Примешь?

КУТЕПА. Позвольте осмотреться.

АУРА *(с плохо припрятанной бравадой тычет пальцем во все двери).* Кабинет его превосходительства. Бывший. Пустует. Детская. Бывшая. Пустует. Спальня. В простое. Кухня в запустении. Не для кого стараться. Дальше там ванны, чулан. Есть еще что-то вроде запасника: свернутые ковры, пишущая машинка. «Ремингтон» в упаковке, «Панасоник» с магом в придачу... Компьютер, принтер, мобилки... Копили годами...

КУТЕПА. Остановитесь, а то валерьяны попрошу, хе-хе...

АУРА. Можно подумать, все это тебе в диковинку!

КУТЕПА. Отчего же! По телеку видел, в кинопродукции из-за бугра. Сам пишу от руки, а смотрю «Весну», черно-белую, ровесницу нашей разлуки. Что касается магнитофонов, то самый японский я сбросил бы с девятого этажа. В печенку въелись из соседних окон, хе-хе...

АУРА. У-у, характер. Я всегда любила в тебе мужчину. Мужчина! Прошу к столу. Я не успела приготовить, но выпить – на выбор.

КУТЕПА. Заняты по-прежнему?

АУРА. Занята одним: все спешу, спешу. Только то и делаю, что спешу. *(Со странным смешком.)* Наладилась пыль собрать – едва успела пылесос выставить, принялась стряпать – закопалась с конфорками, платье – и то набросила кое-как. *(Тут же хватается за все разом: за нож и рюмку, за стул и набор фотографий.)* Смотри – хороша была? Я не сильно изменилась? Вот сделаю омоложение... Выпьем, чего там! *(Наливает – горлышко дребезжит о рюмку.)* Ой, неуклюжая!

КУТЕПА. Позвольте я. *(У КУТЕПЫ тоже все дребезжит.)* Это такие теперь горлышка у бутылок – дребезжат.

АУРА. Просто не верится, что ты и – снова рядом. За встречу!

КУТЕПА. Вас когда-то звали Аурикой, по-молдавски. *(Поднимает рюмку.)* Будем людьми, как говорят молдаване!

АУРА. Хоп-хоп! *(Дружно выпивают.)* Ты так поздно появился на моем горизонте!

КУТЕПА. Мы знакомы тридцать три года.

АУРА. Ты тогда уже, тридцать три года назад, на моем горизонте появился поздно.

КУТЕПА. Виноват.

АУРА. У меня был муж, молодой майор, потом выше – полковник.

КУТЕПА. Потом – генерал, из самых секретных, из тех, что ходят в штатском, а документы хранят в столичных сейфах.

АУРА. Ты догадывался?

КУТЕПА. Не трудно было. По вашему шарму, по манере хозяев...

АУРА. Ладно. Дело разумею, но пей! *(Наливает, проливая.)* Эта встреча так разволновала

меня. Ты не подумай чего-то там.

КУТЕПА. Я и не думаю.

АУРА (*загораясь*). Да, по обстоятельствам приходилось и перебраться, и перекурить. Но не до такой же степени!

КУТЕПА. Ради Бога!

АУРА (*заметно злясь*). И если задребезжит телефон, не бери трубку.

КУТЕПА. В чужой квартире? Не в моих правилах.

АУРА. А ты все равно не бери!

КУТЕПА. Не возьму.

(*Она пьет, он – тоже.*)

АУРА. Меня теперь все потихоньку обирают. Подружка напрашивается с милым «на хату». Пьют, едят мое, простыни перемарывают и даже забывают ключ возвращать. Одалживаются соседи. У меня есть из чего, но ведь несправедливо – не возвращают. В Лиманах мой дом арендовали казаки, в кредит. Устроили паланку – не платят. Хотя бы воевали, с турками там, с поляками. А то грызутся между собой. Одну традицию только и соблюдают – пьют. За мой счет. Их кошевой атаман сватается ко мне. Я знаю зачем – прописаться в моих хоромах. Потом пропишет весь кош. Кость Гордиенко! Атаман Сирко! (*Снова с угрожающей миной.*) И дверь, если запоет звонок, не открывай.

КУТЕПА. Аура Юрьевна, я воспитанный человек.

АУРА. Вот и славненько. И не открывай!

КУТЕПА. Не встану с места.

АУРА. Не вставай. И не шуми.

КУТЕПА. Нет, нет...

АУРА. Не теперь. Когда придут, не шуми.

КУТЕПА. Уверю вас, ориентируюсь.

АУРА. Беспокоятся обо мне.

КУТЕПА. Не мое дело, я гость...

АУРА. Сестричку присылают, знахаря. Иглоукалывание... Догадываешься?

КУТЕПА. Я сторонюсь и казенной медицины, и народной...

АУРА. Из убеждений?

КУТЕПА. Платить нечем.

АУРА. И говоришь такое с улыбкой!

КУТЕПА. Привычка к лишениям.

АУРА. Помню твой софизм. Если кровного рысака посадить на мякину...

КУТЕПА ... он издохнет.

АУРА. А кляча?

КУТЕПА. Живет! И воз тащит.

АУРА. Но стоит ли жить на мякине?!

КУТЕПА. Живут. Это вы, женщина, лишённая всяких лишений, без пориджа и эфиопского кофе призов не берете.

АУРА. На старт не выходим.

(*КУТЕПА берет рюмку, АУРА – тоже.*)

КУТЕПА. Помню вас молодой, неправдоподобно, нереально красивой!

АУРА. Ты помнишь нашу первую встречу?

КУТЕПА. При первой я был огорошен, отключился. Вы убеждали, я соглашался, вы водили по кабинетам, я ходил, вы пододвигали бумаги, я подписывал, как в бреду.

АУРА. Преувеличиваете, сударь!

КУТЕПА. Вторую встречу... поначалу смутно воспринимал. Потом прокручивал в памяти десятки раз – что происходило, где я стоял? – и затвердил навсегда.

АУРА. А-а, на явочной квартире, у отставной активистки...

КУТЕПА. Синяя полутьма. Диван, стол, стопка белой бумаги...

(*Меняется освещение. Диван, стол, стопка белой бумаги.*)

3.

(АУРИКА хороша, раскованна, профессиональна. КОЛЯ в двойном плену: очарован женщиной и смят реальными и мнимыми страхами.)

АУРИКА *(покуривая, наставляет).* Отступите сверху сантиметров на шесть и слева – на пять. Форма такова: «Источник сообщает, что...» Тут для широты дела вставляется: «выполняя задание такого-то...» В нашем случае тоже в мужском роде. И далее: «источник встретился с тем-то...» или «...побывал там-то». Далее коротко увиденное и услышанное. Доступно?

КОЛЯ. Вопрос можно?

АУРИКА. Сколько угодно. И не держитесь, как на докладе у самого. Здесь атмосфера открытости и полной взаимности.

КОЛЯ. Сразу не привыкнешь к вашим...

АУРИКА. Не «к вашим», а «к нашим». Ты – наш!

КОЛЯ *(осмысливая).* Я – ваш...

АУРИКА. Мы с тобой – одно. Одно важное и нужное учреждение, разумеется, скромное, без огласки и рекламы. О чем подписано обязательство.

КОЛЯ. Подписано...

АУРИКА. Что за вопрос?

КОЛЯ. Комментарии, мнения?..

АУРИКА. Комментировать и высказывать мнения будут вышестоящие. Наша задача – факты.

КОЛЯ. Упрощается, думать не надо.

АУРИКА. Ценю юмор, но в малых дозах.

КОЛЯ. Больше не буду.

АУРИКА. В конце изложения следует дата и подпись. Дата придет в нужный день, а вот подпись... Нам нужен псевдоним.

КОЛЯ. Не думал, что в моей жизни понадобится псевдоним. Начинаю уважать себя.

АУРИКА. Кутепа... Кутепа... Николай Кутепа... Кока... В институте ты специализируешься по.. ?

КОЛЯ. Пока психология. Психиатрия. Не по силам мне, боюсь чокнуться. Перехожу на филологию.

АУРИКА. Актеры берут псевдонимы – фамилии крупных деятелей театра, рабочие – революционеров, учителя – Ушинских, Макаренков... Давай из психиатрии. Кто там заметен на их небосклоне?

КОЛЯ. Месмер, Фрейд, Павлов, Выготский...

АУРИКА. Вот и выбери благозвучную фамилию.

КОЛЯ. Не кощунство ли?..

АУРИКА. А что ты предлагаешь?

КОЛЯ. Логичней – из терминов. Кретин – связано с античным миром, Шизик – широко распространено теперь...

АУРИКА. Сложненько. Давай имя великого.

КОЛЯ. Пусть будет Шарко, он лечил королей.

АУРИКА. Это – душ Шарко? Наш и – лечил королей?

КОЛЯ. Француз. Девятнадцатый век. Он еще открыл патологию, когда человек забывает дышать и может умереть без кислорода.

АУРИКА. Такое бывает?

КОЛЯ (*глубоко*). Со мной... всегда, когда вижу вас...

АУРИКА (*легкомысленно*). Фантазер! Ладненько, пусть будет француз.

КОЛЯ. Я – француз, я – Жан Мартен Шарко... только бы не засветиться.

4.

(Гостиная АУРЫ. Хозяйка и гость допивают коньяк. Она сладко вздыхает.)

АУРА. Обычно я презирала своих подопечных. Вербуются, как правило, замаранные, схваченные на аморалке, стяжательстве, служебных нарушениях. С виду приплюснутые, со страхом перед небом в клетку. Ты первый, кого я не брезгала. Попал, как под транспорт. Пошел за женщиной. И рыло не было в пушку, и мозги вроде бы на месте. Любовь?

КУТЕПА. Хе-хе... Не только. Не видел смысла артачиться. Если ваша контора уж раскинула сети, ни в какой тине не отсидишься. Сессии завалишь, мамаша потеряет место, а она едва сидела на нем. Испачкаете, унизите, отвратите друзей, отнимете кусок хлеба. Да все так, что и виноватого не сыщешь, кроме самого себя. Гордого изувечите, тактичного обхамите тактом же... И все равно принудите капать на ближнего. Если все такое предвидишь, стоит ли кувыряться?..

АУРА. Ты тогда уже не ходил в дураках.

КУТЕПА. Житейская мудрость. С детства играли в доносы. Если к сказанному прибавить, что меня сильно интересовала ваша психология.

АУРА. Да?

КУТЕПА. Как это ни странно! Вы меня в открытую исследовали, а я вас – тайно. Огромная машина отбирает из гнилого общества малых здоровых, перспективных молодых людей для того, чтобы это общество удержать в гнили, но на плаву. А посудина дает течь, теряет остойчивость, тонет...

АУРА. Робкое оправдание задним числом. Вел тебя худший из пороков – трусость. Я теперь почитываю Библию.

КУТЕПА. И это правда. И многое другое. Я великий путаник. Патентованное белое мне виделось черным, созидание – разрушением, мудрец – глупцом. На одно лицо мне казались и мундиры голубые, и послушный им народ. Я искал нишу, куда бы спрятаться от страхов и сомнений. И тут явилась молодая богиня.

АУРА. И ты очертя голову в омут?

КУТЕПА. Была игра... Перед каждым шагом я старался угадать, чего от меня хотят. И как мне быть? Притормозить, спуститься на помочах? Очертя голову? Рад стараться! Была поэзия. Чтобы не сойти с ума, я рифмовал.

На юру мы нашли свою нишу –
Суета и ни зги не видать.
Говори, говори, я услышу
То, что ты так не хочешь сказать.

Хе-хе... искал приют-уют.

АУРА. Видишь, опора была в нас!

КУТЕПА. Страх. Вы им заполнили все наше бытие. Лепили из него опору, дело, надежду, радость...

АУРА. Радость из страха?

КУТЕПА. Высший пилотаж. Раз в месяц я обязан был приносить вам хоть какую-нибудь пакость. Сплетню, поклеп на человека, мысли которого я разделял... ложное подозрение... Хуже, когда облыжно подавал убеждения праведника... Унизительно ведь высматривать, подслушивать, высасывать из пальца обтекаемый факт только ради того, чтобы вы могли положить в папку листок и в аванс и зарплату получить... да не по гривне за пакость, а все блага мира! Это терзало...

АУРА. Где же тут радость?

КУТЕПА. Она являлась, когда после этакой тактичной, с потугой на светскость, пытки я выходил на воздух. Прибывала теплая волна, этакий душевный подъем. Я свободен до следующего визита! Я под защитой от больших бед, от молоха! Огражден от произвола начальства и доносов братьев-сексотов, имя которым – легион! Целый месяц могу ненавидеть вас, даже анекдотец травить, поносить подслушивание телефонов и перлюстрацию писем. С меня стечет, как с гуся вода, мол, болтал, чтобы втереться в среду диссидентов.

АУРА (*с горячным восторгом*). Какая игра велась!

КУТЕПА. Какие ставки были!

АУРА. Карьера, достаток!

КУТЕПА. Душевное равновесие!

АУРА (*поднимает рюмку*). За утраченное прошлое!

КУТЕПА. За мир – театр, людей – актеров! А еще: мир – бардак, люди – бляди!

5.

(Высвечивается явочная квартира. АУРИКА и КОЛЯ КУТЕПА. Они в зимней одежде: меховой жилет, брюки в обтяжку, мохнатые сапожки. На нем куцее пальтишко, непомерный свитер, мятые брюки. Раздеваются, дуют в горсти.)

АУРИКА. С возвращением!

КОЛЯ. Спасибо!

АУРИКА. Ну, как зимний санаторий?

КОЛЯ. Недостроенный замок княгини Щербатовой. Недостроенный потому, что княгине наворожили: положишь последний камень – умрешь.

АУРИКА. Душа и тело отдыхали?

КОЛЯ. Если бы не помнилось о ваших напутствиях.

АУРИКА. И как контингент?

КОЛЯ. Ветераны сохи и подойника. Большерукие, согбенные, увечные. Привезли с собой ароматы фермы и тракторного стана. Дамы под стать кавалерам. Плюшевые курточки, кирзовые сапоги. В роскошном холле под пальмой собьются в комок и поют:

(Поет).

Хороша я, хороша,
Да плохо одета,
Никто замуж не берет
Девушку за это.

АУРИКА. Ба, да ты при голосе!

КОЛЯ *(продолжает свое)*. Механизаторы из тех, что не доживают до пенсии из-за перегрузок мышечных и сивушных. Один такой за моим столом все гнусавил да приставал к официантке. Та его урезонивала: «Я знаю, чего тебе надо. Сто граммов и кончить!»...

Экзотическая, но не подходящая среда.

АУРИКА. Неподходящей среды не бывает. Всякая среда для нас питательна.

КОЛЯ. Впитывал охи да вздохи. Разделял радости, мол, хоть перед смертью в раю побывали. Не надо вставать со вторыми петухами и тащиться на ферму в мороз да навоз. Никто не выматерит! Слава Богу! Единственный демарш – благодарили не партию, а Бога. Но это не переделаешь, не переможешь!

АУРИКА. Так-таки не на кого было глаз положить?

КОЛЯ. Набрел на одну на отшибе. Прическа с фиолетовым отливом, голубое, в пупырышках, пальтецо. Сидела на корточках у пихты и мизинцем чертила семь цифр на свежем насте. Свой городской телефон.

АУРИКА. Оттачиваем наблюдательность?

КОЛЯ. Вашими стараниями.

АУРИКА. Познакомились?

КОЛЯ. Куда денешься! Санаторий ведь.

АУРИКА. Интересна?

КОЛЯ. Врачиха. Заведующая отделением даже – в свои неполные тридцать три года.

АУРИКА. Подробности?

КОЛЯ *(принужденно)*. Долго скрывала, что разводная. Ушла от молодого отставника, пьяницы и импотента. Растит дочь, пятиклассницу.

АУРИКА. Мнения?

КОЛЯ. Об офицерах – самые невыгодные: бездельники, бражники, бабники. Старшины – несунуны, рядовые – вызывают сострадание...

АУРИКА. Детали?

КОЛЯ. Интимные, что ли?

АУРИКА. Если ничего не лежит на поверхности, перетряхни простынки.

КОЛЯ. Непривычная сфера для меня...

АУРИКА. Тем острее впечатления.

КОЛЯ. Сделали первое признание и – прорвало. Пошла за мною в номер. Опрокинула на меня море девичьей и, вместе с тем, материнской нежности. «Я знала, что мое от меня не уйдет! Не насовсем – на такое счастье я не покушаюсь! Не надолго, но мое!»

АУРИКА. Гражданка явно долго постилась.

КОЛЯ *(глубоко)*. А каково было мне? Забывшему свое мужское звание, смирившемуся с ролью старого холостяка?! Мне, мимо которого женщины проходят, как мимо телеграфного столба?!

АУРИКА. О своих переживаниях как-нибудь на досуге. Их в дело не впишешь. Поступки, реплики.

КОЛЯ. Что за поступки, что за реплики в подобных ситуациях?!

АУРИКА. Самые сокровенные. В экстазе женщину тянет к исповеди.

КОЛЯ. Да?

АУРИКА. Да!

КОЛЯ. У вас тоже изучают психологию?

АУРИКА. Кока! Не корч из себя целочку.

КОЛЯ. Однако я не поп, она не прихожанка...

АУРИКА. По ситуации ты был архиереем. Потому – не лги. И без комплексов.

Расслабься! (*АУРИКА подсовывает бумагу. КОЛЯ садится к столу.*) Улов у тебя небогатый. Однако! Здесь должно быть что-то написано. И не пустяшное. Не принуждай меня повторяться.

КОЛЯ. Не пустяшного не было. Заурядное курортное знакомство. Адюльтерчик.

Переигравшие страсти.

АУРИКА. Были свидания, были прощания...

КОЛЯ (*холодея*). Прощание? Стоим за спиной моего автобуса. Она в метре... Жар чую...

Говорит – стрелы мечет. «Боже, как заурядно стоим! А через месяц, через год и десять лет спустя, у себя в Киеве, в темной спальне или на тихом дежурстве – чего бы я не отдала, чтобы вот так выйти на мороз и постоять... в метре от тебя!» На ресницах застывали капли...

АУРИКА. Это прощание. А прогулки до того?

КОЛЯ. Вы пронизательны... относительно исповеди. Вечерами она вела меня к заколоченной церквушке.

АУРИКА. Это уже теплее, теплее.

КОЛЯ. В треснувших витражах отблески фонарей, как лампы...

АУРИКА. И что она говорила на паперти?

КОЛЯ. Я могу хранить хотя бы чужую тайну?

АУРИКА. Говорилось тебе, значит, тайна – твоя. А твоя, в равной степени, – моя.

КОЛЯ. Говорила о длительной болезни дочери... самое сокровенное. О бессилии вашей... нашей медицины. О том, что спасло дочь только крещение.

АУРИКА. Горячо!

КОЛЯ. В семилетнем возрасте свезли дочку в глухое село, на дом к священнику. Дитя стало выздоравливать прямо в купели. Измученная и воспрянувшая духом мать сама подставила свой лоб под мирро и окропление... Сокровенное...

АУРИКА (*с победной иронией*). Зав отделением! Коммунистка! Имя?

КОЛЯ. Матери?

АУРИКА. Дочери партия не предоставляла работу в столице. И не давала жилье.

(*Пауза.*)

КОЛЯ. Это была моя первая женщина. Алла Константиновна Косенко.

АУРИКА. Семизначный телефон запомнил?

(*КОЛЯ заторможено шарит по карманам.*)

Запоминают не карманами.

КОЛЯ. Запомнил.

АУРИКА. Принимайся за перо.

КОЛЯ. Достойно ли все это вашего внимания?

АУРИКА. Не «вашего», а «нашего»: с паршивой овцы хоть шерсти клок.

(*КОЛЯ поправляет бумагу, вертит авторучку.*)

КОЛЯ. Можно начать нестандартно? «С чувством признательности за любовь женщины... источник сообщает»...

АУРИКА (*глянув на часы*). Не паясничай!

КОЛЯ. На подходе следующий рыцарь?

АУРИКА. Не выпрыгивай из рамок!

(*Пауза.*)

КОЛЯ. Не склеится у меня.

(Пауза.)

АУРИКА. Я продиктую.

КОЛЯ Это была моя первая женщина. Я тыкался в нее, как кутенок в чрево матери... Она меня наставляла...

АУРИКА. Видно, судьба такая, чтобы тебя наставляли женщины. И все же отбросим сопутствующие моменты.

КОЛЯ. Она знает, что я единственный, кто посвящен в тайну ее крещения.

АУРИКА. Я, кажется, повторяюсь, но... Тайна – это когда знает один. Знают двое – это уже гласность.

КОЛЯ. Узнают в ее лечебнице – узнают и в моей конторе. Я засвечусь.

АУРИКА. Слишком далеко заглядываешь. Это наша забота.

КОЛЯ. Я не смогу быть вам полезным.

АУРИКА. Не тебе судить.

(Пауза.)

КОЛЯ. Вас не подташнивает?..

АУРИКА. Не меня должно подташнивать... А тебя!

КОЛЯ. Разумеется... И не теперь... А значительно раньше. Вначале.

6.

(Снова гостиная. АУРА и КУТЕПА с рюмками в руках).

АУРА. Что же ты остановился?

КУТЕПА. Боюсь перебора.

АУРА. Наблюдаются рецидивы?

КУТЕПА. Кататоником стал.

(КУТЕПА демонстрирует подергивание мышц лица. Смеются оба.)

АУРА. Наговариваешь на себя.

КУТЕПА. Случается.

АУРА *(поднимает рюмку)*. Однако – за прошлое!

КУТЕПА *(горько)*. За реку, имевшую прочные берега, за легенду, удерживавшую в узде поколения!

(Пауза. АУРА оставляет коньяк, уходит из-за стола.)

АУРА. Теперь ты можешь говорить все, что думаешь... А я тебе скажу то, что я знаю. У нас была страна вольнодумцев. И чтобы им, всем скопом, не дать разложить нашу систему, мы разлагали их – каждого в отдельности. Слежка, подслушивание и перлюстрация, армия сексотов – это инструмент, внешний атрибут дела. Мы все такое держали в такой тайне, чтобы про нее знал всякий и каждый, да побольше, да с плюси́ком. Знал и боялся. А вот того, чем мы занимались не понарошку, не постигали даже многие наши высшие чины. Исполнители и подавно. Почти каждого способного мыслить мы поддавливали на мелком проступке – кто в миру не грешен! – припугивали одного, задабривали другого и привлекали к неблагоприятному сотрудничеству. Он выслуживался, капая на ближнего, оставляя материальные следы. А рыльце его тем временем покрывалось пушком, сердечко наживало нравственный, а порой и физический порок. Мы так хранили тайну его бытия, что она становилась явью. Он исподволь понимал это. И то, что он падал в глазах окружающих, – не главное. Нам бы еще десять лет – и не было бы глаз, в которых можно было бы упасть! Главное – его падение в собственных глазах! Заповеди исхода живут в каждом мимо его воли. И каждого мы приводили к их предательству. К осознанию, что он подлец, мразь, пешка в чужих руках. Что без пакостей ему не прожить, не прокормиться. Доводили особь до этаконной кондиции и – в накопитель. И жили. И даже теперь, когда черт знает откуда и по чьему мановению свалилась гласность и демократия, мы неприкасаемы. И при деле, и на покое. Нас не трогают, потому что трогать придется тронутым! Потому – пей со мной. И уважай, как уважал раньше!

(У АУРЫ дрожат руки. Едва выпив, она роняет рюмку.)

КУТЕПА. Если бы разбилась, было бы к счастью.

АУРА. Мне нельзя волноваться... Предлагают закодироваться...

КУТЕПА *(указывая на спиртное)*. От этого?

АУРА. От воспоминаний.

КУТЕПА. Не вспоминайте. Вы же на покое.

АУРА. Только вчера подала рапорт.

КУТЕПА. Что-то не догоняю. Да ладно.

АУРА. И не догонишь. Верь на слово.

КУТЕПА *(ньет)*. Поди, старший офицер?

АУРА. Полковник.

КУТЕПА. Начинаю пуще прежнего вас бояться.

АУРА *(расслабленно)*. Полковник, владелец хоромов в престижном районе и загородного имени... Полковник, от которого эмигрировали дети, отвернулись друзья семьи, которые, на поверку, оказались друзьями должности. И не моей, а мужа – генерала...

(АУРА по-бабьи всхлипывает.) Такой меня не видел? Теперь часто... Нет той самой узды... сняла портупею и – всего лишь баба.

КУТЕПА. Выходит, у меня лучше. Я ничего не имел, и терять нечего.

АУРА. Кроме одиночества.

КУТЕПА. Одиночество – великолепная вещь...

АУРА. ...если есть кто-нибудь, кому можно сказать, что одиночество – великолепная вещь... Начитаны.

КУТЕПА. Кроме того, я не одинок.

АУРА. Знаю.

КУТЕПА. Информация поступает по прежним каналам?

АУРА. Все по-прежнему. Вывески перекрашены, люди на местах...

КУТЕПА. Так отставка же!

АУРА. Свой круг. Даже в отставке остаемся при лямках. Вон секретарь облисполкома изгнан с треском, сидит дома. А начальнички станции и дистанции, банка и баньки, коммунхоза и колхоза – в свое время расставлены им. Теперь мы звоним отставному секретарю исполкома, он – начальничкам, и – все течет, все не изменяется...

(Пауза.)

КУТЕПА. И пенсия с выслугой?

АУРА. Законы писаны не про вас.

КУТЕПА. И благоприобретения неприкосновенны?

АУРА. Про меня мне все известно. Но как тебя угораздило жениться? В молодости обходился вручную, двадцать, даже десять лет назад – холостяк. И вдруг! Почему не вовремя?

КУТЕПА. Вовремя я не уважал себя. Если себя не любишь, кто же тебя полюбит?

АУРА. А теперь выпрямило?

КУТЕПА. Не заметно?

АУРА. Невооруженным глазом – не слишком. Те же застиранные воротнички, та же, скажем так, подтянутость в теле.

КУТЕПА. Земных благ на всех не хватает.

(Пауза.)

АУРА. Она, эта... твоя посвящена в извилины твоей биографии?

КУТЕПА. Не вникает. Принимает меня де-факто.

АУРА. Одноклеточная?

КУТЕПА *(осторожно)*. Я могу серьезно обидеться.

АУРА *(изумленно)*. Не буду.

КУТЕПА. У нее своего прошлого с избытком. Обихаживала, ублажала моряков между рейсами. Двадцать один раз надеялась и обманывалась. Ходила под выюками в Польшу-Турцию. Взятки давала инвалютой и натурой, аборт, жизнь по лжи... утратишь веру в добро...

АУРА *(с издевкой)*. Зато теперь!

КУТЕПА. Три года одна и та же фигура перед глазами. То с сумками с рынка, то в фартуке у газпечки.

АУРА *(с большей издевкой)*. И это то, что она искала всю жизнь!

КУТЕПА. По тихой радости – похоже.

АУРА. Она обихаживала моряков между рейсами, теперь ее обихаживаешь ты – на покое!

КУТЕПА. В этом мире сколько у человека отнимается, столько же ему и дается.

АУРА. Я знаю одного, у которого в этом мире отнимается и отнимается. И прозвище у него подходящее – Кутепа.

КУТЕПА. Мы же не о присутствующих.

АУРА *(горько)*. Кутепа – и дальше ходить некуда! Если когда-нибудь и вправду возьмутся восстанавливать справедливость, то начинать надо с Кутеп! *(Пересаживается на диван.)* Иди сюда. Садись рядом. *(КУТЕПА послушно подсаживается.)* Кока, ты

любишь свою жену?

КУТЕПА (*смущенно*). Можно вопрос так не ставить?

АУРА. Я понимаю, не слишком бон тон говорить с посторонними о супруге. Но мы не совсем посторонние. Она, видно, такая – вся из себя?!

КУТЕПА. Маленькая, болезненная, смирившаяся...

АУРА (*с нервом*). Тебя любит?

КУТЕПА. Я так вопрос не ставил...

АУРА. Со стороны не определишь. (*Зло.*) Кормишь, обхаживаешь ты! В постели она как?

КУТЕПА. Я привык к лишениям.

АУРА. И тут лишения!

КУТЕПА (*толково*). Ее отвратило задолго до меня. И потом, ей особенно нельзя: брюки через голову бросишь – беременна...

АУРА (*вскрикивает и отходит*). Схороните меня живой! Ни поесть, ни повеселиться, ни трахнуть! Смысл? Смысл жизни в чем?

КУТЕПА. Григорий Сковорода, Лев Толстой – не знали. Где уж нам!

(*АУРА хватает разные предметы, готова бросить в него.*)

АУРА. Ты дурак! И лжец! Ты корчишь из себя святошу! И дурочку нашел – верит. Две дурочки! Она и я. Уши у нас устроены – под лапшу! Врешь! Так не бывает. И таких не бывает! Нет таких колодок, на которых тачают Кутеп!! Столетия трудились, чтобы не было!

7.

(*Резко меняется освещение. Явочная квартира. АУРИКА в манящем платье, искуссительна. КОЛЯ КУТЕПА в мятom пиджачке. Он потрясен.*)

КОЛЯ. Се-сегодня вы пре-превосходите самое себя!

АУРИКА. И по весьма грустному поводу.

КОЛЯ. Не пугайте зря.

АУРИКА. Отнюдь. Сегодня наше последнее свидание.

КОЛЯ (*осевшим голосом*). У вас отпуск?

АУРИКА. У меня перевод по службе. С повышением.

(*Пауза.*)

КОЛЯ. Можно осмыслить?

АУРИКА. Наше дело не осмысливать, а исполнять.

(*Пауза.*)

КОЛЯ. Изменение в вашей штатной службе косвенным образом коснется моей нештатной?

АУРИКА. Прямо коснется. Прямо.

КОЛЯ (*осторожно*). У вас принято спрашивать согласия?

АУРИКА. У нас... согласие нижестоящих само собой разумеется.

КОЛЯ. Деликатно и понятно. Перемена в судьбе смерда не зависит от воли смерда.

(*Пауза.*)

АУРИКА. У тебя останется все то же. Только лицо через стол будет несколько другое.

КОЛЯ. Чувствительно другое... Хотя бы того же пола?

АУРИКА. Кутепа! Женщина в нашем деле – явление уникальное! Как на боевом корабле. Одиозное!

КОЛЯ. И только через волосатую руку.

АУРИКА (*кокетливо*). Женщин посылают только к редким везунчикам.

(*Пауза.*)

КОЛЯ. Женщина ли, мужчина ли – был бы человек хороший...

АУРИКА (*морщась*). Миша-газовик. Сорок два года, а он все в старлеях ходит.

КОЛЯ. В миру полагают, что деградирует только армия.

АУРИКА. Мы пытаемся не отставать.

(Пауза.)

КОЛЯ. Итак, в городе будем видаться редко, случайно и только шапочно?

АУРИКА. И шапочно не удастся.

КОЛЯ. Не по артикулу? Или конный пешему не товарищ?

АУРИКА. Мой перевод семейный. И связан с выездом.

КОЛЯ. Не черненьким ли в помощь?

АУРИКА. Напротив, к весьма белым. Однако прерогатива задавать вопросы до сегодня принадлежала не тебе.

КОЛЯ. Случай ведь – из ряда вон...

АУРИКА. Из ряда вон. Но у нас времени только на организационный вопрос.

КОЛЯ. На подходе старший лейтенант Миша, сорока двух лет от роду, пьяница?

АУРИКА. У старшего лейтенанта Миши другая явочная квартира. Туда я тебя завтра передам. Сегодня – последние слова тет-а-тет. Все-таки неполных четыре года...

КОЛЯ. Тронут. Не предвидел, пришел без флакона. На посошок бы, на удачу в вашем кропотливом деле.

АУРИКА. В «нашем кропотливом деле»! В нашем! *(Достает из бара коньяк.)*

Предусмотрено не нами.

КОЛЯ. Армянский? Чувствую себя выделенным судьбой. Для вас не крепок будет?

(АУРИКА достает одну рюмку.)

АУРИКА. А для тебя?

КОЛЯ. Простите, я упустил из виду, что вы на работе.

АУРИКА. Наша работа порой открывает широкие возможности. *(Наливает ему, подает.*

Он, вздохнув, берет.) Ну-ну, покажи себя в деле.

КОЛЯ. Оставайтесь всегда такой...

АУРИКА. Ты – тоже.

(Он пьет. Пауза. Она подносит вторую. Он пьет.)

КОЛЯ. «Боже, как заурядно стоим! А через месяц, через год и десять лет, в темной спальне или на тихом дежурстве – чего бы я не отдал, чтобы вот так постоять... в метре...»

АУРИКА. Ты способен ждать?

(Пауза. КОЛЯ КУТЕПА холодеет.)

КОЛЯ. Так ждать, чтоб даже память вымерла,

Чтоб был непроходимым день,

Чтоб умирать при милом имени

И догонять чужую тень,

Чтоб пальцы невзначай не хрустнули,

Чтоб вздох и тот зажать в руке,

Чтоб даже мертвым я почувствовал

Твое дыханье на щеке...

(Пауза.)

АУРИКА. Принимаю как прощальный адрес.

КОЛЯ. Простите, если и это не моя прерогатива.

АУРИКА. Чего там! В рифму. Только не хотелось бы, чтобы все это так, запросто.

Сегодня услышал, сегодня и ляпнул...

КОЛЯ. Услышал не сегодня, а ляпы вообще не в моих правилах. Выношено. Почти четыре года... всякий звонок... всегда жуткий для меня, потому что из чуждой жизни и вместе с тем – от вас... Потому, что вы – в той жизни. Я был раздвоен, растроен, расчленен, распят! Шел черт его знает с чем, черт его знает на что шел... За свидание с вами платил отступничеством... Угрызения совести не унимались... Оправдание чувством к вам уже не помогало... Потерян – и все тут...

(Пауза.)

АУРИКА. А ты не совсем обычный парень. В какую грязь тебя ни сунь, ты и там смотришься не до доньшка в дерьме. И страхи твои с оговорками, и отступничество, как у Юлиана Мережковского: «Отчего такая грусть в природе? Чем она прекраснее, тем грустнее.»

(Она наполняет рюмку, протягивает ему.)

КОЛЯ. С барского плеча – соглядатаю за выслугу.

(С вызовом пьет.)

АУРИКА. Тебе не повезло. Обычно такие тихони трудно раскалываются. А тебя занесло. И не потребовалось чрезвычайных мер. Ни насилия, ни обольщения... Когда от меня потребовали тебя, я приготовилась к самому крайнему... И к уступкам... Ты допустил промаху.

КОЛЯ. Я промахиваюсь, даже когда попадаю.

АУРИКА. *(Медленно наполняет рюмку. Пьет сама.)* Наверное, было бы справедливо, если бы ты свою долю получил. *(Пауза.)* Но мне трудно переступить через себя. *(Пауза.)* Мы кормимся от стукачей... но презираем их до тошноты. *(Как бы безотносительно к разговору распускает пояс на тонком платье.)* Особенное омерзение вызывают рьяные, те, что на повешение бегут со своей веревкой... Ты скорее строптивый. Раздвоен, расстроен, распят, но себя оказываешь. Ты – странный. *(Едва заметным движением снимает туфли.)* Твой растоптанный гонор вызывает чувство вины даже у меня. *(Она распускает волосы, собирает в пучок. КОЛЯ КУТЕПА медленно приближается. На полдороги останавливается. Приближается почти вплотную. Она оборачивается, изучающе смотрит, взвешивает, отворачивается.)* Через час вечеринка по случаю присвоения супругу генеральского звания... и перевода на первую должность... к белым. *(Пауза.)* Я должна переодеться. Званный ужин... и все такое.

КОЛЯ. Ради Бога!..

(В сноп света АУРИКА изгаляется над чувствами мужчины. Раздевается. КОЛЯ смотрит. В груди бьются рыдания. Голая, она идет к нему. Он падает без чувств. Темно. Высвечивается гостиная.)

8.

АУРА. Твой брак зарегистрирован?

КУТЕПА. Нет.

АУРА. Ты можешь оставить свою... жену?

КУТЕПА. Ее оставляли двадцать один раз. Двадцать два – будет перебор.

АУРА. Она способна на истерику?

КУТЕПА. Она спросит: за что?

АУРА. Ты слишком чуток к словам.

КУТЕПА. Это другие – не чулки к словам.

АУРА. А ты не думаешь, что такой вопрос не придет ей в голову?

КУТЕПА. Достаточно того, что такой вопрос пришел мне в голову.

АУРА. Ты стал несколько другим...

КУТЕПА. Седым, подержанным...

АУРА. И все же остался прежним...

КУТЕПА. ...прибитым пыльным мешком. Из-за угла.

АУРА. Я бы с тобой очень дружила.

КУТЕПА. Спасибо.

АУРА. И только?

КУТЕПА. Большое спасибо!

АУРА. И все?

КУТЕПА. А что я могу еще?

(Пауза.)

АУРА. Ты можешь помочь мне... восстановить справедливость.

(Пауза.)

КУТЕПА. Справедливость надо застать в миру при рождении. Поручить ее несложно, восстановить справедливость еще никому не удавалось.

АУРА. Мне удастся! *(горячо)* По отношению к тебе, во всяком случае.

КУТЕПА. Я не избалован особым отношением. И избегаю его.

АУРА *(зажигается больше)*. Ты только не мешай мне. У меня превосходная идея. А у тебя – широкий выбор! *(Выбегает на середину гостиной.)* Не покидая этих стен, ты из гостя превращаешься в совладельца. Подписываем контракт – это теперь принято – и заверяем у нотариуса.

КУТЕПА *(принимая за шутку)*. Скоро и споро!

(АУРА шагает по гостиной, как бы меряя.)

АУРА. Гостиная – пополам!

КУТЕПА *(подыгрывая затее)*. И ковры, и бар, и люстра!

(АУРА скрывается в левой двери.)

АУРА *(из глубины)*. Столовая!..

КУТЕПА *(вслед ей)*. С югославской печкой, микроволновкой, с румынской кухней...

АУРА *(появляясь, с азартом)*. Печка микроволновая есть. А кухня – буковинская, персональный заказ! На двоих! *(Скрывается в правой двери. Из глубины.)* Спальня!..

КУТЕПА. С дубовой кроватью под пологом, с фарфоровым ночником...

АУРА *(из глубины)*. С двумя ночниками, электромассажером, шведской стенкой...

КУТЕПА. С Шахерезадой и тысяча одной ночью!

АУРА *(появляется, запыхавшись)*. И еще много с чем – на двоих! *(Скрывается в средней двери.)* Кабинет генерала!

КУТЕПА. Со столом-стадионом!

АУРА *(из глубины)*. Гардероб!..

КУТЕПА. С мундирами, эполетами, лампасами, именным оружием и секретными телефонами...

АУРА. ...«панасониками», «ремингтонами», мобилками – со всей начинкой!

(Выскакивает, почти ликуя.)

КУТЕПА (*переигрывая*). Ванные?

АУРА. По одной на душу!

КУТЕПА. Взносы в семейный бюджет?

АУРА. Оговорим в контракте даже карманные расходы! (*Пауза.*) Ладно?

КУТЕПА. Ладно, только нескладно.

АУРА. Два вопросительных знака?

КУТЕПА (*самоиронично*). Представляю себя в мундире и при чужих регалиях. Ушивать придется... И в апартаментах! Не вид, а стыд!

АУРА. Смешно?

КУТЕПА. Скорее грустно. (*Замирают друг против друга.*) Ненавидел, боялся... сломили, подмяли... служил худшему из пороков. Замаран до последнего своего дня... И вдруг – воздаяние. Из тех же рук... Надо переступить через себя... (*Пауза.*) Мало вам комфорта и пряностей? Для услаждения души вам подай мученика! Да такого, чтобы чувствовал! (*Пауза.*)

АУРА (*с упреком и болью*). Кутепа!..

КУТЕПА. Молчу, молчу...

(*Пауза.*)

АУРА. Да нет, говори. (*Пауза.*) Я могу сказать побольнее... Мое... (*Лихорадочно*) Днем еще куда ни шло: коньяк, книжки, на стреме у дверного глазка и телефона... из окна мятые фигуры, из-за гардины... Но приходит ночь. Сна ни в одном глазу. Шорохи полтергейсов из темных углов, шаги командора за двойной дверью, гоголевский гроб под потолком... Эти хоромы видятся склепом, кофе цикуттой, ядовитым вехом, всякая мысль – последней... Мокрое полотенце, пилюли, пилюли... медитация. Пока шепчу мантру, дышать еще можно, кончаю – исчезает воздух. Когда позволяла себе выходить наружу – сдавала анализы – норма. Теперь не ищу врачей, они меня ищут. Хотят закодировать. Не от дрожи в конечностях, не от спиртного и курения... От самое себя. А разве такое возможно? От смерти мужа, которого убрали свои?.. От бегства детей за тридевять земель... бегства от нас... от меня?! (*Пауза.*) Кока, я никому не открываю. Боюсь снять трубку. Я слишком знаю, на что способны соратники и выученики моего покойного... (*Пауза.*) Одна надежда, что все возвращается на круги своя... Почитываю, слушаю продажное радио...

(*Кутепа робеет, отступает, цепляет пылесос.*)

КУТЕПА. Простите, неуклюжий...

АУРА. Думаешь, я и вправду сегодня собиралась пылесосить? Сто лет и три года пылесос валяется здесь. (*Пауза.*) Кока, ты не торопиться?

КУТЕПА. Не знаю... Пора и честь знать...

АУРА. Ты помнишь?.. У тебя роскошная память... я знаю... Помнишь все... Вот фотографии... Такую меня, да?.. И все прошлое?.. Ты придешь... Ты знаешь, ничего не исчезает насовсем... Мы еще пригодимся... И вы, законопослушные, робкие... Ты придешь?

КУТЕПА (*отступая*). Выберу время... отчего же...

(*В облике АУРЫ что-то меняется. Она – в прошлом.*)

АУРА. В понедельник. В двадцать, ноль-ноль. (*Лихо-радостно.*) Два длинных звонка и короткий, потом снова длинный. И встань так, чтобы я видела лицо. В глазок. Понял? Ты понятливый... (*В спешке.*) Повтори!

КУТЕПА. В понедельник. В двадцать, ноль-ноль...

АУРА (*подсказывает*). Два дли...

КУТЕПА (*перенимая ее дрожь и поспешность*). Два длинных звонка, один короткий и снова длинный...

АУРА. И постоять в двух метрах...

КУТЕПА. ...так, чтобы видно было мое лицо.

(*Пауза. АУРА берет КУТЕПУ за плечи.*)

АУРА (*в трансе*). Кутепа... Коля... Кока... лучше, чтобы ты догадался без наводящих... да? да?

КУТЕПА (*поддаваясь ее состоянию*). У нас все так давно и сложно...

АУРА. Но ты понимаешь... дружище... друг... дружок...

КУТЕПА. В общем-то... прийти...

АУРА. ...не с пустыми руками... вернее, не пустой... как было тридцать лет назад...

(*Пауза. В отчаянии АУРА целует КУТЕПУ.*)

...все будет, как было... как было и по-другому... Понедельник, двадцать ноль-ноль, в двух метрах от дверного глазка...

(*АУРА молниеносно заглядывает в глазок, открывает замки, толкает дверь, обнимая, выставляет за порог КУТЕПУ, запирает замки. Вздыхает, потирает руки, марширует по гостиной. Ликуя, поет.*)

Эй, музыканты, сил не жалейте,
Радость до края в сердце налейте!
Пусть подпоет нам старый наш маршал,
Он ведь ровесник старого марша!
Там-тар-там-тара-ра-ра-ра-ра-там!
Там-тар-ра-ра-ра-ра-ра-там!!

Темно

Быль вторая "Компенсация"

(десять лет спустя)

(*Кабинет начальника СБУ. Лавр Нарцисович оглаживает на себе генеральский мундир, украдкой заглядывает в зеркало. Стук в дверь, генерал прячет зеркало в стол, делает руководящее лицо. Входит Алина.*)

АЛИНА. Лавр Нарцисович... (*Окидывает начальника взглядом. Лъстиво*). Как к лицу вам генеральские погоны!

ЛАВР. Повышение всем к лицу.

АЛИНА. Отныне вы – господин генерал.

ЛАВР. Привычней звучало – товарищ генерал.

АЛИНА. И мундир столичный, от кутюрье!

ЛАВР. Алина, на сегодня амикошонства достаточно.

АЛИНА. Виновата.

ЛАВР. То-то. Ты с чем вошла?

АЛИНА. В который раз к вам просится некий Николай, кажется, Фомич. Кутепа.

ЛАВР. Фамилию ты мне называла. Кутепа, культяпый или куцый, но неумный! Даже увидеть захотелось. Что он из себя представляет?

АЛИНА. Коренной обыватель, три вершка от горшка, с виду запущенный, но по нашим коридорам шастает уверенно. Можно предположить...

ЛАВР. Для предположений в службе безопасности есть другие люди. Ты, Алина, иди в приемную и... разреши войти этому коренному и короткому.

АЛИНА. Кутепе. Николаю Фомичу, что ли?

ЛАВР. Предупреди – четырнадцать минут.

(Алина уходит. Лавр углубляется в бумаги. Ватными ногами переступает порог невзрачный, убого одетый мужичок. Ему за шестьдесят лет, в руке он держит лист бумаги).

КУТЕПА *(Нервничает, перевозмозгает робость, сипло кашляет, едва начинает говорить)*. Здравия желаю, господин полковник!... *(Осекается)* О, тут уже – господин генерал. Как торопится наша жизнь! Ладно, поздравляю с повышением в звании – вас или вашу должность, господин генерал!

ЛАВР. Привычней – товарищ генерал. У вас четырнадцать минут. Слушаю.

КУТЕПА. Понятненько. Я телеграфным стилем. Нужно ваше вмешательство. Я хочу получить компенсацию за моральные издержки... впрочем, материальные тоже.

ЛАВР. Я новый человек за этим столом. Напомните, в каком звании вы служили?

КУТЕПА. Я – человек без звания. Вообще.

ЛАВР. Но из нашего штата?

КУТЕПА. Нештатный.

ЛАВР. Поясните.

КУТЕПА. Я – бывший сексот, секретный сотрудник. Стукач... соглядатай с двадцатилетним стажем. Но это – двадцать один год назад...

(Лавр округлил глаза. Кутепе снисходительно улыбнулся).

ЛАВР. Сверх ожидания!

КУТЕПА. В наше время многое «сверх». А ожидать следовало. Целая армия нашего брата остается без работы. Я вот – и тогда, при старой власти, двадцать лет, и теперь вот, при вашей, извините, власти – двадцать лет... Врагу не пожелаешь жить в годы перемен.

ЛАВР. Повторите ваши претензии.

КУТЕПА. Я требую возмещения моральных и материальных издержек из-за двадцатилетнего подлого служения компетентным органам... Потом из-за двадцатилетнего общего и публичного презрения... и безработицы..

ЛАВР. На моем веку подобных исков не случалось...

КУТЕПА. Наш городской отдел образования никогда ни одному человеку, окончившему университет в столице и приехавшему к нам работать... повторяю, никогда не выплачивал подъемных денег и суммы, потраченной на переезд. А мой молодой сосед добился, да не только для себя, но и для своих чад и для супруги. Стучи и тебе откроют, гласит Святое писание. Сосед дерзнул и выиграл. Я подумал, а что я – с чем черт не шутит!

ЛАВР. Да, Святое писание в наши дни гласит все громче. Только его глас вряд ли касается закоренелых грешников, вроде нас с вами.

КУТЕПА. Намек понятен. Однако раскаявшийся грешник дорогого стоит. Цитата оттуда же, главу и стих запомнил.

ЛАВР *(едва сдерживает смехок)*. И как дорого оценил вы свой подметный труд, мой почтенный книжник?

КУТЕПА. Вот выкладки. *(Кладет бумагу на стол)*. Подсчитано с калькулятором и квалифицированными консультантами.

(Лавр не берет бумагу, Кутепе пододвигает ее к нему ближе).

Лавр Нарцисович, из отпущенных мне четырнадцати минут осталось десять. Не успеете прочесть, я ведь приду еще и еще, мне разум не помеха. Про меня хозяйка моей ночлежки говорит: «В детстве был глуп по возрасту, в юности – гормоны играли, в зрелости прикидывался, дураку у нас легче прокормиться, а в старости – сам бог велел...».

(И рассыпчатый смех с затяжным кашлем).

ЛАВР. Убедительно. Верю: придете и во второй и в третий раз. Но с третьим приходом весь город заметит: тут не просто. Узнает, что вы стучали двадцать лет, закладывали порядочных людей и получали по сорока рублей за пакость. Многие требуют люстрации!

КУТЕПА. О, если бы я получал по сорока рублей за пакость, я бы сотворил для себя пенсионный фонд и на кой леший вы мне теперь понадобились бы! А то было пакостишь-пакостишь, да все озираешься, как медведь в цирке за ломтиком сахара, а ваш брат – в кои веки кинет на бедность.

ЛАВР. Вы же где-то работали?

КУТЕПА. Работал, пока в коллектив не просочилось, мол, Кока наш бегаёт по явочным квартирам, якшается с компетентными органами. После этого я, как выражаются классики, был окружен стеной презрения. Гнушались меня даже те, кто сам стучал, но пока еще не разоблачен. Пришлось уволиться. *(Сипло кашляет)*. Да, потом долго ходил в поисках другой работы, только недобрые слухи обгоняли меня. Никуда не брали. До независимости, пока ваша контора еще служила пугалом, я мог перебиваться случайным заработком. А в последние двадцать лет – бомжил. Стеклотара, мусорные баки, что почище, кошачьи крынки у подъездов, отбросы на свалках, снисходительные хозяйки... На сегодня старухи-хозяйки со своих пенсий, пожалуй, и себя не прокормят. Бомжат рядом со мной.

ЛАВР *(вздыхает, смотрит на часы)*. И впрямь остается три минуты. *(Бегло просматривает бумагу гостя)*. Грамотно составлено. Кто автор?

КУТЕПА. Ваш покорный слуга. Педагогический институт, потом университет с отличием. Кстати, одного моего сокурсника блат и круговая порука как-то сразу устроили к вам в штат. Платили здорово, на костюм, обувь и пальто давали отдельные тугрики, вместо мундира, значит. Рос в званиях. Теперь почти с вас, то есть, не генерал, но полковник, только уже в отставке. Тот же блат и порука помогли несчастному перебраться в Москву. Во! А у меня не было волосатой руки, я думал сам, через верную службу вне штата, пробьюсь. Самого себя сотворить не сумел, не повезло..

ЛАВР *(просматривая лист)*. Неполный год постоянной работы в школе... Что же компенсировать? Сон до полудня, вечерние прогулки на свежем воздухе, вольницу? Тунеядство? Хочу – хожу, хочу – сижу, хочу – лежу?

КУТЕПА *(произносит так, чтобы намекнуть на возжелания)*. Хожу – хочу, сижу – хочу, лежу – хочу! *(Противно хихикает)*. Это если взять мою голодающую физику. Только не забудем, что во всяком, даже запущенном теле теплится душа, и она тоже чего-то хочет. И чего-то сильно не хочет. Больше всего не хотела душа служить вам, видеть-слышать о вас даже в кошмарном сне. Не хотел и – служил. Я опрометью, в угаре чувств втиснулся к вашим, а уж вы запугали простака, приобщили к темным деяниям и не выпускали из когтей. Помните, про ястреба и голубя. Чем упорней сизарь трепыхается, чтобы вырваться из лап хищника, тем глубже когти входят в его плоть. И я жил, как сомнамбула. Хотел – чего я больше всего хотел? Собственно, желания были уже не мои. Вы поставили меня в стойку, как гончего на тетерева. Я стал хотеть – чего прикажете: наткнуться на дурака, который поносил бы вашу власть, выдал бы гласно или в поступке что-нибудь эдакое, пригодное для вашей прожорливой мельницы. Чего я хочу, когда сижу или лежу. Да хочу, чтобы вы почтили во бозе все в одну ночь. Какая экономия была бы для страны! И только об этом думал и думаю. Стоило ли мне, бедному студенту, пять лет зубрить любомудрие и приобщаться к словесным шедеврам? Надо ли было тратить семестры в аудиториях и библиотеках, чтобы потом годы и годы серым волком рыскать по городу и собирать гнусный материал для вас? Вы же требуете приходиться к вам не с пустыми руками, при том приходиться регулярно – раз, а лучше, два раза в месяц. У вас там планы по вербовке стукачей, по количеству доносов... Кто из вас больше накопит, тот дальше пойдет чинами и валютой. А чего мне стоило при свете дня пробираться на явочную квартиру! Вы меняли адреса, потом меняли оперативников, передавали меня из рук в руки, как проститутку по вызову... Но как бы вы не ухищрялись, соседи знали, что я

– стукач, пакостник, мразь. И, хуже, я знал, что они знают. Да и вы не слишком держали меня инкогнито. Вам надо было, чтобы я чувствовал себя испачканным, изгоем, ни на что другое не годным, только подпитывать вашу машину и вас, с вашими роскошными зарплатами, любовницами на тех же явочных квартирах, с вашим полицейским государством.

(Кутепа задыхается, сочно кашляет. Лавр, в пику ему, вдруг хохотнул).

ЛАВР. Красиво. Прямо монолог под занавес. Подать воды?

(Лавр подает стакан).

КУТЕПА. Лучше бы чего покрепче...

ЛАВР. И это можно.

(Достает из сейфа бутылку коньяку, наливает. Кутепа пьет).

КУТЕПА. Так бы сразу... *(Указывает себе на грудь).* Вот тут полегчало.

ЛАВР. Значит, бывало и легче? Я попутно подсчитал, что вы прожили на двадцать тысяч часов больше любого своего сверстника.

КУТЕПА. С ума сойти! Это только ваша контора способна на такую бухгалтерию...

ЛАВР. Отнюдь. Всякий шахтер, фермер, учитель, да и наш, как вы полагаете, хорошо оплачиваемый паразит по восьми часов каждый буден окунается в рабочую ауру – видит только штрек, ниву, аудиторию, вашего брата, стукача. Мир каждого профессионала узок, интересы однозначны, только то, чему обучен и что от него требуют – автоматизм...

Каждый из нас духовно как бы спит еще восемь рабочих часов... в продление тех восьми часов, которые рекомендуют нам врачи для ночного сна, повторно. А вы, отослав треть суток, потратив еще столько же на туалет, семью, иные мелкие заботы и развлечения... получаете еще сорок часов каждую неделю для познания мира, для наблюдений, размышлений. Свободный человек, Сократ, Диоген, Монтень!

КУТЕПА. Это в наше то время – сократить, диогенить да монтенить? Да слухами, радио, телевидением, вашей благословенной опекой в тощий череп смерда за эти даровые часы вливается столько мути, лжи, мерзости, что без видимых причин в течение года-двух становишься шизиком. Врагу не пожелаешь – быть свободным в нашей свободной стране... Вы хоть поняли, что я сказал?

ЛАВР. Понятное очень трудно объяснить.

КУТЕПА. То-то, ваше превосходительство. Известно, генералы – народ недушевленный.

ЛАВР. Ну-ну, вы хоть и гость, но прошу вас, не переступайте черту.

КУТЕПА. Виноват, товарищ-господин генерал.

ЛАВР. Все-таки вы выжили, значит, и у вас были счастливые минуты. А?

КУТЕПА. О, бывали минуты блаженства, только этого не поймет тот, кто не побывал в моей шкуре. Это тоже рецидив шизо или зомби... Я даже возвышался душой, слезы застилали мои слабые глаза. Слезы извращенного счастья.

ЛАВР. Да?!

КУТЕПА. Эти минуты я вспоминаю... больше ведь ничегошеньки светлого не случилось во все мои шестьдесят лет. Я недавно даже рассказал... одной... Боюсь, теперь буду рассказывать встречному и поперечному. Парадокс ведь, коллизия. Радости совка...

ЛАВР. Ну-ну?..

КУТЕПА. Это бывало всегда, когда вы заканчивали экзекуцию на явочной квартире. А я завершал донос: «Источник сообщает, что такой-то, такая-то, в кругу друзей»... И вот когда вы меня отпускали, когда я оказывался на улице, а лучше – в сквере, подальше от людей, я шел... нет, я земли не касался, парил... Я дышал полной грудью, ликовал...

ЛАВР. Поясните.

КУТЕПА. Да я был счастлив, что отныне и целый месяц, в худшем случае – две недели вы меня не вызовите.... Вернее, мне не надо вам звонить, не придется созерцать ваши отборные, холенные, лепные, безжизненные рожи! Я мог пожить среди людей... Но счастье было мимолетно. Я спохватывался – ведь с завтрашнего же дня надо искать,

добывать, воровать, сочинять для вас новый и новый материал, подлее и мерзче прежнего. Я человек обязательный, и вы на этом играли: подай всякий раз новое и весомое.

ЛАВР. И за эти земные радости вы теперь требуете компенсацию? Вы хорошенько подумали?

КУТЕПА. Подумал. Жизнь ведь поменялась. Старые вольнодумцы требуют люстрации. То есть разоблачения. Я иду дальше – саморазоблачение. Впрочем, мне разоблачаться не надо, я вот он – весь на виду. И я пришел к выводу, что мои грехи куда меньше ваших.

ЛАВР. Да?

КУТЕПА. Да.

ЛАВР. Но вы излагаете уже перипетии, а ведь была завязка. Вас в самом начале ваших злоключений никто не склонял к сотрудничеству. Что вас привело, как вы выражаетесь, под жернова этой, гм.. хм... мельницы?

КУТЕПА. Я влюбился в одну из ваших... все бы уступил ради нее. Но совесть зазрила....

И тут меня шибанула философия разврата. В жизни, как и в искусстве, вся сила души – жива в этике. И вот этика пала. Лицемерие, блядство, коррупция накрыли град и веси, как цунами. В этой юдоли я со своим просвещением и нравственностью оказался не нужен. Этакая белая ворона, помеха и в малой и в большой стае. Но мне перед лицом женщины хотелось быть кем-то! А тут мой, уже упомянутый однокашник, выдвигался на вашем поприще. Носил дарованный костюм, специально, по нему сшитый, получал зарплату... да, да – тройную зарплату школьного учителя. Когда-то, на Руси, первыми людьми были учитель, священник и лекарь. Теперь же в цене соглядатаи. А просветители, лекари души и тела превратились в бомжей... И виноваты в этом власти предержажшие, потому что при власти встали невежды и насильники духа. Я их ненавижу. А мой однокашник исподволь внушил мне, что единственный отряд борцов против засилья в стране бандитов есть ваша банда. Он убедил меня капать ему на подлых чинуш. Я простак, я не подозревал, что коллеге срочно нужны нештатные кадры, он всего лишь оперативник и быстро-быстро хочет выслужиться в чины. Я пошел за ним, не подозревая, что там, в нашей уютной явочной квартире, у него бывают еще пять или десять агентов... Хуже, что начав с подлых чиновников, я незаметно для себя, был наведен коллегой на обывателей, потом на непричастных. В жажде выслужиться, по недомыслию я как-то заложил праведника, без которого и граду несть стояния. И – обратной дорги мне не было... И я уже стучал не только на мерзавцев!.. Впрочем, может быть, все было и не так. У меня есть еще и еще одно, два объяснения моего падения. Это ведь ерунда, что для поступка гомо полоумного есть одно объяснение и одно оправдание. Не животные же мы, не повадки нами правят, а комплексы...

ЛАВР. Как я вас понимаю, как понимаю!

КУТЕПА. Но я не проявлял инициативу. Только по поручению опекуна источник сообщал то, что угодно было конторе.

ЛАВР. И вас не подташнивало?

КУТЕПА. У-у, как вы теперь заговорили! Попробовал бы я сообщить не то, что в вашем Коране, то зачем бы я вам нужен был? Сразу нашли бы статью и против меня. И источника нашли бы, который сообщил бы обо мне все, что для вас здорово, а мне – смерть.

ЛАВР (*глянув на часы*). Прошло не четырнадцать, а двадцать минут.

КУТЕПА. Но я не получил ответа.

ЛАВР (*хитрит*). Так сразу? Прецедент ведь, никто никогда не являлся в Службу безопасности за моральной компенсацией. Закона нет оплачивать... Я, как буриданов осел, теряюсь меж двумя охапками сена. И вас жаль и – ничего поделать не могу. Давайте-ка мы с вами выпьем на посошок и...

КУТЕПА. Можно, только...

ЛАВР (*наливает*). Прозит.

(*Оба выпили. Гость явно хмелеет*).

КУТЕПА. У вас там, в сейфе, не найдется чем загрызть? Я натошак, стукнуло в темя, размягчаюсь.

ЛАВР. Не найдется. А вы выйдите из парадного и сразу справа, в конце квартала – пирожковая.

КУТЕПА. Где найти пирожки я знаю, а вот где взять червонец, чтобы купить хоть один? Для вас такой проблемы не существует?

ЛАВР. Странно.

КУТЕПА. Для вас странно, для нас заурядно. Потому без ясного ответа на мое заявление, я отсюда не выйду.

ЛАВР (*смеясь*). Наряд вызывать, что ли?

КУТЕПА. Хорошенький пейзаж откроется у парадного подъезда СБУ! Двое дюжих холопов в шлемах и с дубинками, выбрасывают за порог шелудивого обывателя. А? А

шелудивый вопит: верните моральные издержки старому стукачу! А?

ЛАВР (*уже сурово*). Не паясничайте. Вы, когда задумывали этот фарс, писали бумагу, выговаривали себе пропуск к нам, вы ведь знали, что из вашей затеи ничего не получится. Денег в бюджете не предусмотрено.

КУТЕПА. На ветеранов и инвалидов войны предусмотрено, на афганцев и чернобыльцев – тоже, на депутатов, на вас, душителей святого духа – ой, как предусмотрено. А на тех, кому вы истерзали душу, кого сделали изгоями, лишили возможности заработать себе хоть минимальную, вшивую пенсию – нет?! Я шага отсюда не ступлю. Вызывайте амбалов. И пусть они меня не просто выбросят за порог... пусть отнесут старика в ночлежку. Вот потеха будет для обитателей дна! В кои веки они позволят себе посмеяться.

(Кутепа демонстративно ложится на пол. Генерал встает, угрожающе прохаживается, потом нажимает кнопку: зуммер. Входит Алина).

ЛАВР. Алина Степановна, что посоветуете? Как поступим с этим господином Кутепой?

АЛИНА (*плутовато*). Подумать, подготовить документы и начать дело господина Николая Кутепа по одной из разработанных вами программ. Только этот визитер – из ряда вон выходит. Даже предположить трудно было, а?

КУТЕПА (*лежа*). Что за программа? В каком направлении?!

(Генерал и секретарша перемигиваются, делают друг другу загадочные знаки, проектируя дальнейшую работу с визитером).

АЛИНА. Разумеется, все в ваших интересах. Лавр Нарцисович, назначьте господину Кутепа встречу на вторник. Я подготовлю документы.

ЛАВР (*с выразительным одобрением*). Алина Степановна!

АЛИНА (*с непонятым восхищением*). Лавр Нарцисович! (*Ласково, Кутепа*) Николай Фомич, поднимайтесь. Во вторник мы вас ждем в семнадцать часов по полудни в этом же кабинете.

КУТЕПА (*сбитый с толку жестами хозяев кабинета*). Обманете, как у вас всегда водилось?

АЛИНА. Простите, но сегодня на дворе совершенно другое время. Вот вам пропуск на вторник. Вот вам червонец на дорогу. И второй – на пирожки. (*Подает заготовленный пропуск и два червонца.*)

Темно. В темноте фоном шум толпы, раздаются голоса на разные лады:

Солидный: О нашей службе недоброжелатели сочинили столько нелепостей, что диву даешься. И душители слова, и рецедив сталинских времен, и чуть ли не гестапо. Это все речи невежд. Мы служим родине и народу. Сколько выдающихся людей из наших рядов история помнит: Зорге, Абель, да и последний из великих – Андропов...

Молодой: Вам, как новичку, следует освоить азы. Придумаем вам псевдоним, придумаем вашу личную легенду, научим форме доноса. Отступаете три сантиметра сверху и пять сантиметров – поле слева. Начало всегда такое: «Выполняя задание такого-то, источник побывал»... Или «работал там-то и там-то, изучил то-то и то-то». Только информация. Выводы сделают спецслужбы.

Гнусавый: Я боюсь... Я согласен...

Бойкий: У меня тот коллективчик – всех заложу!

Женский: Мне встречаться только с мужчинами? А если ползет? Я же не со всеми иду на сближение...

Тупой: Шо вы горите? Я тугой на ухо. А шо делать с моей слабостью к спиртному?.. А-а, даже здорово: все мужики пьют. Только на водочку давайте...

Старик: У меня пенсия мала. Я думал, тут хоть чего-нибудь платят).

2.

(Реплики утихают, включается свет. Генерал за столом. Алина вносит толстые папки).

АЛИНА. Лавр Нарцисович, сегодня вторник. Господин Кутепа уже в приемной. Подшивки его трудов я принесла. *(Кладет на стол).* Сверху – моя подборка из ударных его творений. Прочитайте и дальше – как мы оговорили.

ЛАВР. Оставьте только три-пять доносов из вашей подборки, а остальное зачем, только стол занимает.

АЛИНА. О, нет. Эти горы его пасквилей – убедительный реквизит, убойная сила. Запугают глупышку. Можно впускать гостя?

ЛАВР. Пожалуй.

(Алина уходит. Ковыляя, входит Кутепа. Долго кашляет на пороге).

КУТЕПА. Здравствія желаю, господин-товарищ генерал!

ЛАВР. Здравствуйте. А вы пунктуальны.

КУТЕПА. Вышкол ваших предшественников..

ЛАВР. Видите, есть и от нас польза. Садитесь.

КУТЕПА. Что, намечается долгий разговор?

ЛАВР. Да, в четырнадцать минут не уложимся.

КУТЕПА. Если выставляются не сразу, то есть надежда. *(Садится)*. Только нельзя ли разговор – не в сухую?

ЛАВР *(обрывая)*. Николай Фомич, вы не в баре.

КУТЕПА. Виноват, товарищ-господин генерал. Только те, что сидели здесь до вас, были заметно обходительней...

ЛАВР. Спасибо за напоминание. Итак, приступим.

(Генерал открывает папку, достает лист).

КУТЕПА *(отстраняется)*. Совсем плохи мои дела... Догадываюсь, это поклепы на меня, раба божия. *(Нервничает, кашляет)*. Были, были писаки. И я знал, что я доношу, и на меня – доносят. Не думал я, что то, что двадцать лет назад аукнулось, сегодня откликнется! Люстрация? Власти согласились на люстрацию? Так они же пилят сук, на котором сидят!

ЛАВР. Николай Фомич, где ваше самообладание, где достоинство?...

КУТЕПА. Достоинство?.. *(Хохочет искренне, даже красиво)*.

ЛАВР. Вы что! Что с вами? Вам подать воды?

КУТЕПА. Простите, это я вообразил про себя... Достоинство... у нашего брата?..

ЛАВР *(строго)*. Позвольте начать, Николай Фомич?

КУЦЫЙ. Валяйте, Лавр Нарцмсович.

(Собеседники обменялись взглядами: генерал злым, гость – виноватым).

ЛАВР. « Двенадцатого, седьмого, семьдесят второго года. Источник сообщает, что, устроившись официантом в ресторан «АБА», он выследил четверых в третьей кабине»... Кстати, официантом вас устроили наши люди и вы полгода получали малую зарплату и большие чаевые. Вот вам полгода трудового стажа.

КУТЕПА. Прошу прощения, зачисляли меня временно, «Трудовую книжку» мне там не выдали, никакого рабочего стажа вы мне не подарили для пенсии! Один – ноль не в вашу пользу.

ЛАВР. Речь не об этом. Читаю: «Художник Завадовский в матерных выражениях вскрывал пороки в руководстве творческими организациями города. Самого секретаря обкома посылал на три буквы! Шептал коллегам, что регулярно слушает голос по радио – «Свобода». Советовал молодым своим ученикам купить приемники «Рига», принести ему, он что-то в них перестроит и голос «Свобода» будет звучать, как «Говорит Москва».

КУТЕПА. Простите, прерываю. Что тут неугодного вам? К тому же все правда, от «а» до «я».

ЛАВР. Да? Вы знали жизнь художника Завадовского до встречи в ресторане?

КУТЕПА. А кто не знал? Знаменитость. Выставлялся в обеих столицах, лауреат.

Государственные заказы получал, вы перед заграницей им хвастались...

ЛАВР. А вы сами его работы видели?

КУТЕПА. Я же не слепой. И выставки в студенчестве посещал. Пейзажист, уровень! Левитан. Божественно писал. С него даже репродукции в книжках помещали, ледерин делали.

ЛАВР. Он картины писал, а вы на него пасквили писали?

КУТЕПА. Так ваши же требовали. У него – такая работа, у меня – такая работа...

ЛАВР. А сегодня вы часто встречаете полотна Завадовского?

КУТЕПА. Я избегаю встреч с теми, на кого вы меня наводили. Это еще одна претензия к вам. Вы сделали меня одиноким в большом городе...

ЛАВР *(пропуская мимо ушей слова собеседника)*. Нет картин Завадовского.. На выставках нет, в книжках нет, в каталогах и справочниках нет.

КУТЕПА. Не знаю.. Может, его время прошло. Вон литераторы: Потапенко, Лейкин,

Баранцевич при Чехове, ой , как соперничали с Антоном Павловичем! А где они сегодня? А он – того!

ЛАВР. А вы знаете что-нибудь о судьбе Завадовского после ваших двух доносов?

КУТЕПА. Не интересовался. Говорят, съехал... с катушек... Не видел я его больше ни в ресторане, ни на выставках. Но замечу, и меня тогда как-то враз уволили с официантов. Не нужен я там больше был. Такая кормушка укалила от меня!..

ЛАВР. Вы то остались на юге, под солнышком. А вот что изменилось в судьбе выдающегося мастера: пришла Колыма и Магадан. Картины его были изъяты, пылились по запасникам. Часть разворовали и вывезли за пределы... часть, в половодье, залита была в подвале. Как не имеющие ценности, полотна не спасали, сгнили. Каждое ведь – штучный, единственный экземпляр. У супруги отняли мастерскую, хотя Завадовский построил ее из своих скромных гонораров. Квартиру женщина продала, чтобы вырастить детей, жила на хуторе. Десять лет спустя, старший его сын решил восстановить справедливость, потребовал от властей слишком многого и... был отправлен в те же не столь отдаленные места, где отбывал свое отец.

КУТЕПА (*вдруг вспыхнул, вскочил, топает по кабинету*). Генерал, не делайте из меня козла отпущения, не те времена! Мы оба хорошенько знаем, что с одного пасквиля даже в мое веселенькое время человека ни казнили, ни миловали. Ваши собирали еще и еще матерьяльчик. Таким, как я, имя было легион, и вы трем-пяти прохвостам поручали одно и то же дело. Да только в моем ресторане и шеф-повар, и косой трубач и этот, швейцар в генеральской форме, при дверях, – все стучали. Только они на постоянной основе, а я – на потребу!..

А.А. Маляров на репетиции спектакля

ЛАВР. Не мельтешите. Мы не про других, мы выбираем вашу толику подянки. Конечно, конечно, ваша вина крохотна, и выгода ничтожна. Не стоит так нервничать. Подумаешь, человеку случилось наблюдать пьяную болтовню, он нехотя пересказал ее в письменной форме – что за грех!..

КУТЕПА (*совсем взвинчен, дрожит*). А вы, генерал, язва. Причем сибирская! Сапогом прямо в душу... Это вас в школе кагебе натаскали?

ЛАВР (*поворошил кипу старых доносов*). Читаем дальше. Для краткости возьмем один из последних доносов, уже под самую перестройку. Люди пробуждались, выпрямляли хребты, а вы по инерции, тупо и безразлично, как дурак с мороза, сочиняли свои шедевры. «Источник сообщает, что в электричке Киев-Ворзель известный Пахомов, в тамбуре сошелся с канадским журналистом. Говорили о какой-то националистической литературе. Канадец держал в руке стопку книг, источник разглядел трехтомник Павла Тычины. А Пахомов получил взамен книжку «Желтый князь». Удалось позже выяснить, что это поклеп на коммунистическую партию, мол, она устроила голодомор в Украине»... Что ж вы так, гражданин Кутепа, отстали от времени? Про геноцид трубила вся Европа...

КУТЕПА. Ну, я отстал, только ведь перед самой перестройкой отстал. Выпивал шибко. Однако знаю, тот Пахомов тогда не пострадал!

ЛАВР. В Сибирь не услали, в застенки не позвали, компетентные органы им не занимались. Только копию вашего послания передали руководству того управления, где служил товарищ Пахомов.

КУТЕПА. И что?..

ЛАВР. А там собрали коллектив, обсудили Пахомова от первой до последней буквицы алфавита. Нет, нет, о его встрече с канадцем и знать не знали коллеги по работе. Они имели свои, чисто служебные и личные претензии к Пахомову. Тому пять лет назад он перебежал дорогу в карьере, у того десять лет назад отбил любовницу, а третий имманентно не любил мужика – жизнь! У нас ведь важно не назвать факт проступка, а дать направление, народец сам разжует и выплюнет, натаскан, нос по ветру держит каждый... Месяц жрали беднягу всем узким миром, он швырнул на стол заявление и исчез. Даже за расчетом не пришел.

КУТЕПА. Значит, с Пахомовым все о'кей?

ЛАВР. Можете пройтись на окраину, улица Поперечная, загляните в коммунальный дворик. Там во всю ширь вольготно раскинулась мусорная свалка, полдюжины бродячих собак топчутся и грызутся за отбросы, два бревна подпирают стенку. А под треснутым окном, в вытоптанном палисаднике валяется давний и горький пьяница. Над ним время от времени читает акафист издерганная и тощая старуха: «Снова ужрался? Когда ты ею зальешься, проклятый?!» При этом нам достоверно известно, что Пахомов до ухода из Управления не пил. И когда работу искал, а ему везде отказывали, как и вам, по той же причине державной ненадежности... безработный мужик тогда в рот не брал спиртного... Хороший был специалист этот Пахомов, и думал о жизни несколько шире нашего с вами, господин Кутепа..

КУТЕПА (*в изнеможении*). Может, хватит...

(*Кутепа идет к двери, возвращается*).

ЛАВР. Никак вы собирались уходить?

(*Кутепа, пошатываясь, забирает свою бумагу, отходит*).

О, не торопитесь. Подойдите к столу.

(*Кутепа подходит. Генерал преображается в вежливого хозяина*).

Прошу садиться.

(*Гость садится. Генерал достает бутылку, рюмки, наливает*).

Теперь поговорим по душам.

КУТЕПА. Куда уж дальше!

ЛАВР. Мы все-таки – страна, держава. Пускай в зародыше, в утробе, но развиваемся. А всякая держава просто обязана себя защищать. Я доходчиво говорю? И мы с вами патриоты...

КУТЕПА. Патриоты – это простолюдины, которые вкалывают за спасибо. Я полагал, что в наше время высоким штилем только шутят.

ЛАВР. Я не шучу.

КУТЕПА. Вы не патриот, хотя бы потому, что вам, вместо спасибо, казна выплачивает кругленькую сумму.

ЛАВР. Вам я тоже предлагаю послужить патриотом. С вашим опытом и знанием людей в городе... так сказать, вернуться на круги своя.

КУТЕПА. Что это, на круги своя?

ЛАВР. Никогда еще не было столь большой нужды в вас, уважаемый Николай Фомич, как теперь.

КУТЕПА. В нас – это в патриотах, которые стучат на шару?..

ЛАВР. Теперь патриотам платят. И хорошие деньги...

КУТЕПА. Повторите, я вдруг стал туг на ухо.

ЛАВР. Понятно, наши вожди по всем масмедиа твердят, что в стране нет денег. Их не хватало и при всех прежних режимах, но на политику средства всегда находились.

Повторяю, платим. И хорошие деньги.

КУТЕПА. Другой разговор... Можно повторить?

ЛАВР. Вы принимаете прежние обязанности, мы зачисляем вас на ставку.

КУТЕПА. И это тоже, но я прошу повторить... в рюмку.

ЛАВР. А-а, пожалуйста.

(Выпили оба, крякнули).

КУТЕПА. Мне писать заявление? Прямо с сегодняшнего вечера?

ЛАВР. И заявление, и гарантийное письмо – хранить тайну.

КУТЕПА. Придется вспомнить форму доноса. На листе А-4 отступить на пять сантиметров сверху, для резолюции... два сантиметра слева. Начинать стандартно: «Источник сообщает»?..

ЛАВР. Все так.

КУТЕПА *(ликуя)*. Все так, только в конце каждого месяца – кругленькая сумма?

ЛАВР. Разумеется, только не в бухгалтерии, а из рук в руки от вашего оперативника.

КУТЕПА. Святой боже, святой крепкий, как жизнь меняется! И все к лучшему! Я понимаю, что и на меня будут стучать... но я ведь тоже...

ЛАВР. Есть только одна деталь.

КУТЕПА. Ради бога, пусть две детали, три и сколько угодно, только бы тугрики на поддержку брэнного тела. Что за деталь?

ЛАВР *(наливает в рюмки)*. Тут следует выпить еще.

КУТЕПА. Ради бога! Прозит!

(Пьют. Кутепа потирает руки).

Авансик бы, чтобы материально закрепить разговор...

ЛАВР. Минуточку! Дела вы будете обделывать так, чтобы комар носа не подточил.

КУТЕПА. Само собой, у вас же честь мундира и страхи перед вышестоящими.

ЛАВР. Я говорю. Чтобы ни одна живая душа не подозревала. Оппозиция одолевает, понимаете всю сложность?.. Вы начинаете жизнь минера, то есть, без права на оплошность. При первом доносе на вас – вас убирают.

КУТЕПА. То есть, как убирают? С должности. Простите, лишают куска хлеба?..

ЛАВР. Лишают живота.

(Пауза. Кутепа бежит по кабинету).

КУТЕПА. Так же не получится. Из моего огромного опыта... ведь даже безо всяких промашек с моей стороны, без проступков... просто в системе морали – на меня напишут. Ведь кругом недоброжелатели! В отместку мне за прошлые мои давние дела – напишут, из-за нехватки другого материала, от скуки... И с первого прицела мне – каюк? Хотя бы с третьего, дали бы посмаковать сытую жизнь...

ЛАВР. Ничего не могу поделывать: закон суров, но он – закон.

КУТЕПА. Ешкина мать! Можно подумать?

ЛАВР. Да о чем тут думать? Вы же легко пошли на соглашение...

КУТЕПА. Я же не знал, что тут мокрое дело!.. Я еще письменной гарантии не давал... А

можно с испытательным сроком?

ЛАВР. О, нет. В державу приходит порядок. Жизнь меняется и, как вы сами заметили, меняется к лучшему.

КУТЕПА. Да, да... Да! Можно я подумаю... за дверью, за парадной... дома?... Я ничего не писал...

(Незванный и запуганный гость кашляет все сильнее и пьтится к выходу. Перед ним отворяется дверь, он проваливается в нее, слышен грохот падения. Это в нужный момент створку отворила Алина. Девушка не может сдержать хохота. Захохотал Лавр, и она дала волю своему смеху).

АЛИНА. Вот что такое софистика! Вы его приемом номер... каким приемом вы убрали этого ходатая?

ЛАВР. Я его в два приема. Он уже готов был бежать, так я ему еще прибавил. Это чтобы не проснулся его задний ум на лестнице, и старик не вернулся за причитающейся ему компенсацией. А еще – чтобы боялся пикнуть на людях...

АЛИНА. С теперешним народом не газовыми баллонами, даже не танками надо... Находим новые формы работы с людьми.

ЛАВР. Собственная шкура рабу божьему все же дороже...

АЛИНА. Но каков грамотей, как изложил трагедию собственной личности!

ЛАВР. Как говорят классики: в первом прочтении – трагедия, во втором – она уже фас. И еще: на всякого мудреца довольно простоты!

АЛИНА. Эту маленькую победу следует отметить.

(Алина тянется к бутылке. Лавр шутовски отстраняет бутылку и рюмки.)

ЛАВР. Прошу прощения, но на рабочем месте?..

АЛИНА. Лавр Нарцисович, в такой день!..

ЛАВР. Забавный день. Жизнь – театр!

АЛИНА. И мы классные актеры!

(Вступает музыка марша из концовки первой были. Хозяйничает Алина: наполняет рюмки, садится на край стола, упираясь коленками в бок начальнику. Читается давняя близость этих сотрудников).

ЛАВР. Прозит, как говорит интеллигентный сексот!

АЛИНА. За все наше!.. *(Весело пьют. Запевают на два голоса):*

Эй, музыканты, сил не жалейте –
Радость до края в сердце налейте.
Пусть подпоет нам старый наш маршал,
Он ведь ровесник старого марша!
Там-тар-тара-там-тар-тара-там-там-там!
Там-тарара-тара-тара-там-там-там!!

(Генерал и его секретарша продолжают петь и хохотать. Звучит победная музыка «Старого марша»).

Т е м н о . К о н е ц .

Журналистика

Анатолий Самойленко

Анатолий Иванович САМОЙЛЕНКО
Главный редактор газеты «Южная правда» (1985-2001 г.)

Я познакомился с Анатолием Ивановичем Самойленко вскоре после его прихода в «Южную правду». В один из осенних дней 1985 года я зашел к матери в редакцию, мы стояли на ступеньках главного входа, и тут вышел Анатолий Иванович. Они были с мамой земляками, оба из Запорожья. До прихода в «Южную правду» Самойленко работал заместителем главного редактора в газете «Индустриальное Запорожье», в которой мама работала до войны и после ее окончания заведующей отделом школ и культуры. Может быть, поэтому между ними в Николаеве сразу установились теплые отношения. Мама представила меня Анатолию Ивановичу, сказала, что я судостроитель и постоянный читатель «Южной правды». Помню, что разговор был непринужденный и дружеский, не

чувствовалось непреодолимой дистанции, которая обычно отделяет руководителей такого уровня от остального мира.

Редакторство Анатолия Ивановича Самойленко пришлось на сложный «перестроечный» период в истории нашей страны, который отразился и на судьбе главной партийной газеты области. Не все газеты устояли под напором новоявленных «демократов». Заслуга Самойленко в том, что он оказался готов к наступившим переменам и сумел сохранить газету в тот сложный период. «Южная правда» стала собственностью редакционного коллектива и по сей день остается независимым органом печати.

В 2012 году я связался с нынешним главным редактором газеты «Индустриальное Запорожье» Владимиром Ивановичем Дупаком и сказал, что вышла в свет книга «Журналисты города святого Николая. История и судьбы». Сказал, что в книге много места уделено и Анатолию Ивановичу Самойленко, спросил адрес редакции и выслал им книгу с авторской подписью коллективу.

В этом номере «Николаева литературного» представлены мои интервью с николаевскими журналистами, в которых они делятся воспоминаниями о главном редакторе «Южной правды» Анатолии Ивановиче Самойленко.

член Союза писателей России, Валерий Бабич.

В.И.Козлов, журналист «Южной правды», заместитель председателя Николаевской областной организации Национального союза журналистов Украины.

С Анатолием Ивановичем Самойленко судьба столкнула меня с первых его шагов пребывания на Николаевщине, когда он был назначен редактором «Южной правды». В управлении по печати, где я тогда работал начальником, он бывал довольно часто, и мы с ним находили общий язык по всем вопросам. Анатолий Иванович был очень уважаемым человеком и среди редакторов районных газет. Когда в начальный период независимости все стали кричать: «Долой районные газеты, зачем они нужны!», он был одним из тех, кто защищал их на любом уровне. И я не помню ни одного случая, чтобы Анатолий Иванович не взял слово в защиту районных газетчиков, то ли на съезде журналистов или на других республиканских совещаниях по вопросам печати. Его авторитет, как председателя Николаевской организации Союза журналистов и редактора областной газеты на всеукраинском уровне был достаточно высоким.

И районные газетчики со своей стороны его боготворили. Когда он был редактором и председателем областной организации Союза журналистов, а я был начальником управления по печати, мы проводили с ним совместные, так называемые «кустовые» совещания, с редакциями районных газет. Брли соседние районы, например, Смигиревский и Березнеговатский, и делали совместную встречу с коллективами редакций. Встреча проходила обычно где-то на границе районов, на природе, в какой-нибудь лесополосе. На встрече делался обзор материалов двух газет, высказывали что нравится, что не так, подсказывали друг другу, как можно сделать лучше. Естественно, все оканчивалось ужином на траве, где проходила эта межрайонная летучка. Редактора и коллективы газет такую своеобразную форму учебы одобряли. К таким совещаниям и

Самойленко, и я тщательно готовились, предварительно просматривали газеты и составляли мнение о публиковавшихся в них материалах. Мы делали много таких межрайонных летучек, и это сблизило нас.

В 1991 году с «Южной правдой» случилась беда. После подавления августовского путча и запрета Компартии пришли ее печатывать. Анатолий Иванович позвонил мне в 6 часов утра на следующий день после того, что их предупредили о закрытии как органа обкома партии. Он сказал, что в течение дня они проведут собрание коллектива редакции и внесут в выходные данные газеты изменения. Она учреждается трудовым коллективом – т.е. сотрудниками газеты. И попросил перерегистрировать газету в управлении по печати, но до того времени не прекращать печатание «Южной правды».

В то время колоссальную активность проявляли члены Народного Руха и другие партии этого направления, которые старались побыстрее избавиться от всего, что было связано с партийным прошлым, и даже, может быть, отомстить.

Я понимал, что содействие партийному органу, в какой-то мере, ставит под удар и мою судьбу. В любой момент могли собрать сессию областного совета и снять меня с должности начальника управления. Конечно я мог тогда занять такую позицию: «Когда переоформите газету, тогда и будете выпускать!». А газета имела в то время 220 тыс. подписчиков, и нужно было как-то решать эту проблему. Я понимал тревогу и озабоченность Анатолия Ивановича, и потому его успокоил. Я сказал:

– Не беспокойтесь, я сейчас иду на работу и пишу приказ директору областной типографии Николаю Павловичу Ганже: печатать «Южную правду» и дальше, т.е. беру всю ответственность на себя. А вы быстро готовьте все необходимые документы. После

их оформления мы вас перерегистрируем, и вы будете выходить, как независимая газета.

Так и сделали. В тот же день в «шапке» «Южной правды» было изменено название органа, выпускавшего газету. Вместо обкома партии учредителем газеты стал трудовой коллектив «Южной правды», каковым он является и поныне.

Я оценил Анатолия Ивановича Самойленко, как человека болеющего за свое дело и свою газету и потом, когда работал уже здесь, в «Южной правде». Он не считал себя только редактором – организатором газетного дела, но и сам часто выступал с крупными аналитическими статьями. В середине 1990-х годов к очередной годовщине Революции он написал известную многим статью «Занябрило за окном, занябрило». В статье проявился его публицистический талант. В то время еще оставалось много людей, свято веривших в прошлые идеалы. И он, как редактор, нашел в себе силы и мужество сказать людям прямо: «Пути назад нет, и прошлое никогда уже не возвратится». Статья вызвала тогда отрицательные отзывы со стороны некоторой части читателей, особенно пожилых людей, мол «что же ты сам, в прошлом коммунист, редактор партийной газеты, теперь изменяешь своим идеалам». Он все это вынес, стерпел. Сумел сохранить коллектив «Южной правды», и все, кто тогда с ним работал, хорошо это помнят, ценят и сохраняют о нем память.

* * *

Б.Л.Аров. Журналист Николаевской областной газеты «Южная правда» с 1937 года.

Анатолий Иванович Самойленко – новый для нас тип редактора. Он был наделен современным взглядом на жизнь и даже несколько опережал свое время. Был хорошим публицистом, настоящим журналистом. В период его редакторства, в середине 1980-х годов, в стране начались шатания, на страницах печати велись острые дискуссии. Статьи Самойленко были обстоятельными, с пониманием того, что происходит. Поэтому с ним считались николаевские партийные руководители, как с журналистом, влияющим на политику в нашем регионе.

Когда начался развал, он четко предсказал, что с окончанием советской власти начнутся новые формы работы. Потому так быстро, можно сказать моментально, среагировал, когда пытались закрыть, опечатать редакцию «Южной правды», что до этого сделали в здании обкома. Никто не знал, что делать, а он знал! Он спас газету своей находчивостью, деловитостью, предприимчивостью. Все было разрушено, денег нет, а нам нужно выпускать газету, решить вопросы о доставке ее читателям. За бумагой он специально ездил во Львов, в Западную Украину, летал в Россию, а потом посылал туда один за другим гонцов. Для решения экономических вопросов в штате появился человек, который специально занимался экономикой. Самойленко оказался на капитанском мостике, когда наш корабль терпел крушение. И проявил настоящие организаторские способности, чтобы обеспечить все это.

Анатолий Иванович умел ценить таланты, бывал иногда резковатым, но был уважаем в редакционном коллективе, и я считаю, что это был один из самых сильных наших редакторов. Он приехал в Николаев с опытом работы в газете «Индустриальное Запорожье», где был заместителем главного редактора. Имел большие связи в Киеве, с ним считались, он пользовался там уважением. Если приходилось решать что-то важное, ехал в Киев посоветоваться с Игорем Федоровичем Лубченко, председателем Союза

журналистов Украины. Несколько раз Лубченко приезжал в Николаев помогать «Южной правде» решать возникавшие здесь вопросы.

Когда Самойленко возглавлял Союз журналистов в Николаеве, целая группа наших журналистов получила звание «Заслуженного журналиста Украины», и пробивал это в Киеве, конечно, он. Это звание тогда получили Агнесса Виноградова, Нина Шепель, Александр Кремко, Владимир Пучков, Елианд Гоцуенко.

Жизнь Самойленко закончилась трагически. Он мог бы еще много сделать для редакции. Сначала – трагедия с ногой, а потом – ошибка врачей. Его повезли на операцию в Киев, но и там сделать ничего не смогли.

Анатолий Иванович Самойленко оставил глубокий след в истории редакции. После его смерти была учреждена премия за журналистские достижения – имени Анатолия Самойленко, и присуждается она ежегодно лучшим журналистам.

* * *

Ю.И.Ростиянов, заместитель главного редактора газеты «Южная правда».

Несмотря на большую загруженность редакторскими делами, Анатолий Иванович не давал заржаветь своему журналистскому перу, часто писал, в основном публицистические статьи и очерки. Был членом бюро обкома и не боялся острых тем, критических публикаций. В газету приходили письма, авторы которых упрекали его в необъективности, но он смело публиковал эти письма, разъясняя редакционную позицию. При нем газета имела хорошую репутацию. В перестроечные годы и в период всеобщего развала он спас газету от распада и в коммерческом, и в творческом плане. Всегда очень переживал за подписку, боролся за читателя.

Помню, я напечатал статью, которая называлась «Зачем вы, девочки, так водку любите?» с анализом многочисленных фактов женского алкоголизма и поиском путей борьбы с ним. В то время Анатолий Иванович лежал в больнице и узнал, что из палаты в палату передавали для чтения какую-то газету. А когда она дошла до него, то увидел и потом рассказал на редакционной «летучке», что это была «Южная правда» с моей статьей.

Когда я ушел в профсоюзную газету, Анатолий Иванович был недоволен, звал обратно. После моего возвращения в редакцию он вскоре назначил меня заместителем редактора и ответственным за распространение «Южной правды». Мы каждый день встречались и обсуждали, какой тираж можем обеспечить на ближайшее будущее, что нужно сделать, чтобы заинтересовать читательскую аудиторию и подхлестнуть почтовиков.

* * *

Г.В.Селин, журналист «Южной правды» и собственный корреспондент газеты «Правда Украины» по Николаевской области с 1975 по 1992 годы.

Анатолий Иванович Самойленко сделал главное: он сохранил «Южную правду» в самое тяжелое время, когда пачками закрывались областные газеты по всей Украине, перерождались на потребу дня или становились чисто рекламными изданиями с резким сокращением тиража. Самойленко сумел сохранить и газету, и коллектив. И в этом – главная заслуга всей его жизни.

* * *

А.М.Колесник, ответственный секретарь «Южной правды».

В последние годы пребывания Шарафанова в должности редактора в коллективе начались склоки. И обкому партии это надоело. Послали в ЦК Компартии Украины Валентина Светова – найти нового редактора. В ЦК предложили кандидатуру Анатолия Ивановича Самойленко, который был в резерве ЦК на должность редактора. И вот мы сидим в секретариате, когда нам говорят: «Смотрите, приехал наш новый редактор». Самойленко приехал потихоньку, без помпы, и пошел на собеседование к первому секретарю обкома Леониду Гавриловичу Шараеву.

Тогда я поддерживал Рух. Самойленко же был категорически против. Он вызывает меня в кабинет и уговаривал написать критический материал о Рухе. Я отказывался – неделю, две недели, месяц. А Самойленко настаивал. Тогда я позвонил Саше Глушко в Киев:

– Что делать? – А он мне говорит:

– Хочешь стать Геростратом – будь Геростратом.

Сначала я не понял, а потом уточнил в энциклопедии, кто такой Герострат. Оказывается, он прославился тем, что сжег в своем родном городе храм богини Артемиды, чтобы, как он сознался во время пытки, его имя помнили потомки. Наказанием стала казнь и как высшая мера наказания – приказ о его полном забвении.

И я решил «не сжигать храм», не выступать против Руха. В это время организовывалась

областная профсоюзная газета, и я ушел туда ее редактировать. Вместе со мной в этой редакции работали Юра Ростиянов, Лиля Албеско, Боря Рыбаков, Тоня Тамбовцева.

У Самойленко был сахарный диабет, и со временем наступило ухудшение. Его сын работал в Киеве и вызвал частную скорую помощь «Борис», чтобы отвезти отца в столицу. Конечно, хотел сделать как лучше. Но пока везли его в Киев, состав сахара в крови повысился в 10-20 раз. Я думаю, что надо было оперировать здесь. В Николаеве есть хорошие эндокринологи.

Несмотря на наши разногласия, я знаю, что Самойленко был толковый редактор. Я часто хожу на его могилу, которая находится возле кладбищенской конторы, слева при входе на центральную аллею. Его жена и дочь из Николаева уехали.

* * *

Н.А.Зякун, заместитель главного редактора газеты «Южная правда».

Анатолий Иванович Самойленко пришел в редакцию на волне перестройки. Он возглавил «Южную правду» в 1986 году и был редактором 15 лет. Это был новый этап в развитии газеты и в развитии нашего общества в целом. Коллектив воспринял его положительно, и смена власти в редакции прошла мягко. Его команды были доступны, планы понятны, и народ работал на общие цели выпуска газеты. Ему пришлось отстаивать интересы коллектива в условиях полного развала общественных структур. В ночь ГКЧП, когда нависла угроза над существованием газеты, он смог удержать коллектив и сохранить «Южную правду». И в этом его заслуга и благодарность сегодняшнего поколения журналистов.

Анатолий Иванович прошел большую журналистскую школу и пришел к нам из Запорожья, где работал заместителем главного редактора. Коллектив «Южной правды» насчитывал тогда 84 человека. При нем огромное редакционное колесо крутилось четко и без сбоев. Каждый знал, что ему нужно делать.

* * *

Л.П.Костюк, журналист газет «Ленінське плем'я» и «Южная правда».

Анатолий Иванович это личность, фигура... Ах как жалко, он рано ушел из жизни. Похоронен недалеко от Эмиля Январева, и когда я прихожу на кладбище, подхожу к могиле Анатолия Ивановича и вспоминаю его. Это был удивительный человек и писал хорошо. Профессиональный журналист. Мы учились с ним в одном университете, он был на курс младше меня, и потому у нас было много общих воспоминаний об университете. Стоило приоткрыть к нему в кабинет дверь и заглянуть, как он тут же говорит: «Заходите!». Он любил общение и был рад каждому человеку. И это общение начиналось газетными делами, а оканчивалось самыми невероятными темами. Он был демократичным человеком, и ты всегда знал, что он тебя поймет, поможет, посочувствует и поступит по справедливости. Если у него с кем-то происходил жесткий разговор, то он быстро прощал. В 55 лет я ушла на пенсию, а потом мне стало тошно сидеть дома, и в 1998 году я ему сказала, что не прочь вернуться. Он меня принял без слов, с радостью, с распростертыми объятьями. На планерке торжественно объявил, что возвращается Люда Костюк. После этого у меня был один из лучших периодов в моей творческой жизни, пять самых плодотворных лет.

Потом он заболел, очень мучился, очень страдал... Мы с Эмилем часто ходили к нему в больницу, я приносила вареники, еще что-то такое вкусное готовила. Умер он в августе 2001 года. Очень хорошо, что установили областную журналистскую премию имени Анатолия Самойленко.

Интервью с журналистами и фотографии Валерия Бабича

Юмор и Сатира

Борис Брайнин

Борис Львович Брайнин родился 10 августа 1905 года в Николаеве. Известный поэт, переводчик поэзии на немецкий язык, полиглот – свободно знал 15 языков, а переводил с 26. Окончил Венский университет (1934) со степенью доктора филологии (германистика). Изучал психоанализ непосредственно у З.Фрейда. В 1934-м году вынужден был бежать в СССР из Вены после поражения Венского восстания. Преподавал в Педагогическом институте АССР немцев Поволжья (г. Энгельс), был арестован НКВД 5 октября 1936 г. и приговорён к 6 годам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован 12 сентября 1957 г. Работал в газете «Правда». Член Союза писателей СССР.

Написал мемуары о пребывании в лагере и в трудармии («Воспоминания вридола»). Опубликовал около 1500 переводов лирики советских поэтов, переводил без подстрочников со многих языков народов СССР. Переводчик «Евгения Онегина» на немецкий язык. Переводил с русского языка на немецкий стихи С.Есенина, А.Ахматовой, М.Цветаевой, Б.Пастернака, Э.Багрицкого, К.Симонова, М.Светлова, Я.Смеякова, Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Р.Рождественского, Б.Ахмадуллиной, Б.Окуджавы и др. В 1992 году принял австрийское гражданство. Скончался в Вене 11 марта 1996 года.

Б. Брайнин Литературные пародии и эпиграммы

Я имена знакомых позабыл

...Я имена знакомых позабыл.

Евгений Винокуров

Я имена знакомых позабыл.
К чему бы это? Что это со мною?
Опять вчера какой-то заходил,
Как звать его? Василий? Виктор? Зоя?

Рассеянность, скажу вам, – не пустяк.
Забывчивость людей не украшает.
Вот мой сосед мне одолжил трояк
И третий месяц не напоминает.

И я рассеян. Сущяя беда.
Часы спешат – чинить несу в часовню,
Свой сборник открываю лишь тогда,
Когда своей фамилии не помню.

Конечно, возраст. Возраст – словно воз.
Тут есть опасность... Что ни говорите...
Не дай бог, эта, как его... склероз...
Стучу по дереву. И говорю: «Войдите».

* * *

Это кто там в форме новой?

Сергей Михалков

Дядю Степу уважая,
Должен здесь признаться я,
Что не очень "подражаю",
Опасаясь... "Фитиля".

Жил у тещи без прописки
У метро "Аэропорт"
Некто Сульфодемизинский,
По прозванью Натюрморт.

По профессии – художник,
А по имени Альберт.
Он для рифмы даже в дождик

Брал на улицу мольберт.

Был известным этот дядя
И с поэтами знаком,
Потому что, на ночь глядя,
Кушал кофе с коньяком.

Но однажды отличился
Этот странный квартирант:
Так на тещу рассердился –
Хвать мольбертом о сервант!..

Только кто там в форме новой
Вдруг стучится у дверей?
Дядя Степа – участковый,
Друг старушек и детей.

– Предъявите документы, –
Он бесстыднику сказал,
Улыбнулся, застегнулся
И его арестовал...

Я придумал эту басню
И решил ее издать,
Чтоб детишкам стало ясно:
Тещу нужно уважать.

* * *

Чертовщина

...Я помню, был в командировке
И, с делом справившись вполне,
С одной молоденькой чертовкой
Сидел в саду наедине...

...Мгновенно сгинула веселость
И сердце екнуло в груди,
Когда жены знакомый голос
Мне прошептал: «Ну, погоди!»

Николай Карпов

Я помню, был в командировке
И, чтоб с тоски не помереть,
К одной молоденькой чертовке
Зашел мультяшки посмотреть.

Но вдруг, как зайца из двустволки,
Меня сразили наповал:
Я на экране вместо волка
Жену с ухватом увидал.

Встал дыбом мой последний волос,
И сердце екнуло в груди,
Когда родной до боли голос
Пообещал: «Ну, погоди!»

К чертям послал я ту чертовку
И тягу дал от всей души...
С тех пор смотрю в командировках
«Спокойной ночи, малыши!».

* * *

Туризм – на мушку!

...Смотрю – на карте мира муха
Ползет из Швеции в Рабат,
Как моложавая старуха
Из Штатов, лет под шестьдесят.

...И понял я, что мне в туризме
Претит при взгляде на нее.

Александр Кушнер

Я слушал радио вполуха,
Ища на карте Ленинград.
Смотрю: соседним курсом муха
Ползет из Швеции в Рабат.

Контрабандистка?.. Террористка?..
Марихуана?.. Динамит?..
Да нет, скорей всего – туристка:
Повсюду лезет и жужжит.

Махнула в Бонн из Лиссабона,
Оттуда – вроде невзначай –
Свернула в сторону Цейлона,
Где есть всегда цейлонский чай.

Сменила смог в Йокогаме
На австралийскую жару
И, как у нас в «Универсаме»
Порылась в сумке кенгуру.

Потом совсем уж распустилась:
В Париж вползла без всяких виз,
Где вскоре лично убедилась,
Как отвратителен стриптиз.

Узнала, что такое джонка,

Что значит слово «плебисцит»
И что монгольская дубленка
В Канаде тоже дефицит.

Потом в каком-то пароксизме
На Яве впала в забытье
И понял я, что МНЕ в туризме
Претит при взгляде на нее.

И я подумал: вот житуха!
И с этой мыслью в голове
Я до утра сидел под мухой,
Стихи слагая о Неве.

* * *

Рикошетом

...И ко мне приходил мой Дантес
Продырявить проклятою пулей.

Юван Шесталов

И ко мне приходил мой Дантес
(Я с семьею ко сну собирался),
На жену он взглянул и исчез:
– Извините, мадам, обзнался.

Тут, в чем был, я вскочил на коня:
Ишь, чего чужеземец надумал!
И тогда из кустов на меня
Он направил проклятое дуло.

Прямо в лоб угодил мне, шельмец.
Только тут просчитался повеса:
Ото лба отскочивший свинец
Наповал укокошил Дантеса.

* * *

Ради нескольких строчек в газете

...И вот услышав заповедь начальства,
Что Пушкины в газете не нужны,
Я стал оперативен до нахальства
И пек свои шедевры, как блины.

...В окне прохожий гордо нес мимозы,
У Киры грудь вздымалась высоко,

А я ей гнул про вывозку навоза,
Про молодняк, про бой за молоко.

Евгений Маркин

Я был когда-то в юности поэтом
И с вдохновеньем искренним вполне
Писал стихи в районную газету
Про розы и свиданья при луне.

Читали их студентки, санитарки.
У женщин грудь вздымалась высоко,
Навзрыд рыдали знатные доярки,
Слезами разбавляя молоко.

Но вдруг начальство перешло на прозу:
– Есенины в Рязани не нужны.
Ты, брат, давай про вывозку навоза
И прочие колхозные блины.

Я написал стихи «На смерть поэта»
И на дуэль редактора позвал.
Но мне в ГАИ не дали пистолета,
И я, смирившись, репортером стал.

* * *

Прекрасная галантерея

...Нельзя же без трусов ведь –
На этом мир стоит...

...Раздетый – это только
Так, полуфабрикат.

Евгений Винокуров

...А домой приперся без штанов.
Василий Журавлев

По самой высшей ставке.
Чтоб после не краснеть,
Хотим трусы и плавки
В стихах своих воспеть...

Адам увлекся Евой,
Но на него в кустах
И не взглянула б дева,
Когда б он был в трусах...

Вот мамонт от детины

Несется – будь здоров!
Ужасен вид мужчины
С копьём, но без штанов.

Вот школьницы глазают
На то, как Геркулес
Без ничего в музее
На постамент залез.

Стоит верзила голый
Во всей своей красе...
Куда же смотрит школа?
Туда, куда и все...

(И мы в известном плане,
С другими наряды,
Сидим без плавков в бане,
Но это ж – раз в году.)

Мы заявляем смело,
И каждый подтвердит:
– В трусах, в трусах все дело –
На этом мир стоит.

И в час высоких стартов
Мы, как один, должны
До мировых стандартов
Поднять свои штаны!

* * *

Полундра !

...Все смешалось в доме
Облонского.

...Министр ответил:
Изучим вопрос.
Тогда мне Нахимов
Лекарство принес.

Григорий Поженян

Под тельник матросский
Заправив кинжал,
Я в гости к Облонским
Приехал на бал.

Исполнив мазурку,
Я спел про утес.
За это мензурку

Мне Стива поднес.

Да бестия Стива,
Видать, сшельмовал:
Шампанское с пивом
В мензурке смешал.

Невинная шалость –
Я больше могу..
Но вдруг все смешалось
В туманном мозгу.

И с детства бесстрашный,
Не рухнув под стол,
Я в бой рукопашный
Со стулом пошел.

Сраженье покинув,
Противник бежал.
Но встал вдруг Нахимов,
Лихой адмирал.

Герой Черноморья
Скомандовал: «Стоп»,
Полундра, Григорий,
Здесь вам не Синоп.

* * *

Откуда берутся женщины?

...Скажи спасибо женщине за чудо
Своей непрочной нежности, когда
Была с тобой – возникнув ниоткуда,
Не забывалась – канув в никуда.

Анатолий Преловский

У нас, мужчин, нет поводов для грусти,
Откуда взялись мы – вопрос простой:
Иль наши мамы нас нашли в капусте,
Иль добрый аист нас принес домой.

Частенько в нас встречаются изьяны,
И сразу видно – только приглядишь, –
Что мы произошли от обезьяны,
Но вот откуда женщины взялись?

На днях спросил я дочку: ты откуда?
Но за нее ответила родня:
Откуда да откуда?! От верблюда!
И все в упор взглянули на меня.

* * *

Обращение Риммы Казаковой к женщинам Земли

...Ну где они, близкие души?
Ты за уши тянешь своих мужиков,
Но рвутся их чертовы уши...

...И снится мне ночью тревожною сон,
Какой-то нелепый и дикий:
Один человек... разумеется, он...
В ушах его – рваные дырки.

Римма Казакова

Довольно держать за зубами язык,
Открыто сказать нам придется:
Пошел что-то нынче непрочный мужик –
Чуть дернешь за что-нибудь – рвется.

Вопрос этот, кстати, не так уж и прост,
Внесу в него нужную ясность:
Порой и у змей отрывается хвост,
Когда они чувят опасность.

А эти – бесхвостые вроде, и что ж?
Такие ж трусливые души.
Лишь только их за уши в ЗАГС поведешь,
Как рвутся их мерзкие уши.

Но только пора бы понять мужику:
Мы, женщины, – сами с усами,
И кто зазевается, тут уж – ку-ку! –
Всю жизнь будет хлопать ушами.

Родные! Подруги! Вперед на врага!
Оставим уют и корыто.
А кто нам захочет наставить рога –
Тот первым отбросит копыта.

Пришло наше время, довольно скрывать
Что сильный мы пол, а не слабый...
Чего бы еще мужикам оторвать?
Давайте подумаем, бабы!

* * *

Эпиграммы

*Актёру Евгению Лебедеву
(Исполнителю роли Холстомера)*

Артист настолько слился с персонажем,
Так растворил в нем собственное «я»,
Что вряд ли он кому теперь докажет,
Мол, я – не я и лошадь не моя.

Актёру Леониду Каневскому

Мы на экране этого актера
Привыкли видеть в звании майора.
Тут с эпиграммой выступишь неловкой –
И можно познакомиться с Петровкой.

Актёру Армену Джигарханяну

Он ролей исполнил столько,
Что (и то не без труда)
Все их вспомнят разве только
Знатоки «Что? Где? Когда?».

Актёру Валентину Гафту

Преставилась богу старуха –
Графиня, из «Пиковой дамы»:
За час до премьеры, по слухам,
Ей Гафт прочитал эпиграммы.

*Актёру Анатолию Кузнецову
(“Белое солнце пустыни”)*

Когда-то не было проблем,
Теперь не вынес бы минуты:
Чтоб содержать такой гарем,
Не хватит никакой валюты.

Художнику Илье Глазунову

К прекрасному пробив себе дорогу,
Стою на чьей-то дружеской ноге,
Одни твердят: он – Суриков, ей-богу,
Другие морщат нос: типичный Ге.

Сатирику Аркадию Арканову

Он сатирик. Мастер смеха.
Не боясь, скажу о нем:
Он давно уже, как Чехов,
Не работает врачом.

* * *

Художественно-сатирический журнал "Паяц"

В 1907 году в Николаеве (Херсонской губернии) издавался художественно-сатирический журнал "Паяц". Редактор-издатель Н. Н. Лепетич. 35 см., 8 с.

Лепетич Николай Николаевич (1866 — 1922) - Живописец-акварелист, график, поэт, литератор. С 1886 по 1890 учился в Одесской рисовальной школе. С 1890 — Жил в Николаеве и в Одессе. С 1892 года Член ТЮРХ-Товарищества южнорусских художников (г. Одесса). Близкий друг семьи писателя И. Бунина. Умер от голода в Николаеве в 1922 году.

Художники Товарищества южнорусских художников Евгений Буковецкий, Пётр Нилус и Николай Лепетич

Журнал «Паяцъ» №3 1907 год

Цѣна 10 коп.

14-го Апрѣля

№ 3.

1907

ПАЯЦЪ

„СТОЛЫ ОБЩЕСТВА“

П. И. Литвиненко.

(Шаржъ).

Усовершенствованный прессъ для выжиманія соковъ изъ гг. приказчиковъ.

Привилегія заявлена.

Не-дѣльный листокъ.

Риска въ навлечь на себя подозрѣніе въ черносотенности убѣждений, мы категорически высказываемся противъ народнаго образования и вполне присоединяемся къ почтенному дѣйствительному статскому совѣтнику Фамусову, который, какъ извѣстно, установилъ:

— Ученость — вотъ чума! Ученость — вотъ причина!

Если бы нашимъ уважаемымъ родителямъ не пришла въ голову скверная мысль обучать насъ грамотѣ, то, можетъ быть, правда, мы пасли бы свиней, какъ угрожалъ нашъ папаша (всѣ папаша угрожаютъ неуспѣвающимъ сыновьямъ: будешь свиней пасти!) но за то мы были бы лишены возможности отравить наше драгоценное существованіе чтеніемъ газетъ.

Кстати, мы утверждаемъ, что книгопечатаніе изобрѣлъ вовсе не Гутенбергъ, а Сатана, отъ котораго родъ человѣческой никогда ничего хорошаго не видѣлъ.

Благодаря этому сатанинскому изобрѣтенію, мы обречены читать газеты и напрягать нашъ мозгъ въ уповленіи истиннаго смысла напечатанныхъ извѣстій.

А это сдѣлалось особенно трудно съ тѣхъ поръ, какъ петербургскіе хроникеры проникли въ „сферы“.

Есть звѣздныя сферы — это полбѣды.

Правительственныя сферы — тоже полгоря.

Но просто „сферы“ да еще въ кавычкахъ, это ужъ нѣчто умопрачительное.

Читаешь, а голова кружится и сердце замираетъ.

Господи, думаешь, на какую высоту человѣкъ подняться можетъ!

Шутка сказать: „С-ф-е-р-ы!“

Тамъ, должно быть, и разговариваютъ не по нашему, а вродѣ, какъ-по англійски.

Написано „Ливерпуль“, а читать надо „Манчестеръ“.

Напишутъ:

— Думу рѣшено распустить!

А понимать надо:

— Столыпину предложено подать въ отставку.

Или написано:

— Союзомъ русскаго народа недовольны.

А читать слѣдуетъ:

— Премьеръ министромъ будетъ назначенъ Церетелли, а шефомъ жандармовъ Алексинскій.

Развѣ простому смертному дано понять тайну этихъ превращеній?

Иногда мы часами сидимъ надъ какой-нибудь запятой и не можемъ постигнуть глубины ея премудрости.

И мы начинаемъ сомнѣваться въ собственной зрѣлости, удостовѣренной министерствомъ народнаго просвѣщенія еще 20 лѣтъ тому назадъ.

Вотъ видите, къ чему ведутъ культура и цивилизація!

Поэтому мы категорически высказываемся противъ народнаго образования, потому что все равно никакое образованіе не выучитъ читать не то, что написано или напечатано.

Способность такого чтенія — отъ лукаваго, о насъ сохрани Аллахъ отъ всякой чертовщины.

Въ виду этого мы посылаемъ въ Государственную Думу старый, позабытый, кроткій и внушительный законопроектъ по народному образованію:

— Забрать всѣ книги да и сжечь!

Если не ошибаемся, законопроектъ этотъ принадлежитъ Скалозубу, одному изъ бывшихъ министровъ народнаго просвѣщенія.

Превосходный проектъ!

На Думскіе мотивы.

Патріотъ изъ патріотовъ
И солидный господинъ,
Ненавидитъ санюлотовъ
Депутатъ сенъоръ Шульгинъ,
И въ пылу негодованья
Фраза вырвалась одна...
Но за это изъ собранья
Удалили Шульгина.

Крайнимъ правымъ надѣли
Всѣ противники кругомъ,
Ихъ ряды ужъ порѣдѣли,
А враговъ не счесть числомъ!
Смотрятъ правыя тревожно,
А въ глазахъ мечта видна:
Кабы выгнать васъ возможно,
Какъ вы гнали Шульгина.

Отличилось вдругъ реформой
Министерство всѣхъ наукъ
И въ погоню лишь за формой
Циркуляръ изданъ пукъ.
Всѣмъ экзамены — могила,
И у всѣхъ мечта одна,
Чтобы Кауфмана постигла
Злая участь Шульгина.

Джентльменъ одинъ картинный
Разъ повалился ходить
Къ дамѣ скромной и невинной,
Чтобъ съ ней время проводить.
Но ошибся онъ немножко
И въ прескверный день одинъ
Черезъ раскрытое окошко
Полетѣлъ онъ, какъ Шульгинъ.

Мой пріятель всѣ собранья
Посѣщать всегда любилъ,
И за это предписанье
Онъ недавно получилъ:
„Въхать прямо до Сибири,
Дать на сборы часть одинъ,
Опечатавъ все въ квартирѣ“...
И исчезъ онъ, какъ Шульгинъ.

Котикъ.

Въ думскихъ „нулуарахъ“.

— Получилъ сегодня неприятное письмо отъ жены.

— Въ чемъ дѣло?

— Да я, видите-ли, написалъ ей, что пріѣду домой послѣ того какъ Дума закончитъ разсмотрѣніе аграрнаго вопроса, а жена отвѣтила, что это законный поводъ для развода: безвѣстная пятилѣтняя отлучка.

— Что это за незнакомцы въ ложѣ прессы?

— Журналисты.

— Многихъ журналистовъ я знаю, а этихъ никогда не видѣлъ.

— Не мудрено! Они работаютъ въ изданіяхъ, которая еще не выходили въ свѣтъ.

— А сами они что нибудь писали?

— Едва-ли... Но очень талантливые люди...

— Подписка на памятникъ...

— Кому?

— Пожарному, который спасъ депутатовъ отъ гибели подъ обвалившимся потолкомъ.

— Частной собственности быть не должно... Собственность — кража... Карауль! Часы вытащили! Чертъ знаетъ что такое! Чего полища смотреть?! Надо пойти протоколъ составить...

Кадеты.

— Я боюсь этого вопроса о террорѣ... Какъ-бы не завалились наши товарищи слѣва...

— Не все ли равно, топ снѣг! Развѣ вы не видите, что министры сидятъ на своихъ мѣстахъ очень крѣпко. Вакансіи мы не скоро дождемся.

— Однако, Головинъ сегодня разошелся...

— А что?
— Духъ ораторовъ лишили слова.
— Охъ, если бы онъ лишилъ слова 500 ораторовъ, можетъ быть, дѣло было бы пошло лучше.

— Товарищъ, вы замѣтили, что Столыпинъ сегодня два раза чихнулъ?

— Какъ же! Какъ же! Это несомнѣнный признакъ, что Дума будетъ распушена... Вечернія газеты уже комментируютъ этотъ симптомъ.

— Почему оба Гессена рѣдко бываютъ въ буфетѣ?

— Да тамъ постоянно Крушеванъ сидитъ...

— Кто, по вашему, лучше: Караваевъ или Кузьминъ-Караваевъ?

— Гм... Оба лучше, когда... молчать.

— Сегодня за мной все время два городовыхъ ходятъ.

— Оберегаютъ вашу неприкосновенность...

— Хотъ бы не прикасались...

Пѣснь кадета.

Когда я былъ недосыгаемъ
Для полицейскихъ темныхъ силъ...
Какъ я былъ храбръ!.. Неузнаваемъ!..
Я говорилъ... я говорилъ...

Народъ стоналъ... Но мы не спали...
Не пулей—нѣтъ, а языкомъ
Мы всю Россію потрясали...
Я былъ борцомъ... я былъ борцомъ!..

И я былъ твердъ... былъ неизмѣненъ...
Но вдругъ—о, ужасъ!—день насталь—
И сталъ я вновь прикосновененъ...
И я рыдалъ, и я рыдалъ!..

Премьеръ, прославившій „радикаломъ“—
Насъ, какъ мальчишекъ, разогналъ...
И я къ холоднымъ финскимъ скаламъ
Вновь убѣгалъ... вновь убѣгалъ...

Сибирь всю на ноги подняли,
Усердьемъ, рвеніемъ горя,
Лѣса, деревни обыскали...
Иголку, что ли, потеряли?
Нѣтъ, Хрусталева-Носаря.

* *

У управскихъ воротъ
Собирался народъ
Густо.

Говорить въ простотѣ,
Что въ его животѣ
Пусто!

Къ мясу приступа нѣтъ,
Не готовъ хотъ обѣдъ,
Право!

Мясники страсть дерутъ
Рубль на рубликъ берутъ,—
Слава!

Бѣднотъ городской
Просто волкомъ хотъ вой
Такъ-то!

Говорятъ, помоги
Или дай хотъ деньги
Намъ-то!

Вышелъ къ нимъ секретарь,
Точно нашъ пономарь
Жирный.

Горитъ: „Дураки!
Тише вы, чудаки!
Смирно!

Ужъ вопросу ходъ данъ,
Онъ въ комиссію сданъ
Снова.

Это счастье вамъ,
Въ этомъ съ радостью дамъ
Слово*.

Некультурный народъ
Все, однако, орегъ:
— Мясъ!

Безпокойная рать,
Голодна, такъ сказать,
Раса!

Письма въ редакцію.

I.

Милостивый Государь,
г. Редакторъ!

Позвольте при посредствѣ уважаемаго вашего журнала обратить вниманіе добрыхъ людей на наше бѣдственное положеніе, которое обременено многочисленнымъ семействомъ.

Мы честные торговцы и которая смѣшанная комиссія, то она хотѣтъ съ насъ послѣдніе штаны снять и торговать 13 часовъ никакъ невозможно потому такого закона нѣтъ и для насъ разореніе.

Приказчики, извѣстно, подыри и пролетаріи, и хотятъ чтобы деньги задаромъ получать, а не работать, а предъсѣдатель ихній Лазаревъ—социалистъ, а другіе говорятъ, что еще того хуже—кадетъ, и мы будемъ на него жаловаться въ Государственный Совѣтъ и въ пробирную палатку, а бани его будемъ бойкотировать, потому что намъ разоренье.

Торговцы.

II.

Милостивый Государь,
г. Редакторъ!

Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ пара, электричества и освобожденія очень даже стыдно угнетать бѣдныхъ людей, каковы мы, приказчики, и хозяева, которые насъ угнетаютъ—вредные буржуи и подлежатъ ограниченію въ правахъ состоянія. Мы не уступимъ не согласны и требуемъ 5 ти часового рабочаго дня, федеративной республики и чтобы по конкѣ ѣздить бесплатно. А что касательно Лазарева, то онъ извѣстный черносотенникъ и ретроградъ, и мы будемъ на него жаловаться въ главный петербургскій комитетъ и потомъ самому Алексинскому. А бани его будемъ бойкотировать, потому что мы угнетены.

Приказчики.

III.

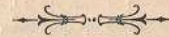
Милостивый Государь,
г. Редакторъ!

Въ смерти моей прошу никого не винить, потому какъ я утопился въ ванной рублеваго номера въ собственныхъ баняхъ по людской несправедливости. А бани я завѣщаль законотитъ и никого въ оныя не пускать. Пущай немтые ходятъ. Нѣтути правды у нашемъ городу.

Лазаревъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Джекъ.

Наша хрестоматія.

Извѣстныя стихотворенія въ неизвѣстномъ окончаніемъ.

1.

„Когда волнуется желтѣющая нива“,
Я безпрестанно думаю о томъ,
Убрать успѣемъ-ли заранѣе мы живо
Или аграрный помѣшаетъ намъ погромъ.

2.

„То не вѣтеръ въ полѣ стонетъ,
Не зеленый лѣсъ шумитъ“,
Полицейскій вора ловитъ
И отчаянно свиститъ.

3.

„Сяду я за столъ, да подумаю“,
Какъ на свѣтъ жить съ конституціей...

4.

„Въ тѣни задумчиваго сада,
Гдѣ ивы плачутъ надъ рѣкою“,
Тамъ полицейская засада
Кого-то жлетъ въ тиши ночной.

5.

„Блѣвлетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ“,
А броненосцы всѣ глубоко
Давно лежать на днѣ морскомъ.

6.

„Было дѣло полъ Полтавой,
Дѣло славное друзья“,
А потомъ отъ Ляояна
Отступалъ "въ порядкѣ" я.

7.

„Чижикъ, чижики, гдѣ ты былъ?“,
Городскую воду пилъ,
Выпилъ чашку, выпилъ двѣ,
Забурлило въ животѣ.

Чижикъ.

Нѣкто въ сѣромъ.

Всегда иду я вслѣдъ за вѣкомъ
И никогда не отстаю!
Теперь увлекся „Человѣкомъ“.
Его за образецъ я взялъ.
Горя андреевскимъ приѣромъ,
Иду по площади пустой,
И вдругъ я вижу — „Нѣкто въ сѣромъ“
Стоитъ недвижимъ и нѣмой.
Негодование и злоба
Въ моей груди ключомъ кипятъ...
Стоимъ другъ противъ друга оба,
Въ моихъ рѣчахъ огонь и ядъ:
„О, ты, который дерзновенно
Создалъ въ Одессѣ гроекъ-скандалъ,
О, ты, чью мысль проникновенно

Родевичъ повялъ и узналъ.
О, ты, таинственный и сильный,
Тебѣ проклетія я шлю
И удалится въ склепъ могильный
Я заклинаю и вею!“
Съ могучей силой проклятыя
Простеръ я руку предъ собой,
И неожиданно въ объятья
Повалъ я чьи-то самъ не свой!
Меня обаявъ „Нѣкто въ сѣромъ“
И строго такъ спросилъ: „Ты кто?“
То — околоточный былъ въ сѣромъ
Невромокаемомъ пальто!
И вотъ теперь сижу въ темницѣ
За оскорбленіе на словахъ...
Зачѣмъ же должностныя лица
Стоять въ андреевскихъ плащахъ?
Я.

Рапортъ.

Доношу вашему высокоблагородію, что, по распоряженію директора климатическаго департамента г. Кайгородова неизвѣстнаго происхожденія особа по имени Весна должна прибыть на жительство во вѣтренный мѣсяцъ 9 марта, но она Весна своевременно не явилась, взамѣнъ какой-либо прибыли Оспа и Дифтеритъ. Мѣрами полици Весна розыскана и водворена на жительство лишь къ серединѣ апрѣля. О случившемся производится дознаніе. Все остальное по вѣтренному мѣсяцу стану обстоить благополучно, а жители, которые заболѣли оспой и дифтеритомъ, померли.
Приставъ 27 стана Козыбарабановъ.

20-й вѣкъ.

Вѣкъ двадцатый, вѣкъ отиѣнный,
Человѣкъ сталъ самъ не свой:
То вдругъ судить судъ военный,
То караетъ полевой.
Наша жизнь совсѣмъ въ туманѣ,
Долго-ль такъ сума сойти:
Положеніе... при охранѣ
И свобода... взаперти.

Николаевскіе негативы.

— Въ нашемъ циркѣ бушменъ застрѣлилъ кого-то?
— Помилуйте-съ, совершенная наприщина! Какой-то негодяй самъ себя застрѣлилъ... Форменная провокація!

— Былъ на бульварѣ...
— Хорошо?
— Великолѣпно! Всѣ палки и столбы въ зеленый цвѣтъ выкрасили.
— Уже зеленеетъ значить?

— У васъ въ управѣ потолокъ, говорятъ, не надеженъ? Какъ бы не рухнуть...
— Не беспокойтесь... Если ужъ суждено провалиться, такъ провалится вся управа.

Вошь редактора.

Телеграммы, телеграммы,
Телеграммы ночь и день,
Все отчеты, стенограммы...
Какъ имъ тамъ болтать не лѣнь!

Говорятъ, точь въ точь хоронятъ,
Рѣчи точно воду льютъ...
Сколько ихъ? Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?

Классная дама. Ты опять не приготовилъ на сегодня ни одного урока. — Почему это?
— Не съ кѣмъ было.
— А съ мамой?
— Ей некогда. Вечеромъ мама занята въ городскомъ собраніи. — Въ лото играетъ.
— Ну, а днемъ?
— Днемъ спитъ.

Партия мирного обновления.

— Господишь, праться нельзя-сь...
— Какъ ты сибешь мнѣ замѣчаніе дѣлать: ты знаешь, я членъ патриотической партіи мирнаго обновленія!

— Какая-же цѣли преслѣдуетъ ваша партія?

— Какъ—какія цѣли? Это-же ясно изъ названія партіи: она жаждетъ обновленія Россіи мирнымъ путемъ.

— Знаете, что я вамъ скажу, почтеннѣйшій: прежде, чѣмъ заботиться объ обновленіи Россіи, вы-бы лучше гардеробчикъ-то свой обновили.

— Вы, сударыня, не согласитесь-ли миромъ покончить дѣло?

— Господишь мировой судья, хотя я и жена члена партіи мирнаго обновленія и сама женщина мирная, но скорѣе удавилась чѣмъ съ этой особой на мировую оцѣнку пойду. Прошу разсудить насъ на основаніи существующихъ законовъ и сослать эту шельму въ Черныскіе рудники.

— Да, я вамъ скажу, положеніе мое въ высшей степени глупое, чтобы не сказать болѣе!

— А что такое у васъ?
— Да вступилъ я въ члены партіи мирнаго обновленія, а дома, между тѣмъ, по-прежнему, приходится каждый день вести войну съ женой!

Передъ праздниками.

Въ магазинѣ.

— Есть у васъ вещи для подарковъ?
— Огромный выборъ-сь! Вамъ для супруги?

— Для нея.
— Извольте-сь... Намордникъ послѣдней моды...
— Вы съума сошли! Женѣ и варугъ намордникъ!
— Простите-сь великодушнѣ! Зарапортовалась... Много посетителей.

Дома.

— Ну, хорошо... На хулячи твое драповое пальто пойдеть... А на окорокъ?
— На окорокъ, я думаю, можно сюртку реализовать.
— Безъ сюртки на праздникахъ нельзя...

— Правда, нельзя... Самоваръ разой?
— И то!... Все равно, кто на праздникахъ чай пьетъ? Водку пить будемъ.

Дѣти.

— А мнѣ папа обѣщаль подарить ячико съ часами. А твой папа что тебѣ обѣщаль?

— А мой папа обѣщаль меня выпороть, если я къ нему приставать буду.

Прислуга.

— Теби то анафема подарятъ тебѣ что-нибудь?

— Посидѣли бы не подаритъ! Я мнѣ такую забастовку устрою... Всю посуду перекочую.

— Алая погода... Какое счастье, что я надѣла нарядную юбку и дорожѣ чулки.

Среди почтальоновъ.

— Къ празднику безпрятнѣ надо новое сапоги покупать...

— Пофрантить хочешь?

— Какое тамъ пофрантить! Просто старые сапоги праздничной ходьбы не выдержатъ... Подметки отвалятся.

Современныя пословицы и поговорки.

У кого—хрючки, у насъ—вѣшалки.

Выгнѣ-бы живого, да судѣ полевой.

Иная шутка, водеть въ Якутку.

Водку пить, жидковъ бить, чѣмъ не парить.

Слово не редактора, въ кѣтку не запреть.

И хороній въсовашка „обѣщывается“.

На всякаго простака по два „шика“.

Все „порядка“ да „порядка“—боги безъ озады.

Смерть близка, а тарыма ближе.

Слишкомъ много экспроприация, итъ-ли гдѣ и промация.

Голенькій—„оухе“, а голотыкаго—въ острогѣ.

Маленькій шеюкъ, а къ старости „обѣка“.

Ласкачаго не бить, а порать.

НЪТЪ.

Теперь не то, что прежде, когда былъ темень свѣтъ;—Прощая вой въ надеждѣ, А въ настошечнѣ—нѣтъ.

Что жъ этому причиной?—Министровъ набивать Намъ будущей картиной Польстятъ, а толку нѣтъ.

Ладвалъ съ почтеннѣмъ Гурко Грешитъ на цѣлой свѣтъ; Клеветъ и рада курка, Да прося больше нѣтъ.

Есть и среди народа Реалистичнѣ тѣма врямѣтъ; Въ семьѣ не безъ урода, Но самородка нѣтъ.

Вотъ и у насъ не въ міру Творить Иваночъ бѣтъ; И всѣхъ зоветь къ барьеру, А самъ поидеть-ли? Нѣтъ.

А музыкальный теній Сыгралъ скандаль—советы, Бѣсать безъ обманеній Онъ радъ, да воли нѣтъ.

Ломбарда управленіе Шлетъ бѣдникамъ врямѣтъ; Открыто утраженіе, Да денегъ только нѣтъ.

Я радъ безъ передышки Тѣтъ продолжать куплетъ, Да въ нашомъ городикѣ Тѣтъ злободневнѣхъ нѣтъ.

Львенокъ.

Изъ записокъ книжки „Паяцъ“.

Кто еще удаляется, тотъ—младенецъ.

Интересно знаетъ: какъ называется черная сотня у петровъ.

Лучшій возрастъ женщинамъ тотъ, во время котораго она не стремится ваяться мележе.

Забастовка.

Въ вѣкъ прогресса, просвѣщеня,
Намъ нужна во всемъ сноровка,
А иначе, безъ сомнѣнья,
Наступаетъ забастовка.

Мужъ женѣ твердитъ: „тм. право,
Деньги тратишь, какъ мотовка“,
А она въ отвѣтъ, лукаво:
„Замолчи... или забастовка...“

Старецъ шамкаетъ кокошкѣ:
„Обожаю васъ плутовка!“
„Что-жъ... условія коротки:
Деньги... или забастовка...“

Вѣкъ двадцатый, вѣкъ прогресса
Мглою насъ окутала ловко,
Подождемъ, спядетъ завѣса,
Бурями выйдемъ забастовка.

Львенокъ.

Весна идетъ.

— Ну, кажется, весны дождался...
— Оставьте вы эти либеральные раз-
говоры! Съ вами еще въ бѣду попадешь...

— Будемъ, землякъ, маевку справлять?
— Да у насъ кажинный день маевка...
Хозяинъ сквалыга такой... Маешься, маешься
цѣлый день въ мастерской...

— Весна идетъ... Молодые побѣги по-
казались...
— Не радуйтесь, батенька... Молодежь
нынче забастовки устраиваетъ... Не вѣрю я
этимъ молодымъ побѣгамъ.

— Потеплѣло, Ванюха...
— Слава тѣ Господи... Ночлежкамъ,
стало быть, кануть, на вольный воздухъ
переселяемся.

Z.

Программа—есть.

— Вы, Иванъ Ивановичъ, я слышалъ,
собираетесь издавать газету?
— Да, есть такое намѣреніе.
— А программу газеты вы уже вы-
работали?
— Ну, разумеется.
— Какая-же ваша программа?
— Она вся въ двухъ словахъ: какъ
можно больше подписчиковъ и какъ можно
меньше расходовъ.

Въ провинціалномъ театрѣ.

За кулисами.
— Статисты въ первомъ дѣйствіи не
заняты?
— Нѣтъ...
— Надъ нихъ послать на галерею,
чтобы они бенефицианту при выходѣ апло-
дировали.

Весенній гимнъ.

Природа оживаетъ,
Воспрянуши отъ сна,
И вновь въ права вступаетъ
Весна, весна, весна.

Влекутъ къ себѣ, ласкаютъ
Насъ солнышка лучи,
И ужъ въ лѣскахъ летаютъ
Грачи, грачи, грачи.

Черезъ мѣсяцъ тонкимъ льдинамъ
Растаять предстоитъ,
И Фофановъ стихи намъ
Отречить, строчить, строчить.

Ужъ идетъ наудачу
Какой-то дачный мужъ
Себя у Спасска дачу
Средь лужь, средь лужь, средь лужь.

Полно все жизнью новой,
И съ гнетомъ тяжкихъ думъ,
Лишь дровяникъ суровый
Угрюмъ, угрюмъ, угрюмъ.

Юнкеръ Тессакъ.

Въ судѣ.

— Вы, Ивановъ, обвиняетесь въ кра-
жѣ брюкъ у мѣщанина Степанова.
— Никакъ нѣтъ.

— Значитъ, виновнымъ себя не при-
знаете?

— Никакъ нѣтъ... Это все нечистая
сила ваше благородіе.

— Какая нечистая сила?

— Вродѣ спиритичества... Я на брюки
дѣйствительно, заглядѣлся, а они проклятые
какъ на меня полѣзли...

— Сами полѣзли?

— Сами... Какъ передъ Истиннымъ... Я
не жуликъ какой-нибудь...

— Гм... Ну, такъ какъ нечистую силу
розыскать трудно, то ужъ вамъ придется
отсидѣть за нее мѣсяцъ въ тюрьмѣ... Если
приговоромъ недовольны, можете обжа-
ловать въ съѣздъ.

— Покорнѣйше благодарю... Много до-
вольны... Ну, попадись мнѣ она проклятая!
Яша.

Среди студентовъ.

— Пойдешь на лекцію?...
— А развѣ сходки сегодня пядѣ
нѣтъ? На сходкахъ веселѣе!

Цѣльная натура.

— Почему вы упражняетесь въ писа-
ніи лѣвой рукой!
— Я изъ числа „лѣвыхъ“—и ничего
„правого“, даже правой руки, не признаю...

НЕВЫГОДНО.

Н. Крестовъ

— Хорошо Иллѣодору кричать: „заложимъ женъ и дѣтей!“ Онъ
ничѣмъ не рискуетъ—монахъ! А каково придется намъ!

Балаганчикъ.

Анекдоты, шутки, пародии.

На улицъ.

— Сынокъ-то твой, Егоровна, здоровъ,
— Повѣшенъ, Петровна, повѣшенъ,
матушка.

Осторожный.

— Послалъ сейчасъ женѣ 10,000 по-
цѣлуевъ!
— Почему же заказимъ писемкомъ?
— Чтобъ не попали въ чужія руки!...

Любезный пріемъ.

— Еще въ январѣ пошелъ мой мужъ
къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ
Дурново... Министръ пріянялъ его очень лю-
безно, попросилъ сѣсть...
— Ну, и что-же?
— Да до сихъ поръ мужъ сидитъ.

На похоронахъ.

— Не знаешь-ли, матушка, кто это
померъ?
— Да вотъ, сказываютъ, генералъ отъ
enfance...
— И какихъ только близвней нынѣ
не выдумаютъ!

Опытный.

— Поздравь меня, дружище! Я женюсь!
— Когда?
— На Красной горкѣ...
— Ну, и будешь потомъ говорить:
„Уходили бурку крутыя горки“...

Раешникъ.

Сегодня у меня программа обширная,
вкусная, какъ патока имбирная, смотри,
дивись, честной народъ, прогрессъ широ-
кимъ шагомъ идетъ, есть картины полити-
ческія, сатирическія и комическія, словомъ,
чего душа хочетъ, кто посмотреть—захо-
четъ.

Право!

Пріѣхалъ силачъ Робинъ, первымъ дол-
гомъ явился ко мнѣ, я сейчасъ же его опи-
салъ и въ раешникъ представить обѣщалъ.
Силачъ, можно сказать, удивительный, си-
лы умопомрачительной, релсы на головѣ
ломаетъ, пятаки двумя пальцами ломаетъ,
что хотите подниметь, да еще черезъ го-
лову перекинуть.

Сильный!

Однако, и онъ попался, на скверную
исторію нарвался. Пригласили его въ управ-
ву городскую и предложили тамъ штуку та-
кую: вы, говорятъ, насъ гириями не удиви-
те, а вотъ дефицитъ намъ поднимите.

Попробуйте!

Усмихнулся Робинъ, эта, говорить,
штука по мнѣ! Ухватился за дефицитъ, по-
натужился, потащилъ его, понатружился, а
онъ проклятый не шелохнется, и откуда
только такая чертовщина берется! Три часа
съ дефицитомъ силачъ бился, наконецъ,
усталъ, отступился,

Не посиламы!

А маленький человекъ Капланъ, под-
нялъ сифту, положилъ въ карманъ, я го-
ворить съ ней въ Херсонъ поѣду и тамъ
одержу блестящую побѣду. Робинъ очень
удивился, съ горя чуть не удавился,
Отъ зависти!

Ко всякимъ грабежамъ привычки жи-
тели, а хуже всѣхъ экспроприаторовъ—бла-
готворители. Карманы наизнанку выворачи-
ваютъ, все въ свою пользу переимчиваютъ.
Пріѣдетъ, скажемъ, оперетка, сейчасъ пуб-
ликѣ конфета: въ пользу благотворителей
пожалуйте, если вы даже ихъ и не жа-
луете.—

Позвольте!

Въ городской больницѣ старые поряд-
ки и съ врачей тамъ взятки гладки. На
больничномъ подъездѣ больныхъ подбира-
ютъ и въ участки отвозить умираютъ,
Замѣчательно!

Въ николаевскомъ комитетѣ биржевомъ
теперь думаютъ только объ одномъ: дайте
намъ портовъ автономію, мы тогда разве-
демъ антимонію. Все къ своимъ рукамъ при-
беремъ, все въ свои руки возьмемъ.—
Свободно!

Капиталы тамъ солидные, а силы у насъ
у всѣхъ видныя, тѣ и другіе только даромъ
пропадаютъ, а капиталы мимо нашихъ рукъ
проплываютъ.

Обидно!

Нужно, значитъ, такъ устроить, чтобы
капиталы утроить, все намъ въ полное вѣ-
дѣніе передать, мы ужъ знаемъ, кому и что
дать.

Будьте покойны!

Отъ такихъ проектовъ головокружи-
тельныхъ, сногсшибательныхъ, умопомрачи-
тельныхъ, обыватель только за голову хва-
тается, по редакціямъ за помощью бро-
сается.

Помогите!

Ничего, обыватель, бѣдненькій, придумали
биржевики проектъ невредненькій,
будетъ тебѣ съ нимъ хлопотъ, можно ска-
зать, полонъ ротъ,

Увидишь!

Дѣлъ.

Современныя объявленія.

Модные галстухи

А! въ Робинѣ изъ тавроваго желѣза, въсомъ
отъ 1 до 3 пудовъ дли гг. атлетовъ получены
въ большомъ выборѣ.

Продаются въ желѣзныхъ лавкахъ.

Билеты прямого сообщенія

до Якутска членамъ Государственной Думы
выдаются бесплатно въ департаментъ почтъ.

Отставной диктаторъ

Новая брошюра. Автобиографія и воспомина-
нія ея-председателя С. Р. Н. Шмидта.

Къ экзаменамъ

Получить большой выборъ подстрочниковъ.
Продаются, конечно, вездѣ.

ДЕНЬГИ

съ удовольствіемъ возьму у всякаго, кто за-
хочетъ дать безъ отдачи подъ большіе про-
центы.

НУЖНА КВАРТИРА

музыкальному обществу, желательна без-
платно.

Охотно подписываемъ

какіе угодно документы: протесты, пріи-
ятельныя адреса, особая мѣтѣнъ, единогла-
сныя постановленія и пр.
Преподаватели музыкальнаго училища.

Я страдаю бессонницей!

Но однажды зашелъ въ засѣданіе смѣшан-
ной комиссіи по вопросу о нормальномъ от-
дыхѣ и тамъ превосходно высказался. Это сред-
ство бесплатно рекомендую всѣмъ, страдаю-
щимъ бессонницей.

Связный приказчикъ.

Господамъ покойникамъ

рекомендую особо удобные, комфортабельные
гробы.

Попробуйте и убѣдитесь!

Ни одинъ изъ похороненныхъ въ нашихъ гроб-
ахъ покойниковъ не заявлялъ на нихъ про-
тестовъ.

Погребальное бюро „Гакофонія“.

За невадобностью даромъ

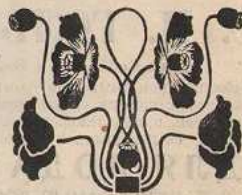
отдается много лишнихъ типографій въ Ни-
колаевѣ.

Долговъ не плачу

не только за жену, но и своихъ собственныхъ.
Обдираювъ.

Къ предстоящимъ праздникамъ

получены огромный транспортъ кастороваго
масла, клястировъ и пр. Всѣ средства отъ
послѣдней обкорства въ большомъ выборѣ.
Аптека X.

Редакторъ-издатель Н. Н. ЛЕПЕТИЧЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ **„ПАЯЦЪ“** А. Д. ВИШНЕПОЛЬСКИЙ
по организациі розничной продажи журнала „ПАЯЦЪ“ Уголь Спасской и Глазенаповской ул. 6.
Иногороднымъ высылка журнала по редакціонной цѣнѣ.

Открыта подписка на художественно-сатирической журналъ

„ПАЯЦЪ“.

Подписная цѣна на три мѣсяца (съ 1 апр.—по 1 іюля, 13 номеровъ) 1 р. 25 к.

Подписка принимается: 1) въ типографіи бр. Бѣлолипскихъ, 2) въ книжно-газетной торговлѣ Ваксмана,
3) въ магазинѣ „Босфоръ“.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Продолжается подписка на 1907 годъ.
„Николаевская Газета“
ежедневная политическая и литературная газета.
Особенное вниманіе редакция удѣляетъ крестьянскому быту. Помимо разработки крестьянскаго вопроса въ статьяхъ, редакціей организована сеть корреспондентовъ въ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ, тяготеющихъ къ городу Николаеву. Редакціей приняты мѣры для быстрого получения самыхъ полныхъ свѣдѣній о ходѣ занятій
Государственной Думы.
Подписка на „НИКОЛАЕВСКУЮ ГАЗЕТУ“ принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.
Подписная цѣна:
Съ доставкой и пересл. на 1 годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р. 75 к., на 3 мѣс. 2 р. на 1 мѣс. 30 к. Безъ дост. и пересл. на 1 годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р. 25 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 75 к.

Фотографія Л. Л. Коносевица,
уголь Больш.-Морской и Рождественской, № 39.
Фотографическіе снимки съ ученицъ и учениковъ
всѣхъ учебныхъ заведеній гор. Николаева
по особенной уступкѣ.

ВИННАЯ ТОРГОВЛЯ
Исаака Іосифовича ШИШМАНА.
Г. Николаевъ, уг. Херсонской и Глазенаповской.
Получить къ предстоящимъ праздникамъ большой выборъ выдержанныхъ русскихъ виноградныхъ винъ, а также всевозможная домашняго вина.
Цѣны самыя умѣренныя, продажа оптомъ и по мелочи.

Къ предстоящимъ свѣтлымъ праздникамъ.
Берлинскій магазинъ
С. М. ГОЛЬБЕРГЪ,
уголь Соборной и Б.-Морской ул.
Снабженъ громаднымъ выборомъ фарфоров., хрустала, эмалирован., посуды, столов., ножей, самоваровъ и др. хозяйствен. принадлежностей, а также получена масса изящныхъ и полезныхъ вещей
ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.
цѣны самыя доступныя.

Въ магазинѣ Д. И. ЛИТВИНЕНКО
ПОЛУЧЕНЫ
ОКОРОКА
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
МУКА Феодосійская, Алтунджи, Одесская, Вайнштейна и др.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КОНФЕКТЬ,
Вина, водки, ликеры, коньяки
ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ.

Николаевская старина

Татьяна Николаевна Губская родилась в Николаеве. После окончания средней школы № 12 работала секретарем, а с 1977 года и до настоящего времени – в Николаевском областном краеведческом музее. Прошла путь от смотрителя залов до старшего научного сотрудника. Окончила исторический факультет Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. Основными рабочими темами её исследований являются: церковь и народное образование, военное духовенство края, памятники Николаевского некрополя.

Она является автором картотеки персоналий священнослужителей Херсонской губернии (конец XVIII – XX вв.). Автор книг «Военное духовенство и священники Николаева. Исторические очерки», 2006 г., «Город мраморных ангелов», 2010 г. и «Апостол Севера и Юга: митрополит Кировоградский и Николаевский Нестор (Анисимов)», 2011 г.

Т.Н. Губская является победителем IX Всеукраинского конкурса журналистов, 2007 г. Ей присуждено высокое звание «Горожанин года» в номинации «Культура», 2012 г. (за книгу о Николаевском некрополе «Город мраморных ангелов»). Она автор многочисленных теле- и радиопередач, выставок и статей, посвященных краеведению.

Татьяна Губская

Т. Губская «Город мраморных ангелов»

(главы из книги)

Ранние могилы некрополя

В самом начале существования Николаева архитектор Иван Князев нанес на плане города жилые кварталы, улицы, будущие рынки и участки под кладбище. Этот участок находился на значительном расстоянии от городского центра, который располагался вблизи верфи. Первые могилы горожан, захороненных в некрополе в конце XVIII – начале XX веков, не сохранились. Краеведы Николаева, в частности Юрий Крючков и Наталья Кухар-Онышко, считают, что в некрополе были погребены: И. Афанасьев, М.И. Афонин, И.Х. Даль, К.И. Даль, П.М. Захарьин, М.Г. Ливанов, И.И. Хемницер. Все они оставили заметный след в истории Отечества и Николаева. К сожалению, не все могилы сохранились. Но мы вспомним их, памятуя: пока сохраняется имя – память жива.

Афанасьев Иван (ок. 1730 – 1794 гг.)

Кораблестроитель и бригадир. В 15 лет начал службу на Балтийском флоте, позже занимал должность корабельного мастера, строил суда (многие – по собственным чертежам). Работал в Херсонском адмиралтействе в 1791 г., откуда был направлен в г. Николаев. Здесь руководил постройкой первого 90-пушечного корабля «Святой Павел», который стал флагманским судном адмирала Ф.Ф. Ушакова во время Средиземноморской экспедиции Черноморского флота.

Афонин Матвей Иванович (1736 – 1810 гг.)

Публичный ординарный профессор натуральной истории и земледелия. С отличием окончил Московский университет, продолжил обучение за границей: изучал ботанику, земледелие, горные науки. По возвращении преподавал в Московском университете минералогия, земледелие, естественную историю. С 1777 года проживал в Крыму, где проводил астрономические наблюдения с ученым Палласом. Воспоминания о жизни Афонина в г. Николаеве сохранились в книге В. Измайлова «Путешествие в полуденную Россию в 1799 году» (1805 г.). Вместе с М.Г. Ливановым занимался изучением природных ресурсов Николаевщины. Скончался в бедности.

Даль Иоганн Христиан (1764 – 1821 гг.)

Главный доктор Черноморского флота и портов, статский советник. Отец В.И. Даля. Датчанин. Обладал обширными знаниями, знал много языков. По приглашению Екатерины II работал ее библиотекарем, затем учился на медицинском факультете в Германии. С 1805-го – на вышеуказанной должности, занимал также должность старшего санитарного инспектора.

Даль Карл Иванович (ок. 1803 – 1828 гг.)

Лейтенант российского флота, астроном-любитель, брат В.И. Даля. Окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, был выпущен в звании гардемарина. С 1820 года – в Николаеве, крейсировал на разных судах, занимался описанием берегов Черного моря. Будучи любителем астрономии, вместе с адмиралом А.С. Грейгом и директором Николаевской морской обсерватории К.Х. Кнорре занимался астрономическими наблюдениями, результаты которых публиковались в международных астрономических сообщениях.

Захарьин Петр Михайлович (1744 – 1799 гг.)

Поэт, писатель. Проживал в городе Тамбове, зарабатывая на жизнь обучением дворянских детей русскому и немецкому языкам. Исполняя поручение Г.Р. Державина, составил речь, посвященную открытию в городе народного училища (1786 г.). Успех речи и признание императрицы Екатерины II подвигли его на создание книги «Путь к благонравию, или Сокращенное наставление юношеству, содержащее в себе полезные и нравоучительные правила для всякого звания и состояния людей». Позже, в 1795 году, был опубликован его роман «Арфаксад. Халдейская повесть, содержащая в себе образ жизни и нравов древних восточных народов...». Ею восторгался адмирал Н.С. Мордвинов, он и пригласил автора, проживавшего в Москве, переехать в Николаев. Здесь П.М. Захарьин получил офицерский чин и место преподавателя в кадетском корпусе (в 1796-м преобразован в штурманское училище). Книги его переиздавались в Черноморской адмиралтейской типографии, печатались новые произведения, в том числе поэма «Пожарский» о событиях 1612 года.

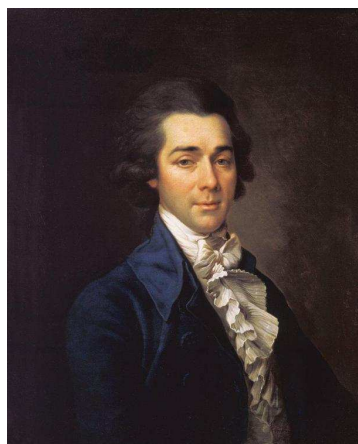
Подтверждением того, что Петр Захарьин был погребен именно в Николаеве, может служить запись в одной из метрических книг Адмиралтейского собора: «24 марта 1799 года. Погребал протоиерей Ефимий Савурский в Соборе отставного капитана Петра Захарьина, коему от роду 55 лет».

Ливанов Михаил Григорьевич (1751 – ок. 1800 гг.) Профессор земледелия, агроном и животновод. Надворный советник. Участник штурма турецкой крепости Очаков (декабрь 1788 г.). Учился в университетах в Москве и Оксфорде, стажировался в Англии. По рекомендации Екатерины II Г.А. Потемкин в 1786 году направил его в Крым для освоения земель. В 1790-м М.Л. Фалеев пригласил М.Г. Ливанова в Богоявленское для организации школы земледелия. По заданию князя Потемкина Ливановым были написаны книги по земледелию, скотоводству и животноводству.

Латышев Лука Андреевич (ок. 1770 – после 1834 гг.) Преподаватель математики Черноморского штурманского училища. В молодые годы плавал на кораблях Черноморской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова. Участник штурма крепости Корфу периода Средиземноморского похода 1798–1800 гг.

Богданович Петр Григорьевич (1763 – 4.06.1834 гг.) Петр Григорьевич Богданович был действительным статским советником, членом конторы Главного командира Черноморского флота, участником русско-турецких войн в должности зам. командира Полтавского полка. За свои воинские подвиги получил от Екатерины II обширные земли

на Николаевщине. И он, и его жена Ефросинья были погребены в Николаевском некрополе. Могила Богдановича была обнаружена в апреле 2011 года рядом с могилой его дочери, Прасковьи Богданович (в замужестве Даниловой).

Хемницер Иван Иванович (1745 – 1784 гг.) Спорным является вопрос о погребении в Николаевском некрополе известного русского поэта-баснописца Ивана Ивановича Хемницера. Немец по происхождению, сын обрусевшего штаб-лекаря, он в 13 лет добровольно, скрыв истинный возраст, поступил рядовым на русскую службу. Служил офицером связи при генерал-аншефе князе А.М. Голицыне в период Семилетней войны 1756–1763 годов. Выйдя в 1769 году в отставку, занялся изучением литературы, минералогии, прославился как автор басен, од, эпиграмм. В 1779-м анонимно издал книгу «Басни и сказки». С 1782 по 1784-й являлся консулом России в городе Смирна (Турция). Скончался недалеко от места службы, в городе Бурнаве. Первоначальным местом погребения считается Смирна, но из-за принадлежности к христианской церкви (поэт был лютеранином) его могли перезахоронить с мусульманской территории.

В Николаеве некоторые краеведы выдвигали свои версии относительно судьбы останков поэта. О.Ф. Ковалева и В.П. Чистов считают, что поэта перезахоронили в Николаеве. Их мнение основано на конкретном факте: на титульном листе посмертного издания «Басен и сказок» Хемницера (1799 год) художник М. Иванов изобразил колонну-надгробие с надписью «И.И. Х. в Никол. Р». Этой же версии придерживается известный археолог и архивист Н.Н. Бантыш-Каменский.

Протоиерей П.П. Еланский в своем исследовании «Местные исторические монографии» (Николаев, 1896 г.) предполагал, что поэт скончался «проездом из Смирны в Николаеве в 1793 году». Это предположение кажется наиболее вероятным. Где могла находиться могила великого баснописца, если он был похоронен в Николаеве, – можно лишь предполагать. Скорее всего, в самом старом секторе (сегодня он вплотную примыкает к Всехсвятской церкви), в этом секторе в начале XIX века хоронили лютеран. Вскользь о погребении поэта в Николаевском некрополе упоминал и николаевский краевед Николай Дмитриевич Лагута.

«Муж чести и добра»

Михаил Леонтьевич Фалеев

Справа от церкви находится часовня над склепом семьи Аркасов. Никто из посещающих церковный двор не проходит мимо: творение итальянского архитектора Улисса Камби действительно заслуживает внимания. И многих искренне удивляет присутствие в часовне мемориальных досок с разными фамилиями: кроме Аркасов тут покоится... Михаил Леонтьевич Фалеев, один из основателей нашего города. Дата его смерти – 1792 год – приводит некоторых посетителей к мысли, что Аркасы погребены в склепе М.Л. Фалеева.

Объясняется это совершенно иначе.

«Погожим осенним днем в конце октября 1936 года на площади возле бывшего Адмиралтейского собора, у могилы одного из основателей Николаева Михаила Леонтьевича Фалеева, собралась группа людей. Это были представители комиссии, которой Николаевский горсовет поручил снести памятник и вскрыть могилу: от художественно-исторического музея – тов. Барцевич, от горфинотдела – тов. Фаермак, от комхоза – тов. Побеляцкий, от НКВД – тов. Берловский.

Рабочие разобрали изящный пирамидальной формы обелиск, и камень в тот же день свезли во двор музея. Сняли фундамент – и открылась тщательно выстланная площадка. Сбоку от нее обнаружили вход в склеп. По лестнице члены комиссии спустились вниз, в помещение довольно значительных размеров – где-то около двух с половиной на четыре метра.

В одном из углов стояло Андреевское знамя, в другом – Российское государственное.

М.Л. Фалеев

Между ними приставлена к стене крышка деревянного гроба. Посреди обитого черным склепа, на беломраморном постаменте, под черным же бархатным покрывалом, стоял большой дубовый гроб, внутри которого находился еще один – цинковый. В ногах положена треуголка, справа от нее – морской палаш, слева – шпага. Цинковый гроб был запаян, и пришлось вызывать заводских специалистов. Они прорезали крышку.

Останки Фалеева лежали, полностью сохраняя форму: с седоватыми волосами на голове, усами и малой бородкой, в парадном золотого шитья мундире, на груди и на шее – кресты. В сложенных руках заметна догоревшая до конца свеча.

Представитель НКВД сразу же изломал знамена, а треуголку выбросил наружу. Когда снимали орден, мундир на трупе стал разрушаться: ткань истлела и осыпалась. Когда сняли ценности, гроб закрыли, уже не запаивая, обвязали проволокой и на подводе отправили на кладбище, где он был установлен в Аркасовском склепе. А место вечного уединения одного из основателей нашего города было взорвано и завалено камнями...»

...Исследователи пока не определили ни точной даты рождения Фалеева, ни места, где он появился на свет. Зато был Михаил Леонтьевич известен на всю Российскую империю как владелец фабрик и судов, обладатель 24 тысяч десятин земли в Новороссии, поставщик всех казенных запасов и провианта на всю российскую армию. А еще говорили о нем, что «...богатейшего человека почти нигде не было из числа российского купечества».

Приписан он был к купеческому обществу города Кременчуга, но нельзя не упомянуть его как военного человека, стремительно поднявшегося по служебной лестнице от поставщика армии до подполковника. За два года до своей смерти получил он свой последний чин – адмиралтейского обер-штер-кригс-комиссара – для заведования всеми денежными расходами по судостроению Черноморского флота.

Однажды основатель нашего города князь Григорий Александрович Потемкин разглядел в скромном поставщике армии будущего сподвижника и друга. Именно ему посвящены сотни писем светлейшего князя, и все – о постройке верфи, об устройстве магазинов, церквей, монастыря, кузниц, оружейных заводов. На руках Михаила Леонтьевича Фалеева Потемкин и скончается 5 ноября 1791 г., в степи под Яссами. И на плечи Фалеева ляжет тяжкий груз и нововозводимой верфи, и самого города. Однако 18 ноября 1792 года Михаил Леонтьевич сам отойдет в вечность.

Полученные при жизни деньги, награды, деревни, земли – все осталось родственникам. В 1790 году, в возрасте приблизительно 50 лет, М.Л. Фалеев составил завещание, в котором распорядился служивших при нем дворовых людей отпустить на волю. А последние слова его завещания и вовсе чудесны: «Со всех тех, кои должны мне по векселям и щетам, не взыскивать денег, по смерти моей возвратить им векселя и щеты уничтожить».

Михаил Леонтьевич Фалеев был погребен у алтарной стены недостроенного на то время собора во имя святого Григория Великия Армении (позже он станет известен как Адмиралтейский собор). На могиле его была бронзовая табличка, каким-то чудом она сохранилась до наших дней и сегодня хранится в Николаевском краеведческом музее.

Надпись на табличке гласит: «Обер-штер-кригс-комиссар флота, бригадир и кавалер Михаил Леонтьевич Фалеев – муж чести и добра, ревностный помощник князя Потемкина Таврического в деле образования Черноморского флота. Скончался 18 ноября 1792 года, в 6 часу пополудни, после 10-дневной болезни».

Казарский Александр Иванович

(1798 – 1833 гг.)

Военный моряк, капитан 1-го ранга, флигель-адъютант. С 13 лет – волонтер Черноморского флота. В 1813 году был произведен в гардемарины, через год – в мичманы, в 1819-м – в лейтенанты. Служил в Дунайской флотилии с 1815 по 1820-й. В 1826 году командовал транспортом «Соперник». Был участником русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Командир знаменитого брига «Меркурий»: 14 мая 1829 года выиграл бой с двумя турецкими кораблями, пытавшимися захватить бриг в плен, и обратил корабли в бегство. За это сражение был произведен императором Николаем I в чин капитана 2-го ранга и во флигель-адъютанты, а также награжден орденом Святого Георгия Победоносца 4-й ст. Кроме того, в родовой герб Казарского был внесен пистолет – как напоминание о подвиге. В память о победе брига императорским распоряжением в русском флоте было всегда велено иметь суда с именем «Меркурий».

А.Н. Казарзкий

Могила А.Н. Казарзкого. Автор — академик В. Авдеев

Позже командовал фрегатом «Поспешный», кораблем «Тенедос». В 1831 году состоял при особе императора, выполняя его поручения. За это был ему пожалован чин капитана 1-го ранга.

С 1829 по 1831 годы входил в комиссию по ревизии Севастопольского порта. После этого служил в Николаеве до внезапной кончины в июне 1833 года.

Проект памятника из черного мрамора, установленного на могиле Казарского спустя 30 лет, в 1865 году, был создан академиком архитектуры В. Авдеевым. Одна из улиц Николаева носит имя героя.

Прокофьев Иван Петрович

(1794 – 1865 гг.)

Штурман брига «Меркурий». Службу на флоте начал поручиком Корпуса флотских штурманов. Участник русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Окончил Черноморское штурманское училище. В 1818 – 1828 гг. плавал в Черном море. В 1829 г., будучи штурманом брига «Меркурий», первым (как младший по званию из офицеров) высказался за подрыв брига в случае угрозы захвата судна в плен. За отличие в сражении был произведен в штабс-капитаны, награжден орденом Св. Георгия IV ст. и пенсией двухгодичного оклада жалования. В память о подвиге в его фамильный герб было внесено изображение пистолета.

Участник Крымской войны: за участие в боях при защите г. Севастополя был награжден орденом Св. Анны II ст. с мечами. В 1860 г. произведен в полковники с увольнением от

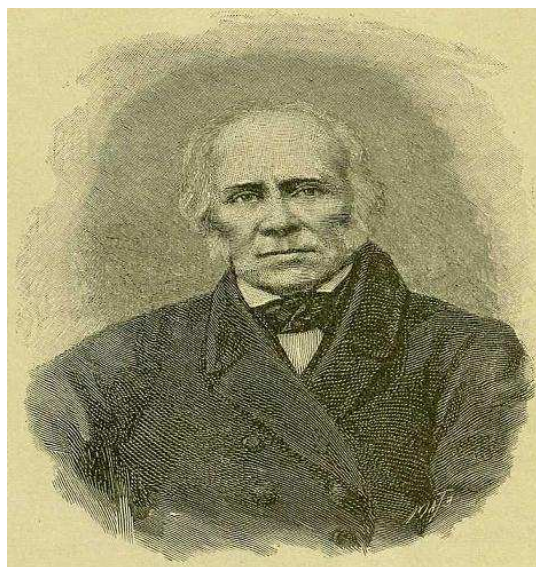
службы. В делах ГАНУ сохранились сведения о том, что сын И.П. Прокофьева – Михаил Иванович – просил разрешения на перенос праха своего отца во вновь устроенный склеп вблизи церкви, т.е. речь идет о том, что первоначально штурман был погребен в другом месте. Современный помпезный памятник на его могиле проф. Ю.С. Крючков считает не первоначальным: по его воспоминаниям, на могиле И.П. Прокофьева стоял скромный обелиск.

Спиридонов Федор Евстафьевич (1810-е – 1894 гг.) Штурманский ученик, выпускник Николаевского Черноморского штурманского училища. Автор брошюры «Воспоминание о подвиге брига «Меркурий» 14 мая 1829 года». Известен как любитель театра и музыки, автор кантаты «Черноморская стража». В г. Николаеве проживал по адресу: ул. Адмиральская, 27. Сохранившийся на его могиле памятник – не первоначальный: он был установлен в 1972 году Николаевским областным краеведческим музеем, об этом свидетельствует надпись на памятнике. Основной текст: «Спиридонов Федор Евстафьевич. Участник боя брига «Меркурий» с турецкими кораблями 14 мая 1829 года. Умер в 1894 году».

Каразин Василий Назарович

(1773 г. – 4 ноября 1842 г.)

Из четырех сохранившихся на кладбище часовен, сооруженных над склепами, три являются безымянными, а четвертая возведена на могиле В.Н. Каразина – ученого, просветителя, общественного деятеля и публициста первой половины XIX века. Родился он в с. Кручик Харьковской губернии в дворянской семье. Образование получил в Горном корпусе в Санкт-Петербурге. Служил в государственном архиве в Министерстве народного просвещения, где создал специальный печатный орган этого ведомства, орган назывался «Периодические сочинения об успехах народного просвещения». В.Н. Каразин – создатель первого на Украине университета, который появился в г. Харькове. Он же создал типографию, где печатались первые украинские журналы. В 1819 – 1820 годах господин Каразин являлся вице-президентом вольного общества любителей российской словесности. Он был ученым с энциклопедическим складом ума, первым украинским научным публицистом.

Будучи автором ряда проектов, направленных на прогрессивное переустройство России и отмену крепостного права, Василий Каразин попал в немилость к российскому правительству и был выслан на Украину. В г. Николаеве служил его сын Филадельф – чиновник особых поручений при Главном командире Черноморского флота. В октябре 1842 Василий Назарович направлялся в Крым для научных исследований, но заболел и вынужден был приехать в г. Николаев. 16 декабря 1842 года он скончался на руках генерала Николая Михайловича Кумани в доме по адресу: ул. Бульварная (совр. Пушкинская), № 4.

Часовня над могилой Каразина имеет вид каменного квадратного сооружения высотой 5,5 м (до подножия креста на куполе). Могила самого В.Н. Каразина находится сразу у входа, за металлическими, некогда ажурными, дверями. На памятнике из белого мрамора надпись: «Виновник учреждения в России министерства народного просвещения, основатель Харьковского университета, учредитель и правитель Филотехнического общества, водворитель цветущей торговли и благосостояния граждан в г. Харькове,

естествоиспытатель, подавший первый мысль о возможности сделать из метеорологии науку точную, полезную для людей, почетный член разных ученых обществ, русских и иностранных».

На старых фотографиях хорошо видны надписи на мраморных плитах, составляющих памятник. Одна была вмурована над некогда решетчатыми дверями и гласила: «Основатель Харьковского университета Василий Назарович Каразин. Род. в с. Крючике Харьковской г. 1773 – 1842 гг.».

Вторая надпись – на мраморной стеле: «Василий Назарович Каразин. Родился в селе Крючике Харьковск. губ: Богодуховского уезда 1773 года генваря 30, скончался в гор. Николаеве Херсонской губ: 1842 года ноября 4 дня в 8 часов вечера». Вокруг всего склепа была невысокая ажурная ограда. В архиве инспекции охраны памятников истории и культуры Николаевской области хранится свидетельство жительницы г. Николаева Л.Г. Червяковой. Она утверждала, что еще до 1972 года на белом мраморном постаменте на могиле Василия Назаровича находился его бюст из белого мрамора.

В 1904 году газета «Южная Россия» в номере от 15 января сообщила интересные факты: «По Соборной (совр. Советской. – Авт.) улице, в доме № 60, проживает Евдокия Давидовна Соколова, много лет служившая в семье В.Н. Каразина. Будучи сильно привязана к семье своих бывших господ, она по смерти В.Н.К. и его внука соорудила над могилой обширный мавзолей-часовню, потратив свыше 1000 руб. Была на содержании у ночного сторожа, который имел 12 руб. в месяц и еще был вынужден нанимать квартиру». Автор статьи обращался к благотворительному обществу с просьбой устроить Соколову Е.Д. в приют.

Вопрос состояния и ремонта часовни над могилой В.Н. Каразина беспокоил николаевскую общественность. В «Отчете попечителя Николаевского городского православного кладбища» за 1891 г. есть такие записи: «Получено из Харьковского университета, через посредство Городской управы, на исправление памятника на кладбище В.Н. Каразина 298 р. 43 к.» И еще: «Заплочено за исправление и переделку часовни над памятником В.Н. Каразину 298 р. 98 к.».

В 1902 году Оскар Адольфович Энkvист, Николаевский градоначальник, отправил письмо на имя ректора Императорского Харьковского университета, в котором описал бедственное положение часовни: от крыши до фундамента тянулась сквозная трещина, потолок и стены требовали штукатурных работ; требовал ремонта и цементный пол. Им же была определена и необходимая сумма – 1000 рублей. В ответе было много выражений о почтении и благодарностей, однако с деньгами просили повременить до весны. Только в августе 1903 года ректор сообщил о том, что министр народного просвещения «разрешил израсходовать из специальных средств Харьковского университета тысячу рублей для исправления намогильного памятника В.Н. Каразина...».

Могилка В.Н. Каразина. С открытки издания А.С. Суворина. 1912 г.

Инициаторами ремонта часовни выступили бывшие студенты Харьковского университета, проживавшие в начале XX века в г. Николаеве: старший врач

градоначальства Л.Г. Ратнер, главный врач городской больницы Л.В. Смирнов, доктора П.И. Гончаров и Г.С. Зайднер. В августе 1903 года Ратнер в письме градоначальнику просил присоединить всех бывших студентов к комиссии по ремонту часовни. О.А. Энквист отправил письмо попечителю кладбища Петру Алексеевичу Михайлову, в котором просил:

1 – образовать такую комиссию;

2 – возглавить ее;

3 – привлечь в комиссию и.о. архитектора градоначальства Константина Петровича Паризо-де-ла-Валетт и бывших студентов университета.

В декабре был готов отчет П.А. Михайлова о результатах осмотра памятника над могилой и самой часовни. Состояние объекта было настолько удручающее, что 1000 руб. не могли решить вопрос, их хватило бы только для ремонта. Комиссия рискнула просить еще... 3 тысячи рублей для сооружения новой часовни. Таких денег у Императорского университета, естественно, не нашлось...

Ремонты советского периода значительно изменили как внешний вид часовни, так и внутренний. Исчезли ограда, ажурная решетка, мраморные таблички над входом. Могилы сына и внука Василия Назаровича были безлико оцементированы, на них нет даже имен погребенных. Склеп постоянно «обживают» то бездомные горожане, то молодежные группировки, которые пытаются самовыразиться через надписи не всегда литературного характера (судя по надписям, авторами являются готы, скинхеды, эмо, сатанисты).

Краеведы замазывают, забеливают, отмывают все эти свидетельства идеологии, не имеющие никакого отношения к «виновнику учреждения в России министерства народного просвещения...».

Пантусов Николай Николаевич

(1849 – 1909 гг.)

Этот семейный склеп Пантусовых, над которым возвышается памятник из белого мрамора, уникален. Поскольку мало найдется в некрополе Николаева могил, в которых погребены ученые мирового масштаба. Здесь покоится Николай Николаевич Пантусов – востоковед широкого профиля, археолог, историк, лингвист, нумизмат, этнограф. В 1871 году он окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, учился у известного профессора В.В. Григорьева. Позже преподавал в Одесском Ришельевском лицее, где написал свою магистерскую диссертацию о ярлыках, которые ханы Золотой Орды выдавали русскому духовенству. Он получил золотую медаль за дипломное сочинение о географической литературе арабов, что дало ему право остаться в университете для подготовки к профессорскому званию на кафедре истории

Востока.

Но, как истинный исследователь, Николай Николаевич предпочел службу в Туркестанском крае и 36 лет сочетал службу чиновника с научными занятиями. Основной его целью были сбор и изучение востоковедческих рукописей. В 1889 году Н.Н. Пантусов стал действительным членом Московского археологического общества, а в 1895-м был избран членом-корреспондентом Императорской археологической комиссии. За год до смерти Николай Николаевич вернулся в свой родной город. В знаменитом «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона Н.Н. Пантусов назван «ориенталистом, издавшим несколько ценных исследований по истории среднеазиатских областей».

В Николаевском областном архиве сохранилось прошение надворного советника Григория Иванова о вскрытии фамильного склепа Пантусовых для погребения в нем коллежского советника Сергея Николаевича Пантусова, умершего 8 марта 1900 г.

Несмотря на то, что надписи на камне сохранились плохо, удалось прочитать имена и других погребенных в этом склепе: Сергей Сергеевич Пантусов (19.06.1879 – 19.01.1937 гг.); Пантусова В.К. (1881 – 1970 гг.); Мария Михайловна Пантусова (25.03.1857 – 26.04.1919 гг.); Бален Б.В. (1906 – 1938 гг.); Бален Е.С. (1887 – 1963 гг.); Ворожейкин (даты жизни и смерти не читаются).

Рюмин Владимир Владимирович

(1874 – 1937 гг.)

Заслуженный педагог, деятель технических наук. Окончил Лодзинское высшее ремесленное училище, затем учился в Харьковском технологическом институте. Преподавал строительное искусство и железнодорожное дело в Николаевском техническом железнодорожном училище. По совместительству работал на местном ракетном заводе. Автор свыше 100 книг и более тысячи статей. Редактировал и издавал в Николаеве журналы «Физик-любитель» и «Электричество и жизнь». Кроме того, известен как автор 90 приключенческих, научно-фантастических и юмористических повестей.

В.В. Рюмин одним из первых оценил деятельность К.Э. Циолковского: в 1905 году он опубликовал сообщение о нем в журнале и стал страстным пропагандистом научных идей выдающегося ученого. Рюмин одним из первых представил российской общественности Циолковского как основоположника космонавтики.

На памятнике из розового гранита, установленном на могиле известного николаевца, надпись: «Здесь похоронен заслуженный педагог, деятель науки, друг и пропагандист идей К.Э. Циолковского В.В. Рюмин...». Ниже приводятся слова из письма Циолковского,

адресованного Рюмину: «...В смелости я вас считаю первым, также в деликатности и глубине ума».

Вандализм на кладбище

Истинное бедствие обрушилось на некрополь весной 1913 года. В газетах сначала мягко характеризовали случившееся как «непорядки на местном православном кладбище». Но на самом деле речь шла о вопиющем факте вандализма: было разрушено 28 памятников прямо в центре, в части, примыкающей к восточной ограде церкви. Журналисты отмечали: этот район принадлежит к числу древних, и здесь хоронили покойников начиная с двадцатых годов XIX века.

Некоторым памятникам «повезло» – с них только сбили кресты. Особенно же пострадали памятники на могилах Ивановой, Шубович, Карабчевской, Ярнштедт, Маркович, Строкова, Литвинова, Воробьева, Сорокина и др. Следствие установило, что действовали «большим дрючком с железной обшивкой». При этом злоумышленников было не менее трех, «...ибо некоторые из памятников сделаны из тяжелого мрамора и разрушить их представляет труд немалый».

Следы невиданного доселе разгрома были обнаружены утром. Смотритель кладбища Илья Михайлович Удодовский немедленно сообщил о случившемся приставу 1-й Адмиралтейской части. Вскоре на кладбище прибыли сам начальник сыскного отделения и другие чины полиции. Одним лишь тщательным осмотром места происшествия они не ограничились, привели собак-ищеек, и те напали на следы злоумышленников. Следы вели к стене кладбища, которая граничила с территорией другого кладбища – старообрядческого. Но далее, за самой стеной, следы терялись.

Следствие пришло к выводу, что причиной случившегося могла быть пьяная удаль разгулявшихся «добрых молодцев», хотя предполагались и другие причины. Охранниками на кладбище состояли два ночных сторожа, которые обязаны были каждые полчаса бить в

часовой колокол. Сторожа утверждали, что звуки бьющегося мрамора не были слышны. Очевидно, их заглушал колокольный звон. Памятники могли разрушить и в тот момент, когда один сторож поднимался на колокольную звонницу к заутрене, а другой внутри храма делал необходимые приготовления к богослужению.

Трудно сегодня, спустя столько лет, делать выводы на основании довольно скудных газетных строк. Другая версия, которую выдвинула кладбищенская администрация, состояла в следующем: разрушение памятников было проявлением мести, поскольку в период с 1911 по 1913 годы против кандидатуры И.М. Удодовского шла скрытая борьба, не все хотели видеть его на должности смотрителя кладбища.

Это был не единственный случай, когда проблемы, связанные с православным кладбищем, нашли широкое отражение в прессе. Еще в начале 1913 года в газетах появилось сообщение о том, что на кладбище имели место «совершенно недопустимые вещи», а именно: разрывали могилы, скелеты умерших выкапывали и... подбрасывали в ров, ведущий к некрополю от хутора Водопой. Здесь же приводилась леденящая душу история. У купца С. Железнякова в течение полугода одна за другой умерли две дочери: при погребении младшей якобы была нарушена крышка гроба старшей сестры, часть ее останков выброшена наружу, тело же младшей дочери помещено на костях старшей.

Пресса живо обсуждала и такие факты: при устройстве глубоких склепов в районе погребения воинов как будто имели место кощунственные действия – выбрасывали кости воинов, погребенных ранее. Видимо, в статье речь шла о погибших воинах второй половины XIX века, то есть героев Крымской войны.

Однако при тщательном расследовании всех этих фактов – а они не могли остаться незамеченными – все оказалось намного проще и, к счастью, неправдой. Вышеупомянутые сведения исходили от уволенного за «предосудительное поведение» обивщика гробов Семена Семина, работавшего при погребальной конторе и одновременно являвшегося распорядителем погребальных церемоний. Следствие установило, что он один общался с газетчиками и, видимо, обзавясь за свое увольнение, возвел поклеп на кладбищенское начальство, придумывая страшные истории. Попечитель

кладбища Иван Акимович Баптизманский просил о немедленном расследовании, и член городской управы А.Ф. Грачев представил отчет, в котором раскритиковал газетчиков за непроверенные факты.

Можно предположить, что вся развернутая в газетах «суэта» вокруг кладбища основывалась, опять-таки, на нежелании определенных лиц городского управления видеть на должности смотрителя городского кладбища господина Удодовского. Ведь именно он после вынесения нескольких выговоров и временного отстранения уволил Семена Семина.

Разрушителей памятников не нашли. А жаль, ибо их ожидало суровое наказание: специальное законодательство под названием «Уложение о наказаниях» от 1845 года предусматривало 12 лет каторжных работ за разрытие могилы. Уничтожение или повреждение надгробного памятника каралось тюремным заключением на срок от 4 до 8 лет, а кража на кладбище – годом тюрьмы или ссылкой в Сибирь.

Напомним, что в 1918 году Совнарком подписал Декрет о кладбищах и похоронах, согласно которому все места захоронений и организация похорон переходили в ведение местных Советов, а духовные лица от управления кладбищем отстранялись.

* * *

Эрнест Вильгельм Дримпельман

(1758-1830)

«Записки немецкого врача о России конца XVIII века»

Николаев в 1788* году

20-е Мая 1788 года было тем вожделенным днем, когда мы проехали степь и стали приближаться к месту нашего назначения – Николаеву. Но как сильно я был удивлен, извозчик, которого я подрядил из Елисаветграда, вдруг остановился и хотя я не видел ничего, кроме отдельных хижин их тростника и часовых, объявил мне, что тут и есть Николаев. Мне показались это тем невероятнее, что еще два года тому назад я слышал, что оказывается на Буге основали город, который будет носить имя Николаева. Что же могло быть естественнее, как предполагать и ожидать здесь домов и жителей.

В приказе кригс-комисару Плетневу значилось, что по прибытии в Николаев я должен явиться к бригадиру Фалееву. Ближайшее осведомление у часовых показало, что слова извозчика были справедливы и что я действительно нахожусь в самом Николаеве. Более обстоятельная справка о том, где я могу найти больных солдат, и где отыскать дом бригадира, показала мне, наконец, что я должен ехать еще пять верст, чтобы найти тех людей, которые были виновниками моего странствования.

Я тотчас же отправился в путь. Проехав почти полдороги, я увидел место, где находились помещения для больных и жил бригадир. Это место называлось “Богоявление” и состояло из 16 крытых тростником деревянных жилищ, устроенных наподобие госпиталей и из множества палаток и Татарских войлочных юрт. Сверх того, несколько жилищ были выкопаны в земле, едва выдавались из нея, но имели также своих обитателей.

На основании писем к прежнему моему начальнику кригс-комиссару Плетневу, я мог предполагать, что здесь находится уже много врачей: от них я охотно узнал бы о состоянии и положении больных, лечением которых я должен был заняться. Встретившийся мне какой-то Немец, котораго я просил указать жилище кого-нибудь из врачей, не мог ни в чем мне быть полезен, кроме того, что указал мне жилище аптекаря, которое, по его словам, находилось недалеко, на одном возвышении. Я отправился туда, но, говорю не шутя, я стоял уже на крыше искомаго дома, не подозревая, что под моими ногами могли жить люди, до тех пор, пока выходявший из отверстия дым и дверь, которую я приметил на склоне холма, не показали мне, куда надо идти. Я подошел к замеченной двери. Она открылась, и оттуда вышел небольшой сгорбленный человек.

Это и был аптекарь. Мы удивились, увидав друг друга, и точно старались признать один другаго. Это действительно так и было: едва мы назвали себя по именам, как оказалось, что мы были уже знакомы десять лет тому назад, в Кронштадте. Он ввел меня в свое жилище, которое кроме темной прихожей состояло еще из двух отделений, из которых одно было отведено для его семейства, а другое под аптеку. Внутренность жилища

соответствовала его внешности. Стены обмазаны желтой глиною, потолок сделан из плетеного тростника, засыпанного землею, крошечные окна с дрянными стеклами пропускали слабый свет во внутреннее пространство. Подобным же образом устроены и все остальные жилища. Печальны были следствия житья в такой землянке, особенно для семейства аптекаря: едва я вошел в комнату, как увидел, что жена его и пятилетняя дочь находятся в последней степени чахотки.

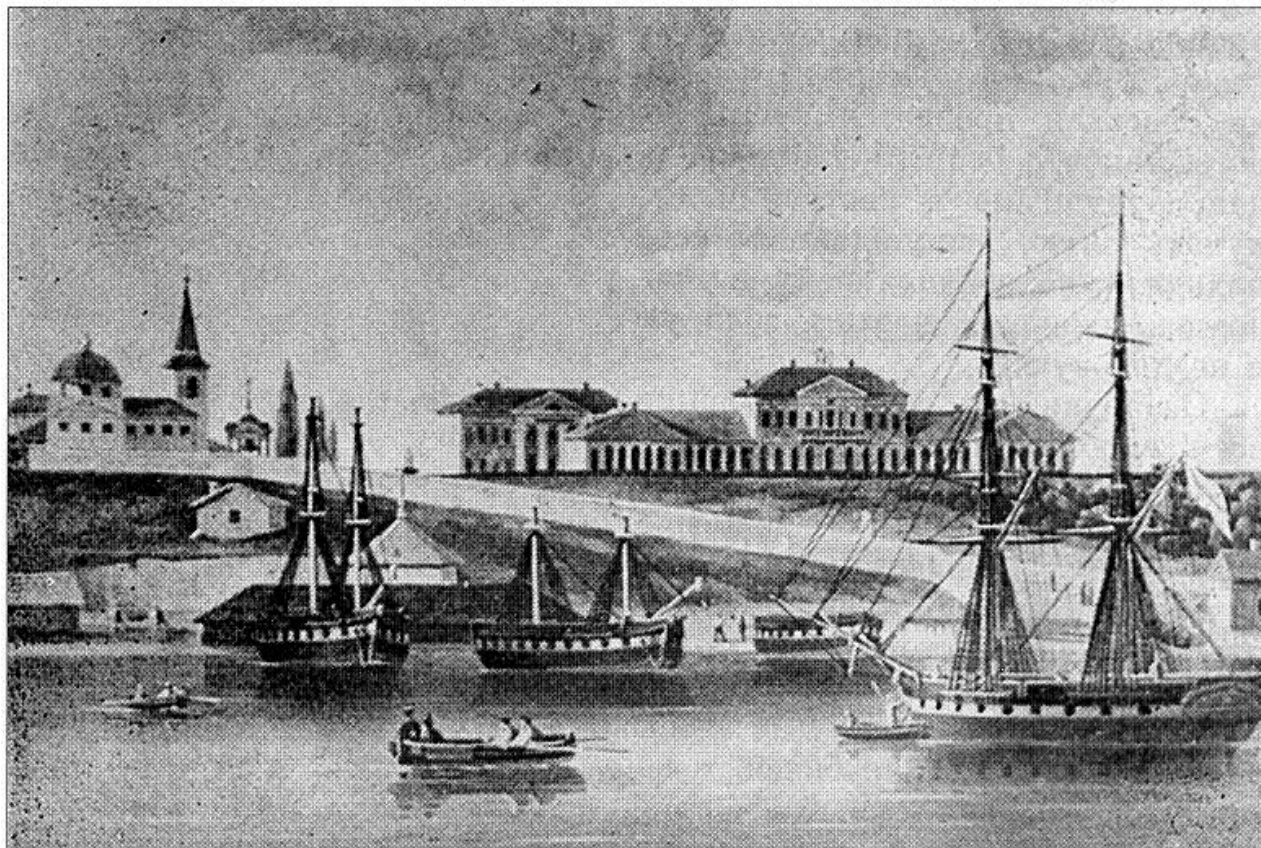

Алексеев Ф.Я. Вид города Николаева 1799 г.

Вскоре они слегли. Распросам не было конца. Аптекарь рассказал мне, что вскоре после нашей разлуки он получил от начальства приказ открыть общественную аптеку в Иркутске и что из уважения к оказанному доверию ему нельзя было долго откладывать поездку, как ни было затруднительно с женою и малютками предпринять столь далекое и само по себе нелегкое путешествие. Он намеревался было обстоятельно рассказать мне о разных своих лишениях на пути в Иркутск, о том, как он все-таки счастливо прожил там

три года и по какому случаю попал сюда в Богоявление, но я заметил ему, что моя жена с ребенком в экипаже дожидаются на улице, и я должен, не теряя времени, явиться к бригадиру Фалееву и просить его о квартире для себя.

“У вас также жена и дочь?” спросил аптекарь. «В таком случае я жалею, что судьба привела вас в это злополучное место. Приведите вашу любезную супругу в нашу хижину; пусть она побудет у нас, покуда вы устроите свои дела и снова можете быть у нас”.

Неизвестный художник, г. Николаев 1841 год

Привезя жену в дом гостеприимного аптекаря, я отправился к бригадиру Фалееву, дом которого мне пришлось искать недолго, потому что он отличался от прочих стенами, выкрашенными красною краскою и черепичною крышею. В бригадире я нашел дородного мужчину, одетого в зеленый камчатный халат, в голубой атласной обшитой черною каймою шапочке, на верхушке которой блестела серебряная весом в несколько лотов, кисть. Бригадир вооружен был длинною трубкою и занимался чаепитием, сидя на софе. Я счел долгом рекомендоваться ему, чтобы показать, как точно исполнил его приказ и поручить себя благосклонности господина бригадира.

До сих пор все шло хорошо, но когда я решился просить о квартире, на случай, если я долго останусь в Богоявлении, о квартире, без которой я, имея семейство, не мог существовать, он, с некоторым затруднением, отвечал мне, предлагая чашку чаю:

“Да, да! квартиру, любезный друг! Вот именно этим-то и не могу я служить вам. Две войлочные палатки, которые лежат еще в магазине, к вашим услугам, и вы ими можете обойтись, покуда я буду в состоянии отвести вам лучшее помещение”.

На прощанье господин бригадир дал мне совет относительно больных явиться к штаб-

доктору Самойлову, который сообщит мне обстоятельные сведения о предстоящих занятиях.

Мое пребывание в Богоявленьи продолжалось недолго. Число больных, которое я представлял столь значительным, вовсе не было таково и вполне могло удовлетвориться одиннадцатью врачами и хирургами. Я получил приказ отправиться в Николаев и там оставаться. По распоряжению Херсонской Адмиралтейс-Коллегии, несколько сотен человеке плотников, архитекторов и их помощников было командировано туда для постройки несколько уже лет тому назад проектированного нового города. Я и должен был находиться при этом, на случай могущих быть несчастий. Доселе ни одно человеческое существо не могло жить в этом месте, где в несколько месяцев возник город, который уже в первые годы своего существования обещал счастливое процветание и где теперь селятся люди всех стран.

Вокруг все было пусто. Единственные живые существа, которых здесь можно было встретить – были змеи. Хотя укушение их и не опасно, однако они были неприятны и страшны для людей тем, что проникали в жилища, плохо построенные из тростника и досок. В нашу тростниковую хижину, в которой нам пришлось провести первую ночь по приезде в Николаев, напоззло множество этих гадин. Хотя мы из предосторожности устроили постель на четырех высоких кольях, но это нисколько не помогло: змеи поднимались вверх, и почуяв, людей, с отвратительным шипением переползали через нас на другую сторону кровати и уходили. Постоянное отыскивание и истребление их в короткое время привело к тому, что во всем Николаеве нельзя уже было встретить их вовсе, или разве какуюнибудь одну змею. Постройка нового города шла вперед с изумительною быстротою: в тот год, когда я жил здесь, выстроено было более полутора десятков домов. Лес и другие строительные материалы доставлялись в изобилии на казенный счет по Бугу и продавались весьма дешево как чиновникам, так и другим лицам, желавшим здесь поселиться. Только каждый строившийся обязан был строго сообразоваться с планом, по которому город должен был постепенно возникать. Число жителей, собравшихся из разных частей государства, доходило в 1789 г., когда я покинул Николаев, до двух с половиною тысяч.

Очаков

Во время пребывания в Николаеве я посетил незадолго пред тем прославившуюся крепость Очаков, которая отстояла всего на день пути от места моего жительства. Я видел следы ужасной трагедии, которую пережил Очаков вследствие жестокой осады и взятия приступом. Дома в городе были разрушены и лежали в грудах: только немногие из них могли служить убежищем для Русского гарнизона. Множество трупов убитых Турок, полусъеденных крысами, лежало под обломками домов. Колоссальные валы, окружавшие город, были со всех сторон разбиты и разсыпаны выстрелами Русской артиллерии. Вне города видны были также следы опустошения, которые в таком множестве представлялись глазам внутри злополучного Очакова. Вблизи и вдали от города валялись сотни лошадиных и человеческих скелетов, мясо которых, послужило пищею волкам и хищным птицам. По многим черепам, покрытым еще волосами, можно было ясно видеть, что они принадлежали осаждавшим.

Описывая это, я имею перед своими глазами памятник жестокой осады, памятник, подаренный мне одним полковым хирургом из Русских, участвовавшим во взятии Очакова. Это случилось такими образом. Русские овладели уже городом и все, что не хотело сдаться добровольно, находило смерть под штыком победителей. Не смотря на то, ярость и отчаяние Турок были так неукротимы, что мужчины и женщины, хотя

сопротивление ни к чему не вело, стреляли в Русских из окон и из-за углов. Одна Турчанка, которой скоро предстояли роды, вероятно для того, чтобы спасти себя и своего ребенка, довольно смело выстрелила из пистолета в русского солдата, вошедшего в ее жилище. Но пуля не попала, и женщина была убита на месте. Во время борьбы со смертью она родила живое и вполне выношенное дитя. Упомянутый полковой хирург, которого случай привел в тот дом как раз во время этой сцены, взял из сострадания малютку на свое попечение. Но, несмотря на все заботы, младенец умер на третий день. Из него сделали скелет, тот самый, который мне подарил впоследствии хирург, и который я сберег до сего дня в память о нем и о своем пребывании в Очакове.

Штурм Очакова. Гравюра А. Берга, 1791 г.

* * *

* Наиболее популярное и цитируемое сочинение Э. В. Дримпельмана, известное как «Записки немецкого врача о России конца XVIII века» (оригинальное название – «Bescureebuug meener Reisen und der merkwurdigen meines Lebens»), в котором дается самое раннее описание недавно основанного г. Николаева, а также г. Очакова, который Э Дримпельман посетил через несколько дней после его взятия российскими войсками в декабре 1788 г. опубликовано в 1813 году. В его записках достаточно ярко и живо дана характеристика строителя г. Николаева М.Л. Фалеева, упоминаются имена врачей, служивших в Витовском госпитале. По мнению известного николаевского краеведа Ю.С. Крючкова, события, связанные с пребыванием Э Дримпельмана в Николаеве и описанные им в «Записках», относятся к 1789 г., а не к 1788 г., как это указано у автора. Впервые такую мысль высказал еще в конце XIX в. известный украинский историк Д. Багалея.

Николаевский хронограф

Этот день в истории Николаева. Месяц – Октябрь

1–8 октября 1823 года в Николаеве находился **Александр Сергеевич Пушкин** по пути в ссылку в Одессу.

1 октября 1863 года по проекту Военного губернатора Николаева Б.А.Фон-Глазенапа в Николаеве основано женское училище 1-го разряда, преобразованное впоследствии (1870 г.) в Мариинскую гимназию.

1 октября 1878 года в Николаеве на базе частного женского училища 1-го разряда Марии Карловны Панферовой открыта первая женская общественная гимназия (находилась на улице Купеческой 33)

1 октября 1886 года в Николаеве на территории Морского госпиталя состоялось освящение Госпитальной церкви во имя Святого Александра Невского, сохранившейся до наших дней (ул. Урицкого д.4)

1 октября 1882 года в Николаеве вышел "Николаевский листок объявлений", издававшийся под редакцией отставного инженера- механика **Василия Андреевича Даценко**, впоследствии Николаевского Городского Головы (1884-1888)

1 октября 1883 года в память о мученической смерти императора Александра II на перекрестке Соборной и Херсонской улиц (ныне Советская и проспект Ленина) Николаевское мещанское общество заложило часовню в русско-византийском стиле.

1 октября 1894 года в Николаеве для улучшения медицинского обслуживания рабочих и служащих был введен обязательный больничный сбор (современное "страховое медицинское обслуживание").

2 октября 1792 года на Николаевской верфи спущен на воду 26- пушечный фрегат "Лёгкий", участвовавший в экспедициях Черноморского Флота с эскадрой вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова. Строитель - корабельный подмастерье Александр Петрович Соколов.

2 октября 1802 года учреждена Николаевская губерния (упразднена 15 мая 1803 года)

3 октября 1803 года учреждён первый герб города Николаева

4 октября 1840 года В Николаеве родился известный астроном и продолжатель знаменитой династии Виктор Карлович Кнорре (1840— 1919). Автор многочисленных изобретений, приборов и научных исследований в области изучения астероидов.

5 октября 1791 года основатель города Николаева Светлейший князь **Григорий Александрович Потёмкин** выехал из Ясс в Николаев, но, не проехав и 30 верст, умер в степи. Последними словами его были: «**Я хочу умереть в моем Николаеве**».

5 октября 1915 года в Николаеве на заводе "Руссуд" (ныне - завод имени 61- го коммунара) спущен на воду линейный корабль "Император Николай I" водоизмещением 27300 тн.

6 октября 1913 года в Николаеве на заводе "Руссуд" (ныне - завод имени 61- го коммунара) спущен на воду Линейный корабль "Императрица Мария" водоизмещением 23413 тн.

6 октября 2004 года адмирал Фёдор Федорович Ушаков причислен к лику святых. Память совершается 23 мая, 23 июля и 2 октября. Фёдор Ушаков (в церковном календаре воин Феодор Санаксарский) — покровитель российского военно-морского флота и стратегических военно-воздушных сил.

7 октября 1803 года императором Александром I был учрежден первый герб Николаева:

"На щите, который разделён от верхней середины до нижних углов, в чёрном поле, над серебряной кадьницей изображён золотой крест, окружённый лучами, а по сторонам: в голубом поле Архиерейская митра и в золотом поле Архиерейский посох".

7 октября 1837 года года родился известный астроном, учёный Кортацци Иван Егорович (1837-1903), который в 1872 г. был директором Николаевской астрономической обсерватории.

7 октября 1851 года в Николаеве для юнкеров Черноморского флота, прикомандированных ко Второму учебному морскому экипажу открыта Школа флотских юнкеров. Командовал ею контр-адмирал Яков Матвеевич Юхарин.

8 октября 1802 года указом императора Александра I образована Николаевская губерния при разделении Новороссийской губернии.

8 октября 1944 года в Николаеве родился Виктор Арчилович Геловани советский и российский учёный, специалист в области прикладной математики, вычислительной техники, математического моделирования, академик РАН, доктор технических наук.

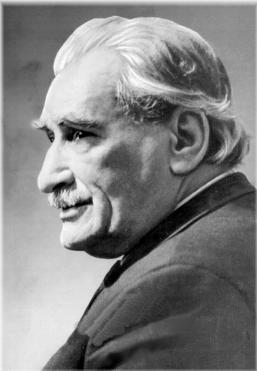
9 октября 1820 года родился выдающийся русский адмирал Григорий Иванович Бутаков. С августа 1856 года главный командир Николаевского порта и военный губернатор Николаева.

10 октября 1831 года на верфи А. А. Перовского в Николаеве спущен на воду 60-пушечный фрегат "Энос", Строитель-инженер-генерал майор корабельных инженеров Михаил Ильич Суровцов. Участвовал в экспедициях Черноморского Флота с эскадрой вице-адмирала М.П. Лазарева

10 октября 1840 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 74-пушечный корабль "Селафаил"- Строитель - В. Апостоли. Участвовал в Крымской войне 1853–1856. 11 сентября 1854 г. затоплен у входа на Севастопольский рейд

12 октября 1852 года в Николаеве освящена лютеранская церковь (кирха) Христа Спасителя на Адмиральской улице

12 октября 1953 года в г. Первомайске Николаевской области родился Архимандрит Зинон (в миру Владимир Михайлович Теодор)— архимандрит Русской православной церкви, современный иконописец, один из наиболее авторитетных мастеров современной русской иконописи, в 1995 году за вклад в церковное искусство первым из церковных деятелей получил Государственную премию России.

13 октября 1887 года в Николаеве родился выдающийся учёный-эпидемиолог, академик АМН СССР, Герой Социалистического труда **Лев Васильевич Громашевский** (1887-1980)- директор института инфекционных болезней АМН СССР.

14 октября 1787 года в день Покрова Пресвятой Богородицы русские войска под командованием генерал-аншефа А. В. Суворова разбили турецкий десант на Кинбурнской косе во время русско-турецкой войны 1787—1792.

14 октября 1926 года в Николаеве родился Главный режиссёр популярного телесериала "Кабачок «13 стульев» Заслуженный работник культуры ПНР Георгий Васильевич Зелинский (1926-2001)

15 октября 1804 года года родился выдающийся русский флотоводец участник русско - турецкой войны адмирал **Михаил Павлович Манганари** (1804-1887) главный командир Черноморского флота и военный губернатор Николаева. Похоронен в Николаеве в городском некрополе

16 октября 1859 года в Николаеве было открыто Общество морских врачей для обмена теоретическими знаниями и опытом, направленными на усовершенствование медицинской практики

16 октября 1907 года состоялось официальное открытие регулярного товарно-пассажирского движения поездов на линии Николаев - Херсон

17 октября 1827 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 96-и пушечный корабль "Императрица Мария", построенный по чертежам адмирала А.С. Грейга. Строитель - выдающийся русский кораблестроитель, полковник Корпуса корабельных инженеров Илья Степанович Разумов (1778-1827).

17 октября 1911 года в Николаеве были заложены три линейных корабля-«Императрица Мария», «Императрица Екатерина Великая» и «Император Александр III».

17 октября 1953 года в Николаеве введен в эксплуатацию крупнейший в СССР Южно-турбинный завод (ЮТЗ «Зоря»).

17 октября 1964 года в Николаеве на заводе имени 61-го коммунара спущен на воду большой противолодочный корабль "Отважный" водоизмещением 4460 тн. Трагически погиб при взрыве 30 августа 1974 года

18 октября 1823 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 74-и пушечный корабль "Пармен", участвовавший в войне с Турцией 1828–1829 г. в составе эскадры вице-адмирала А. С. Грейга. Строитель - выдающийся русский кораблестроитель, полковник Корпуса корабельных инженеров Илья Степанович Разумов (1778-1827).

19-20 октября 1905 года в Николаеве происходил знаменитый еврейский погром, описанный в автобиографических рассказах И. Бабея. Одна из наиболее позорных страниц в истории Николаева.

19 октября 1915 года в Николаеве на судостроительном заводе им. А. Марти (ныне- Черноморский судостроительный завод) спущен на воду лёгкий Крейсер "Адмирал Нахимов" (Червона Украина) водоизмещением 7999 тн.

19 октября 1970 года в Николаеве была создана региональная областная организация Союза художников Украины.

21 октября 1896 года в Николаеве состоялось открытие судостроительного завода «Наваль» (ныне - Черноморский судостроительный завод). Первым директором завода стал шотландец Э. Г. Гаррис.

Контр-Адмирал
А. И. Мязговский.

22 октября 1909 года Николаевским градоначальником был назначен вице-адмирал **Александр Иванович Мязговский** (1857-1919)- расстрелян большевиками в г. Николаеве 27 октября 1918 г.

23 октября 1849 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 84-х пушечный корабль "Чесма"- участвовал в Крымской войне 1853–1856.и был затоплен в Севастополе 28 июля 1855 г. Строитель И. С. Дмитриев.

23 октября 1849 года в Главном адмиралтействе г. Николаева спущен на воду 124- пушечный корабль "Париж"- Строитель С. И. Чернявский. Участвовал в Крымской войне 1853–1856. в составе эскадры вице-адмирала В. А. Корнилова. 28 августа 1855 г. затоплен на Севастопольском рейде.

23 октября 1904 года родился генерал-полковник, Герой Советского Союза Судец Владимир Александрович (1904-1981), командовавший 17-й воздушной армией 3-го Украинского фронта, которая освобождала Николаевщину от немецко-фашистских захватчиков в марте 1944 г.

24 октября 1915 года на заводе "Русского судостроительного общества" в Николаеве спущен на воду крейсер "Адмирал Нахимов" (переименован в декабре 1922 года в "Червону Украину"). 12 ноября 1941 года после попадания немецких авиабомб затонул недалеко от Графской пристани Севастополя.

25 октября 1829 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 18-и пушечный бриг "Кастор", участвовал в учебных плаваниях гардемаринов Николаевского Черноморского морского корпуса. Строитель-полковник Корпуса корабельных инженеров Александр Кириллович Каверзнев (1774-1867).

27 октября 1913 года в Николаеве на Никольской улице 12 в здании, арендованном в бывшем садоводстве Бель-Вю, открылся Учительский институт, рассчитанный на 3-х летний срок обучения

28 октября 1849 года родился вице-адмирал **Оскар Адольфович Энkvист** (1849-1912), командир Николаевского порта и градоначальник города Николаева (1902-1904), участник Цусимского сражения.

28 октября 1873 года в Николаеве открыто Александровское реальное училище, в здании на улице Никольской 13, ранее принадлежавшем уездному училищу.

28 октября 1922 года в Николаеве на заводе "Руссуд" (ныне - имени 61-го коммунара) спущен на воду Крейсер "Адмирал Корнилов" водоизмещением 7600 тн.

29 октября 1857 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 135-и пушечный корабль "Цесаревич", который по условиям Крымской войны вошёл в состав Балтийского флота. Строитель И.С. Дмитриев.

29 октября 1927 года в г. Первомайске Николаевской области родился известный учёный-биолог Кудерский Леонид Александрович - доктор биологических наук, профессор, академик РАЕН. Специалист по донной фауне и питанию рыб, биологии аборигенных видов рыб, происхождению озерной ихтиофауны

29 октября 1967 года в Николаеве состоялся пуск первого троллейбуса следовавшего от старого железнодорожного вокзала до кольца на проспекте Ленина у старого городского кладбища.

30 октября 1891 года в станице Голта (сейчас город Первомайск) родился Мишка Япончик (Моисей Вольфович Винницкий), одесский налётчик, прообраз Бени Крика из «Одесских рассказов» И. Бабеля. В начале Гражданской войны воевал на стороне большевиков.

30 октября 1934 года в Николаеве на судостроительном заводе № 198 (ныне- Черноморский судостроительный завод) спущен на воду лидер эскадренных миноносцев "Москва" водоизмещением 2597 тн.

31 октября 1836 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 18-и пушечный корвет "Орест", участвовал в Крымской войне 1853-1856 г. и был затоплен в Севастополе. Строитель-капитан Корпуса корабельных инженеров Акимов Алексей Семенович (ок. 1799 - 1858)

31 октября 1836 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 88-пушечный корабль "Султан Махмуд"- строитель В. Апостоли. Участвовал в экспедициях Черноморского флота во главе эскадры под флагом контр-адмирала М. П. Лазарева. Разобран в 1854 г.

31 октября 1840 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 60-и пушечный фрегат "Месемврия", участвовал в Крымской войне 1853–1856 г. и был затоплен в Севастополе. Строитель С. И. Чернявский

31 октября 1840 года в Спасском адмиралтействе г. Николаева спущен на воду 74-х пушечный корабль "Уриил"- Строитель - капитан Корпуса корабельных инженеров Акимов Алексей Семенович (ок. 1799 – 1858 г.г.). Участвовал в Крымской войне 1853–1856 г. 11 сентября 1854 г. затоплен у входа на Севастопольский рейд.

31 октября 1843 года в Николаеве открыто одноклассное городское девичье училище.

31 октября 1891 года в Николаеве состоялось открытие Николаевского отделения Императорского русского музыкального общества. Его первой председательницей стала Элеонора Михайловна Милевская. Общество организовывало музыкальные собрания, симфонические и камерные выступления, а его деятельность во многом определяла характер музыкальной жизни города.

31 октября 2000— 21 марта 2001 г.г. состоялся второй полёт в космос на МКС нашего земляка, Героя России лётчика космонавта **Юрия Павловича Гидзенко**.

Книгоиздательство

Издательство Ирины Гудым на книжном рынке существует более 10 лет. Книги издательства - это летопись истории города Николаева, Северного Причерноморья, Украины, России. Настоящая художественная проза, поэзия, детские книги, исторические эссе, православная литература. Библиотеку издательства составляют книги лауреатов Национальной премии Украины им. Т.Шевченко, Всеукраинской премии им. Н. Ушакова, Николаевской областной премии им. Н.Аркаса, книги историков-исследователей,

краеведов.

Все эти издания можно увидеть и приобрести на демонстрационных стендах издательства или заказать на сайте www.gudim.mk.ua. Издательство ежегодно принимает участие в международных, республиканских и городских книжных выставках.

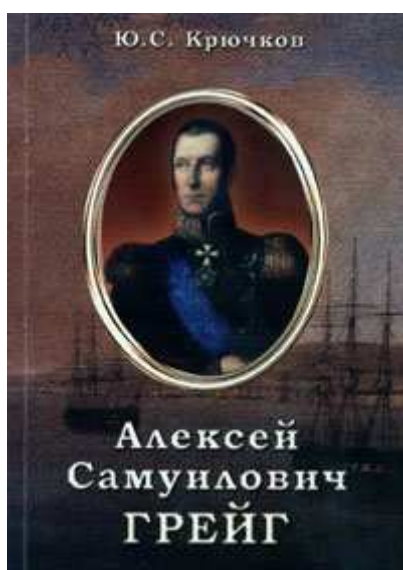
Адрес издательства:

Украина, 54030, г. Николаев, ул. Адмиральская, 20, E-mail: publish@mk.ukrtelecom.ua

тел: 8 (0512) 37-37-18, типография: 8 (0512) 37-27-00

моб. 8 (097) 301-86-92, 8 (098) 424-73-04

Крупнейший николаевский книгоиздатель Ирина Гудым представляет книги издательства:

Крючков Ю.С. «Алексей Самуилович Грейг и его время: адмирал, личность, человек». - Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2008. - 480 с.

Много лет жизни автор посвятил изучению жизни и деятельности Алексея Самуиловича Грейга, который стоял у колыбели нашего города и сделал очень много для его развития. Многолетняя заинтересованность воплотилась в книгу, которая предлагается вашему вниманию. Жизнь этой неординарной личности была драматической: он испытал и клевету, и травлю, и не безоблачную личную жизнь.

В книге удачно сочетаются историческая достоверность и лёгкость изложения, которая граничит с романизированной биографией.

Автор книги через призму времени показывает живое обаяние этого образованного и многогранного человека, тонкого и ранимого, раскрывает причины столь неоднозначного

отношения к нему его современников и историков.

Ссылка для скачивания книги: <http://depositfiles.com/ru/files/ztgrrkdab>

* * *

Кисаров И.В. «Казарский. Память его из рода в род на вечные времена». Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2009.- 288 с.

Книга рассказывает о подвиге брига «Меркурий» под командованием капитана А.И. Казарского, о трагической судьбе капитана – честного и порядочного молодого офицера, до конца выполнившего свой долг перед Отечеством и государем.

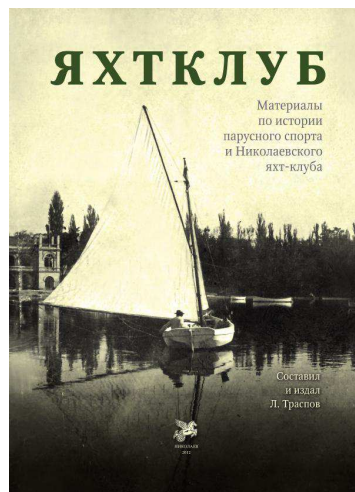
На основании исторических документов автор воссоздает образ главного героя, прослеживает наиболее значительные эпизоды его жизни и деятельности, пытается приподнять завесу тайны над его гибелью.

В книге приведены многочисленные примеры, доказывающие, что бесстрашие экипажа брига «Меркурий» вдохновлялось мужеством предшественников и имеет продолжение в подвигах потомков, а источником духовной силы русского воина во все времена была Православная вера.

Книга снабжена большим количеством уникальных материалов, позволяющих лучше понять отечественную историю.

* * *

Лев Траспов

Л. Траспов. Яхтклуб. Материалы по истории парусного спорта и Николаевского яхт-клуба. Областная федерация парусного спорта объявляет подписку на книгу, посвященную 125-летию Николаевского яхт-клуба. Юбилейное полноцветное издание объёмом 576 стр. и форматом 280x205 подписано в печать 26 августа – в День рождения яхт-клуба. Книга представляет собой сборник документальных материалов, фотографий и воспоминаний николаевских яхтсменов разных лет и содержит около 900 иллюстраций (середина XIX – XX вв.), в подавляющем большинстве публикуемых впервые.

Цена для подписчиков – 200 гривен (25 U\$) (без учёта доставки) при планируемом тираже в 1000 экз. Выход книги из печати намечен на декабрь 2012 г. По вопросу подписки обращаться к Л. Ф. Траспову (067-294-02-12; 099-08-239-25; e-mail: lev_naval@mail.ru).

Николаевский речной яхт-клуб был учрежден в 1887 г. 12 августа состоялось первое собрание лиц, пожелавших учредить в городе яхт-клуб. Позднее именно в этот день отмечались юбилейные даты общества. 7 мая 1889 г. он был торжественно открыт. Тогда же состоялась первая парусная гонка клуба. Основным инициатором учреждения яхт-клуба в городе был Евгений Николаевич Голиков.

Библиотечное дело

Наш успех - в нашем единении

(несколько штрихов к 20-летию юбилею Николаевской областной библиотечной ассоциации)

Отмечая юбилей ассоциации вспоминается холодный декабрь 1991 года. Библиотечное сообщество Николаевщины празднует событие. Событие в то время неординарное, для многих непривычное и непонятное. Впервые в нашем государстве в украинской библиотечной отрасли создана профессиональная общественная организация - Николаевская областная

библиотечная ассоциация (НОБА). Инициатор ее создания и первый председатель - Мейжис Ирина Альбертовна, известный библиотековед, доктор педагогических наук, профессор. Украинская библиотечная ассоциация появится два года спустя.

Какую цель ставила перед собой НОБА, что декларировала в своих положениях, какие вопросы считала приоритетными?

Во-первых, ассоциация хотела объединить библиотеки всех систем и ведомств: публичные, специальные, вузовские, школьные, учебных заведений профессионально-технического образования, а также индивидуальных членов, которые профессионально связаны с библиотечным делом, или заинтересованы в его развитии.

Во-вторых, она собиралась выражать и отстаивать интересы библиотечной отрасли в области и быть доверенным голосом библиотечного сообщества, осуществлять положительное влияние на развитие библиотечного дела в целом.

Глядя сегодня на тогдашнее видение существования общественной организации, можно уверенно сказать: все, о чем мечталось, сбылось. За 20 лет НОБА стала настоящей стартовой площадкой для многих дел, начинаний и проектов. Сегодня ассоциация осуществляет общественный мониторинг состояния библиотечного дела в городе и области, благодаря чему в Николаевской области полностью сохранилась сеть существующих библиотек, не было сокращений и практически отсутствует неполная занятость.

НОБА ввела корпоративное взаимодействие, результатом которого стало создание совместных информационных ресурсов - Сводного электронного каталога «Ресурсы библиотек г. Николаева» и Регионального корпоративного каталога периодических изданий, модераторами которых являются Научно-педагогическая библиотека и ОУНБ им. Гмырева.

Свою деятельность ассоциация популяризирует через СМИ, социальные сети, собственные печатные издания. Уже много лет при НОБА работает пресс-центр, который готовит к выпуску информационный вестник «БиблиоАс». На страницах издания выступают руководители области, библиотечной общественности, освещается опыт библиотек всех систем и ведомств (Полный текст на сайте МОБА - www.moba.net.ua). Члены правления ассоциации - частые гости на телевидении. Недавно состоялась пресс-конференция с участием ведущих СМИ. На ней ассоциация отчиталась о своих достижениях и рассказала о планах на будущее.

В структуре ассоциации действует Совет ветеранов библиотечного дела и Совет молодых библиотечных лидеров.

Совет ветеранов занимается ветеранами библиотечного труда: поздравляет их с праздниками, днями рождения, помогает обеспечению лекарствами, и др. Традиционные ежегодные праздники ветеранов, пожалуй, проводятся только в нашей отрасли. Ветераны всегда с нетерпением ждут эти встречи, ведь у них есть возможность встретиться, пообщаться, насладиться концертной программой, которая является неотъемлемым атрибутом праздника.

Совет молодых библиотечных лидеров привносит инновационные моменты в работу ассоциации, а именно: участие в проведении международной видеоконференции «Легко ли быть молодым библиотекарем?». Видеоконференция прошла с участием молодых специалистов Украины, России и Казахстана. Активно работает молодежь в Школе журналиста. Именно молодые стали активными участниками фотоконкурса «Портрет читателя в интерьере библиотеки», который был приурочен к 20-летию НОБА. Большое внимание Правление ассоциации уделяет вопросам модернизации образования работников области.

Наши специалисты - активные участники Международной Крымской конференции, Всеукраинских научно-практических конференций, международных семинаров. Профессиональному взаимообогащению, продуктивному обмену опытом способствуют такие формы, как библиокараван «Знакомьтесь: библиотеки Николаева», библиодесанты в отдельные библиотеки Октябрьского района и др. Обучение на региональных курсах в Центре непрерывного информационного образования помогло многим библиотечным специалистам получить навыки работы в современном мультимедийном пространстве.

Уже несколько лет подряд библиотечные специалисты г. Николаева, благодаря партнерским связям НОБА и ГПНТБ (Москва), имеют

возможность принять участие в мастер-классах А.И. Бродовского - главного специалиста по вопросам работы в АБИС ИРБИС. Ассоциация не остается в стороне от библиотечных событий. Она - активный член жюри при подведении итогов областных конкурсов различной тематики среди районных и сельских библиотек. Введена именная номинация НОБА, победители которой получают призы.

НОБА на протяжении многих лет является коллективным членом Украинской библиотечной ассоциации. Она - активный участник всех проектов и инициатив УБА: конференций, чатов, флешмобов, поездок с целью обмена опытом.

Ассоциация живет активной жизнью города. И все знаковые события проходят всегда с ее участием: будь-то парад муниципальных служб, или городская выставка «Образование XXI века», или открытие маршрута ретроtramвая ко Дню города. НОБА имеет свою атрибутику: баннер, флажки, логотип. Не так давно в ассоциации появился свой гимн (композитор А. Сычев, поэтесса Т. Лищинская).

Благодаря активной работе членов правления, предыдущих председателей НОБА Н.В. Семилет, Л.С. Северин, можно уверенно сказать, что это организация, которая способствует формированию у общества осознания роли библиотеки как фактора развития гражданского общества.

Николаевская областная библиотечная ассоциация работает ради общего успеха.

Роскина Т.И., председатель НОБА, директор Научно-педагогической библиотеки г. Николаева